

crime story

№7

Дарья ДОНЦОВА

Марина КРАМЕР

Татьяна УСТИНОВА

а также:

Наталья Александрова

Дарья Калинина

Татьяна Луганцева

Марина Серова

Наталья Солнцева

Annotation

В новом сборнике лучших криминальных историй представлены самые громкие имена современной остросюжетной прозы! Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Марина Крамер и другие известные авторы вновь порадуют своими блестящими детективными рассказами. Оригинальные сюжеты, яркие герои и тонкий юмор подарят вам минуту настоящего удовольствия!

Содержание сборника:

Наталья Александрова «Не плачь, Маруся!»
Дарья Донцова «Правда в три короба»
Дарья Калинина «Летний дворец»
Марина Крамер «Двадцать минут счастья»
Татьяна Луганцева «Фейсконтроль на тот свет»
Марина Серова «Рождественская шутка»
Наталья Солнцева «Браслет скифской царевны»
Татьяна Устинова «Волшебный свет»

-
- [Татьяна Устинова, Татьяна Луганцева, Наталья Солнцева, Наталья Александрова, Марина Серова, Марина Крамер, Дарья Калинина, Дарья Донцова](#)
 - [Наталья Александрова](#)
 - [Дарья Донцова](#)
 - [Дарья Калинина](#)
 - [Марина Крамер](#)
 - [Год спустя](#)
 - [Татьяна Луганцева](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Марина Серова](#)
 - [Наталья Солнцева](#)
 - [Татьяна Устинова](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

**Гатьяна Устинова, Гатьяна Луганцева, Наталья Солнцева,
Наталья Александрова, Марина Серова, Марина Крамер,
Дарья Калинина, Дарья Донцова**
Crime story № 7

Наталья Александрова

Не плачь, Маруся!

Смотри-ка, Маруся, а ведь уже настоящая весна... – сказал Семен Петрович, вдыхая полной грудью свежий прохладный воздух.

Маруся не ответила, она в умилении наблюдала за птицами. Птицы и правда в этот весенний погожий денек буквально сошли с ума. Воробьи галдели как на базаре, синицы тренькали звонко, даже вороны каркали сегодня приятно для слуха.

– Хороший все-таки у нас район, – продолжал Семен Петрович, ничуть не обидевшись, что ему не отвечают, – вышел из дома – и через двадцать минут ты уже, считай, за городом, в лесу.

Лес действительно был почти настоящий – именно лес, а не парк. Конечно, в середине апреля еще сыровато и на деревьях вполне могут быть клещи, но Марусе просто необходимо бывать в лесу. Да и Семену Петровичу свежий воздух не повредит.

Сквозь ветки еще голых берез проглянуло солнце, и в его лучах забелели первые цветки подснежников.

– Ох, Маруся! – обрадовался Семен Петрович. – Смотри-ка, первые цветочки!

Но Марусе было не до цветов. Ноздри ее раздувались, лапы разъезжались на сырой дорожке, рыжий хвост победно мотался, как вымпел. Какие уж тут цветы, когда вокруг столько упоительных запахов и мелкой живности!

Маруся припала на задние лапы и повела носом. Потом коротко и тонко взлаяла, что означало у нее полный восторг, и вдруг понеслась по лесу, не разбирая дороги, уши ее развеялись по ветру.

– Учужала кого-то, – в умилении подумал Семен Петрович, он обожал свою собаку и готов был если не на все, то на очень многое, только чтобы доставить ей удовольствие.

Так и сегодня, в воскресенье, Маруся подняла его ни свет ни заря – на дворе распевали птицы, и ей казалось, что, оставаясь в четырех стенах, она пропустит все самое интересное. Семен Петрович не ворчал и не кидался в нее ботинком, он без всякого сожаления выбрался из объятий Морфея и побрел за Марусей не на ближний пустырь, а в лес, что находился между проспектом и Выборгским шоссе.

Сейчас он встрепенулся и бросился вслед за Марусей – не дай бог, убежит. Весна все-таки, первобытные инстинкты...

Собака никуда не делась – она в упоении копалась в куче прошлогодних опавших листьев.

«Принесет в дом клещей!» – озабоченно подумал Семен Петрович. Но вид у Маруси был такой счастливый, что он решил махнуть рукой на предосторожности.

Собака снова гавкнула и еще быстрее заработала лапами. Листья взвихрились в воздухе темным облаком.

– Маруся, – притворно строго сказал, приблизившись, Семен Петрович, – что-то ты увлеклась...

Дальнейшие слова застряли у него в горле. Из кучи палой листвы высунулась рука. Семен Петрович по инерции сделал несколько шагов вперед и застыл на месте.

Рука была темной, вымазанной в земле, но, несомненно, женской – с маникюром ярко-алого цвета. Солнечное утро померкло в глазах Семена Петровича, он отшатнулся от кучи листьев и дрожащим голосом позвал собаку.

Маруся, однако, не обратила внимания на хриплый шепот хозяина и в упоении продолжала рыть. Вот уже стала видна кисть и рукав какой-то одежды...

– Маруся! – рявкнул Семен Петрович и из последних сил пристегнул собаку на поводок.

Он оттащил упирающуюся Марусю в сторону, и тут силы окончательно оставили его, и Семен Петрович опустился на кстатн подвернувшийся трухлявый пенек.

«Бежать! – стучало в голове. – Бежать отсюда немедленно! Ничего не видел, ничего не слышал... А то ведь затаскают потом... Скорее, пока никто не пришел...»

Он сделал попытку подняться, ноги не держали. Маруся поглядела на хозяина с немой укоризной. Против воли он снова перевел глаза на торчащую из листьев руку. Кто она – незнакомка, лежащая там? Судя по руке – молодая, привлекательная женщина. Что с ней стало? Сбили машиной на шоссе и спрятали труп, чтобы не отвечать? Или убили где-то далеко и привезли сюда, чтобы закопать, но поленились? А кто-то ведь ее ищет, на телефоне висит, ночей не спит... Нет, его долг, как честного гражданина, вызвать милицию.

Трясущимися руками Семен Петрович потыкал в кнопки мобильного телефона. Ответили сразу, велели ждать на месте, никуда не уходить, поскольку номер его телефона у них забит в памяти, и свидетеля все

равно потом найдут.

- Ребята, на выезд! – крикнул дежурный.
- Чего еще? – недовольно заворчал Жека, продирая глаза. – Смена уже кончается...
- Ничего, машина во дворе, как раз успеете обернуться.
- Что стряслось? – Валентин потянулся и помассировал шею.
- Да там один чужак труп нашел в лесу возле Выборгского шоссе...
- Возле Выборгского? – радостно осклабился Жека. – Дак это же не к нам!
- К нам, Женечка, к нам, – протянул дежурный, – и не тяни время, машина ждет.
- Так это в том лесочке, что ли? – догадался Валентин. – Ох, горюшко!

Кусок леса между проспектом и шоссе был кошмаром их милицейской жизни. Место хорошее, удобное, и давно уже откупили бы его строительные компании, чтобы возвести там элитный дом или торгово-развлекательный центр. Но город наложил вето, поскольку на пересечении шоссе и двух проспектов планировалось построить развязку. Но планы – это одно, а дело – это совсем другое. Развязка существовала только на бумаге, а в лесочке царила криминогенная обстановка. Предприимчивые граждане давно уже проложили тропинку, чтобы сподручнее было идти от больницы к автобусной остановке, и только за последний год в лесочке случилось пять краж, два изнасилования и одно ограбление с тяжкими телесными повреждениями. Кроме того, один сильно подвыпивший гражданин едва не замерз насмерть, примостившись подремать зимой в сугробе, хорошо, что его нашла чья-то кавказская овчарка. От вида оскаленной морды, нависающей над головой, гражданин мигом протрезвел, да еще потом подал иск на овчарку за то, что перепугала. В общем, с этим лесочком у милиции была сплошная головная боль.

И вот теперь – здравствуйте вам, труп! Да еще ранним воскресным утром, под конец дежурства!

- Кузькина, вставай! – обратился Жека к аккуратному холмику, прикрытому красной стеганой курткой.
- Всю жизнь проспай!
- Кузина, – невозмутимо ответили из-под куртки, – и я вовсе не сплю.

Груда одежды зашевелилась, и на свет показалась Галя Кузина – стажер и по совместительству фотограф. Жека привычно хмыкнул и зло покосился на Валентина, тот поежился. Со стажеркой был его прокол, тут он свою вину признавал полностью.

Когда месяц назад стало известно, что придут к ним в отделение девчонки из Школы милиции, в отделе находился только он один. Женька Топтунов бюллетенил, кого-то вызвали к начальству, кто-то был на вызове, короче, ответственное дело выбора стажера поручили Валентину, то есть капитану Мехреньгину. А он провозился с отчетами, потом долго беседовал со свидетельницей – старухой восьмидесяти лет, терпеливо выслушивая, что с ней случилось в ранней юности – что было вчера, бабка припоминала с трудом. Короче, когда он вспомнил о важном деле, всех приличных девчонок уже расхватили и осталось только эта Галя Кузина. Даже начальник, подполковник Лось, увидев ее, крикнул и сказал, что это не девица, а недоразумение господне.

Маленького роста, в широченных штанах и бесформенной куртке, рыжие волосы стоят дыбом, как иголки у рассерженного ежа, нос картошкой, да к тому же усыпан веснушками – ну вылитый клоун, только кепки в клеточку не хватает! Кепка у нее, кстати, тоже имелась, велика на два размера, так что из-под козырька иногда и глаз не видно было.

Жека страшно обиделся на Валентина и не стеснялся выразить стажерке свое разочарование. Та, надо сказать, на его шпильки никак не реагировала, вела себя спокойно.

Эксперт Трубников уже сидел в машине, зябко поводя плечами. Нос у него был красный, глаза слезились.

- Закрывай дверь скорее, – просипел он, – от этих сквозняков простыл совсем...

Ехать было недалеко, минут семь.

– Васильич, – обратился Валентин к водителю, – ты высади нас тут, мы в горку пешочком поднимемся, туда все равно не доехать.

- И то дело! – оживился Васильич. – Пока вы там управитесь, я на заправку сгоняю.

Поднявшись и выйдя на полянку, которая летом, надо полагать, была покрыта высокой травой, они издали увидели большую кучу палых листьев. Чуть в стороне сидел, прислонясь к дереву, бледный хлипкий мужчина с испуганными глазами. Рядом с ним скучал красивый рыжий сеттер.

Увидев милицейскую компанию, сеттер оживился и облаял всех чохом. Но чувствовалось, что делает он это не со зла, а просто от скуки.

- Ну и где тут у вас труп? – рявкнул Жека. – Устерегли?

– Вон там, – севшим от страха голосом пробормотал мужичок, – под листьями. Я ничего не трогал, это

Маруся...

– Ай да Маруся! – бурно восхитился Жека. – Вот чего нашла! Может, она и дальше раскопает?

Валентин ткнул Женьку кулаком в бок – хватит, мол, дурака валять, свидетель и так весь на нервах, еще с ним потом возиться...

– Придержите собаку, – сказал он мужичку, – потом с вас показания снимем.

Они подошли к куче и палками стали разгребать листья. Вот рука показалась полностью, потом плечо, шея...

– Погоди-ка, – Жека с сомнением наклонился. – Опаньки! Вот тебе и здравств!

– Что же это вы устраиваете, гражданин Зябликов? – громким голосом вопрошал Жека. – Что же это вы делаете? Шутки, значит, шутить вздумали? А мы ведь, между прочим, вам не приятели, не у тещи на блинах находимся, а на работе. Как говорится, при исполнении обязанностей. Дежурство у нас, и пока вы тут приколотесь решили, может, в этот самый момент кого-нибудь убивают! Или насилуют!

Жека был на высоте своего замечательного хамства, но в данном случае в полном праве. Потому что, когда раскопали кучу листьев, оказалось, что под ней лежит... манекен. Самый обычный манекен из магазина готового платья. Выполненный, правда, весьма качественно, так что со страху да сослепу вполне можно было принять его за полузакопанный труп. Тем более что свидетель видел только часть.

Мужичку стало совсем плохо. Он сидел, низко опустив голову, и мелко вздрагивал, слушая громогласные раскаты Жекиного голоса, разносившиеся по всему лесочку. Даже птицы примолкли, а может, вообще улетели от греха подальше.

– Вы бы хоть собаку свою послушали! – не унимался Жека, которому было ужасно обидно, что его разбудили и выгнали на выезд по ошибке, по ерунде. Жеке хотелось на ком-нибудь сорвать злость, и самым подходящим субъектом оказался провинившийся свидетель.

– Да никакая собака к трупу не подойдет и на пушечный выстрел! – орал Женька. – Она сядет в сторонке и примется выть, а ваша, сами говорили, копала с увлечением! Умная у вас собачка, не чета хозяину!

Собачка и вправду была умна и, надо полагать, отлично понимала человеческую речь. Потому что она расслышала в словах Жеки что-то обидное для своего хозяина, зарычала и вцепилась в Жекины брюки.

– Маруся! – закричал потерявший голову хозяин. – Немедленно прекрати, тебя же арестуют!

– Может, хватит? – тихонько сказал Валентин, отзывая Жеку в сторонку. – Тебе не надоело цирк устраивать? Ну, ошибся человек... Тебе что, приятнее было бы сейчас с настоящим трупом возиться? Ну, выехали в лесок, воздухом подышали.

– Угу, и сколько еще дышать? – осведомился Жека, угрюмо взирая на напарника с высоты своих ста девяноста сантиметров. – Васильич, тот еще прохиндей, небось сейчас кому-нибудь холодильник на дачу везет. Сколько мы его прождем?

– Вы как хотите, ребята, а я пойду! – заявил Трубников, чихнув в сторону так громко, что последняя ворона сорвалась с елки и улетела. – Я тут от сырости бронхит схвачу!

– А можно мы тоже пойдем? – робко спросил свидетель. – А то Маруся нервничает...

По наблюдению Валентина, нервничала не Маруся, а сам Семен Петрович Зябликов – так представился свидетель.

– Э, нет! – Жека с новыми силами набросился на несчастного Зябликова. – Сейчас протокол будем составлять!

Валентин отошел к манекену. Стажерка Кузина возилась с фотоаппаратом.

– Тебе зачем? – полюбопытствовал он.

– Так, – она не подняла глаз, придавая манекену позу живого человека. То есть не так... живого трупа... Валентин совсем запутался.

– Как думаете, кому понадобилось выбрасывать манекен? – спросила Галя.

Мехреньгин и сам задавал себе этот вопрос. На первый взгляд вполне приличный, неповрежденный манекен. Вещь-то, наверное, денег стоит – ишь как сейчас научились делать! Руки-ноги сгибаются, он и сам не раз видел, как в витрине манекены расположены в самых вольных и непринужденных позах.

– Да кто ж знает! – отмахнулся он. – У людей крыша поехала, готовы под собственными окнами свалку устроить!

И тут же он понял, что манекен вовсе не выбросили, а спрятали. Хоть и наспех, да закопали. И если бы не шустрая собака, то вряд ли бы так скоро нашли.

Капитан наклонился. Судя по одежде, манекен валяется здесь не так долго, несколько дней. Одежда хоть и запачкалась, но в приличном состоянии.

– Валентин Иваныч! – несмотря на разницу в возрасте не больше десяти лет, стажерка упорно

именовала его по отчеству. – А ведь одежда-то на нем дорогая...

– Ты откуда знаешь?

– Да вот, – она отвернула ворот свитера, – фирма приличная. А юбка и вовсе дизайнерская, вон какой крой интересный...

Валентин хмыкнул – где тут в мятой юбке, пахнущей плесенью, она разглядела крой?

– Если манекен не нужен стал, – бормотала Галя, – тогда бы хоть одежду сняли, она больших денег стоит... Хотя...

– Что – хотя? – Капитан постарался, чтобы в его голосе не прозвучала заинтересованность.

– Одежда-то не новая, кто же такую на манекен надевает...

– Чего? – гаркнул неслышно подошедший Жека. – Чего вы тут возитесь? Кузькина, кончай фигней заниматься!

– Кузина, – не оглянувшись, спокойно поправила стажерка, – точно, ношенная одежда – ничего на ней не пришито, ценника нет, штрих-код снят, в магазине так не делают, куда же ее потом девать, когда с витрины снимут?

– Вот и выбросили за ненадобностью, – сказал Жека, – а вы дурью маетесь...

– И потом... – продолжала Галя, полностью игнорируя Жекино замечание, – уж вы меня извините, но ни один продавец манекен в таком виде не выставит. Одежда совсем неподходящая. Сами посудите: свитер кашемировый, бирюзовый, а к нему юбка легкая летняя, малиновая с цветами! Да любой магазин мигом прогорит, если такое на свои манекены наденет!

– Да ты-то откуда все это знаешь? – заржал Жека.

Сам Валентин едва сдержал улыбку. Слышать такие рассуждения от особы, одетой как клоун в цирке, было, по меньшей мере, забавно.

– Ну, в театре каком-нибудь манекен был нужен... – пробормотал он, стараясь не смотреть на Галину кепку, надетую козырьком назад, и широченные штаны, из-под которых не видно было кроссовок.

– Тогда зачем выбросили? – Галя уставилась на него, сбросив кепку, рыжие волосы сердито торчали в разные стороны. – У меня подруга в театре работает – там знаете, какая нищета? Если какой спонсор расщедрится и даст денег на костюмы и реквизиты, то ему в ножки готовы поклониться! А тут – манекен, да еще шмотки на нем дорогие! Проброесятся!

– Загадочная история... – Мехреньгин проговорил это тихонько, но Жека услышал.

– Ну все, пошло-поехало! – Он махнул рукой и отошел, схватившись за телефон. – Васильич! Ты где едешь, ешь твою налево!

Жека опасался не напрасно. Всему отделению было известно, как капитан Мехреньгин любит загадки. То есть не то чтобы любит, но если он чего-то не понимал, то терял сон и аппетит и все думал и думал об этом непонятном. Иногда из таких его мыслей выходило что-то путное, но не всегда.

Вот и сейчас Валентин чувствовал, что загадка манекена овладела им полностью. Он вздохнул и присел рядом с Галей.

Волосы у манекена были хорошие, густые, красивого каштанового оттенка с блеском – ясное дело парик, но хорошего качества.

– Парик-то парик... – протянула Галя, – но смотрите...

Она дернула волосы, парик был приклеен. Причем наспех, потому что вблизи стали видны неаккуратные потеки клея.

– «Момент!» – авторитетно заявил Валентин, потянув носом.

Он задрал свитер. Под ним ничего не было, только манекен.

– Бывают некоторые извращенцы, – пояснил он Гале, – или ненормальные... Манекен похож на живую женщину, вот они и... Но тогда она была бы полностью одета – белье там, чулки...

– Я тоже об этом подумала, – ничуть не смутившись, ответила девушка, – но здесь не то...

Капитан Мехреньгин и сам чувствовал, что здесь – не то. Он внимательно ощупал юбку, и в боковом кармане, сильно удивившись, нашел скомканную бумажку. Небольшой такой прямоугольник, отпечатанный не фабричным способом, а на обыкновенном принтере на не слишком плотной бумаге.

Капитан разглядел бумажку. Там было всего несколько слов и цифр. «Центр современного дизайна». Набережная адмирала Макарова, дом 10.

И ниже: 22 июня 2007 года, 18.00.

Больше на бумажке ничего не поместилось – ни имени, ни фамилии, ни еще какой полезной информации.

– Билет, наверное, на мероприятие...

– Эй, господа сыщики! – крикнул Жека. – Машина внизу! Давайте скорее, а то Васильич еще какого

перца подсадит со старой стиральной машиной!

– Мы ее так и оставим? – упавшим голосом спросила Галя.

– А куда же ее деть? – рассердился Мехреньгин. – Если с собой везти, так над нами все отделение смеяться станет! Ты вот что, одежду давай захватим, на всякий случай...

Галя блеснула глазами и вмиг стянула с манекена свитер и юбку, убрав все в неизвестно откуда взявшийся непрозрачный пакет.

Злясь на себя за сентиментальность, Мехреньгин забросал манекен, выглядевший беззащитно и жалко, листьями и хвоей. Билет, найденный в кармане юбки, он сунул в бумажник, зная уже, что долго ему там лежать не придется – как уже говорилось, капитан Мехреньгин очень не любил неразгаданных происшествий.

Однако в отделении выяснилась очень неприятная вещь. Позвонил капитан Стуков и слезно просил подежурить за него, он, дескать, никак не может, поскольку совершенно неожиданно приехала теща и ее нужно встретить. Должна была на следующей неделе, и Стуков заранее отпросился у начальства, а ей вздрогнуло притащиться сейчас, оказия какая-то вышла. И теперь мало того, что лишних три дня тещу терпеть, так еще и с дежурством проблемы.

Жека как услышал про это, так и сорвался с места, как резвый конь, так что пришлось оставаться Валентину.

Воскресенье для милиции день тяжелый, это все знают. Некоторые несознательные граждане считают, что выходной дан исключительно для того, чтобы напиться в стельку. После этого они начинают бурно выяснять отношения друг с другом и лупцевать своих жен или соседей – кто подвернется. Так что суется капитану Мехреньгину предстояло с утра до вечера.

Анна Ивановна поставила на лестничную площадку две тяжеленные сумки, перевела дух и протянула было палец к кнопке вызова лифта. Однако лифт не работал – кнопка горела красным светом.

Анна Ивановна застонала в голос. Тащить такую тяжесть на девятый этаж пешком было выше ее сил. В сумках была с осени убранный в погреб картошка, две банки варенья, да еще огурчики. Все сохранилось отлично, дождалось весны, вот только тяжесть несусветная, а лифт не работает, очевидно, опять где-то застрял.

Анна Ивановна прислушалась и поглядела наверх. Так и есть: раздавалось равномерное хлопанье автоматических дверей – лифт застрял на втором этаже. Это было еще не так плохо – можно подняться и убрать из дверей то, что мешает им закрыться. Стиснув зубы, Анна Ивановна подхватила сумки и устремилась на второй этаж.

Дверям лифта действительно что-то мешало закрыться, но когда подслеповатая Анна Ивановна подошла поближе и увидела это что-то, сумки выпали у нее из рук и лестница огласилась жутким криком. Дверям лифта не давало закрыться мертвое тело мужчины. Ноги его были в лифте, а голова на лестничной площадке, и бурая лужа крови растекалась на грязном бетонном полу причудливым пятном. На крик Анны Ивановны на лестничной площадке открылась всего одна дверь – справа от лифта, да еще за одной дверью раздался басовитый лай с художественными подвываниями. На пороге своей квартиры стояла молодая, весьма легкомысленно одетая деваха – Ирка. Ирка работала барменшей в небольшой кафешке напротив, вся лестница это знала.

Увидев мертвого мужика, Ирка, вместо того чтобы помочь Анне Ивановне, сама заорала еще сильнее и чуть не хлопнулась в обморок. Как впоследствии выяснилось, она не выносила вида крови. Так бы стояли они и орали, если бы снизу не поднимался отставной майор Виктор Степаныч с шестого этажа.

Виктор Степаныч был ярым поборником здорового образа жизни и бегал по вечерам четыре круга вокруг школы и универсама. Свежий и румяный после пробежки, Виктор Степаныч, как человек военный, быстро оценил ситуацию, гаркнул, как на плацу: «Тихо, бабы!», после чего схватил замолчавшую от изумления Ирку и впахнул ее в квартиру. Анна Ивановна тоже очнулась, подхватила сумки и хотела уже бочком прошмыгнуть мимо мертвого тела, чтобы отправиться домой. Но Виктор Степаныч поймал ее не глядя за рукав и хотел было поставить на лестнице, чтобы предупреждать проходящих соседей, однако по недолгом размышлении завел ее тоже в Иркину квартиру, справедливо посчитав, что Анна Ивановна немедленно сбежит от страха, если останется наедине с покойником.

Оставив дверь открытой, Виктор Степаныч взял тут же валявшийся в коридоре телефон и набрал 02. Когда милиция ответила, он четко изложил ситуацию и в ответ получил приказ ждать опергруппу. Ждали двадцать минут, потому что отделение милиции находилось в двух кварталах от их дома. За двадцать минут не случилось ничего особенного, только вернулся Иркин хахаль, которого ей приспичило послать за сигаретами. Увидев мертвого, хахаль затрясся мелкой дрожью, а когда узнал, что вскорости придет

милиция, дрожь его из мелкой перешла в крупную. Чтобы не терять времени даром, Виктор Степаныч начал предварительное следствие.

– Мужик этот – кто такой? Ирка, тебя спрашивают! – прикрикнул он.

– А я знаю? – вякнула было Ирка, но, поколебавшись немного, подошла к двери, вытянула шею, зажмурившись, потом открыла один глаз и с визгом шархнула обратно.

– Да ведь это Толик!

– Какой еще Толик? Говори толком!

– Толик из семнадцатой. У меня квартира шестнадцать. А у него – семнадцать.

– Это который с собакой? – вмешалась Анна Ивановна.

– Ну да, бультерьер у него, слышите, воет? Чувствует, наверное.

– Тут Милица Владимировна раньше жила, – объяснила Анна Ивановна. – Она осенью умерла.

– Это я знаю, – кивнул Виктор Степаныч.

– Ну вот, а сын квартиру-то и продал этому. Месяца два он уже живет.

– Та-ак, – протянул отставник. – Кто же его приложил-то? Видно, стукнули чем-то тяжелым, когда из лифта выходил. Постой-ка, – он обернулся к Иркиному хахалю, который тихо клацал зубами на диване. – Кончай трястись, отвечай нормально. Ты в какое время за сигаретами выходил? Этого еще не было?

После долгого совещания с Ирккой выяснилось, что выходил хахаль в четверть одиннадцатого, на площадке никого не было, а лифт вообще ехал вверх. Анна Ивановна со своей стороны сообщила, что вошла в подъезд без двадцати одиннадцатых, примерно, конечно.

– А ты что так долго ходил? – спохватился Виктор Степаныч. – И какого черта трясешься?

– М-милиции боюсь, – вздохнул Иркин хахаль. – Сразу все на меня повесят.

– Бывал на зоне уже? – догадался отставник.

– Так по малолетству. Но этого я не трогал, хоть он к Ирке и вязался. Я ему только сказал по-хорошему, чтобы он это дело прекратил.

– М-да. Положение у тебя аховое.

– Да что вы все спрашиваете? – нервно заговорила Ирка. – Вы сами-то когда вниз спускались?

– Я на лифте ехал, – строго сказал Виктор Степаныч, – ровно в 22.00. Значит, так. В 22.15 труп еще не было, а в 22.40 он уже был. Значит, в течение двадцати пяти минут этот Толик пришел, его стукнули, и он упал. А ты не слышала, когда лифт открылся? – обратился он к Ирке.

– У меня телевизор орал, чтобы в кухне слышно было, – виновато ответила та, – я ужин готовила, отбивные... Ой! – она метнулась на кухню.

– Сгорело все! – раздался ее расстроенный крик.

– Тут человека убили, а ей отбивных жалко! – приструнил Ирку Виктор Степаныч.

Приехала милиция – три человека. Один принялся возиться с трупом, другой фотографировал, а третий, довольно молодой, узкоплечий и в очках, взялся опрашивать свидетелей.

– Моя фамилия Мехреньгин, – представился он, – это река такая – Мехреньга.

Наибольший интерес у него вызвала Анна Ивановна, как человек, первым обнаруживший труп. Виктора Степаныча пока отпустили, сказав, чтобы шел к себе, до него очередь дойдет, когда по квартирам опрашивать будут. Тот удалился, сильно обиженный.

Милиция еще покрутилась на лестничной площадке, звякнула для порядка в две оставшиеся квартиры. Там никто не открыл, потому что в пятнадцатой все семейство в отпуске, как пояснила Ирка, а в восемнадцатой живут две старухи, боятся воров и после девяти никому не откроют, хоть застрелись.

– А если преступление. Вот как сейчас? – Мехреньгин нацелился на Ирку очками.

– Ну, вы же сами видите. Хоть пожар, хоть наводнение, хоть тайфун, хоть цунами!

– Ладно, граждане, – вздохнул капитан, – пройдите в квартиру, дайте санитарам выполнить свою работу.

Милиция уехала, захватив на всякий случай подозрительного Иркиного хахалю. Лифт отключили до выяснения обстоятельств.

Накапав рыдающей Ирке валерьянки, Анна Ивановна потащила к себе на девятый этаж, кляня в душе мертвого Толика и себя, бестолковую дуру, что прособиралась на даче и не успела на более раннюю электричку. Тогда она добралась бы домой на час раньше и успела бы пройти по лестнице до убийства.

На следующий день капитан милиции Валентин Мехреньгин, сговорившись по дороге встретиться с участковым, отправился опрашивать свидетелей по лестничной клетке. Настроение у него было хуже некуда. Потому что предварительная прикидка ничего не дала. Убитый, Анатолий Матренин, проживавший

по адресу Сиреневый бульвар, дом одиннадцать, квартира семнадцать, был рэкетиром. Работа его заключалась в том, чтобы обходить ларьки и маленькие магазинчики у метро и получать с них деньги. В качестве психологической меры устрашения он держал бультерьера по кличке Квазимодо. В мясных магазинах, кроме денег, бультерьеру давали натурой. И черт его знает, этого Матренина, кому он успел насолить? Вероятнее всего – многим... И ларечники, и свои могли с ним чего-то не поделить. Только если бы свои собратья его прикончили, то уж, верно, ножом или из огнестрельного оружия. Но врач однозначно сказал, что смерть наступила от удара по голове тяжелым тупым предметом.

Далее удалось выяснить, что вечером возвращался Матренин от любовницы. Несмотря на то, что у Матренина была отдельная квартира, а у любовницы муж, который, правда, часто отсутствовал, так как работал шофером-дальнобойщиком, она предпочитала принимать Матренина у себя дома, потому что боялась бультерьера. Бультерьер Квазимодо нрав имел очень крутой, а характер вспыльчивый и ревновал хозяина к знакомым женщинам ужасно.

Стало быть, в подозреваемые автоматически попадали муж любовницы и хахаль смазливой соседки Ирины Маркеловой, к которой Матренин, по ее собственному выражению, клеился. Муж любовницы находился в рейсе, а хахаль пока парился в камере, но с ним надо было что-то решать.

Кроме того, а на самом деле это была главная причина плохого настроения капитана, ему не давала покоя загадка манекена. Ужасно хотелось выяснить, кто же закопал несчастный манекен в лесу, напивлив предварительно на него дорогие шмотки. А самое главное, почему он это сделал?

Участковый покуривал у подъезда на ласковом весеннем солнышке.

– Здоров, Пал Савельич! Как твое ничего? – приветствовал его Валентин.

– Нормально все, идем быстрее, а то дел у меня много. Значит, так. В пятнадцатой муж с женой живут, они сейчас в отпуске, в шестнадцатой – Ирка Маркелова, ты ее видел. В семнадцатой Матренин жил, а в восемнадцатой – две сестры, Клавдия Андреевна и Глафира Андреевна. Типичные старые девы, котов имеют – не то двух, не то трех. Но жалоб на них никогда не поступало. Тихо живут, не склочничают. Приличные такие бабуся.

– Пойдем сначала к ним, побеседуем.

В восемнадцатой квартире долго изучали в глазок Павла Савельича, потом признали и впустили. Квартирка оказалась крошечная, но очень чистенькая. И старушки-хозяйки тоже были маленькие и аккуратненькие, в одинаковых черных платьицах, только у одной передничек в белую и синюю клеточку, а у другой – в розовый цветочек.

Старушки пили чай на кухне и пригласили товарищей из милиции. На столе стояли чашки в красный горошек и заварной чайник, покрытый ярким вязаным петухом. Уютно тикали ходики, чайник на плите пел старинный романс, не то «Калитку», не то «Не искушай» – в общем, атмосфера была самая приятная. Два полосатых кота, один – серый, а другой – рыжий, аккуратно ели рыбные консервы каждый из своей миски. На одной было написано «Миша», а на другой – «Гриша».

На все вопросы старушки доброжелательно отвечали, что спать ложатся рано, поэтому вчера вообще ничего не видели и не слышали. С соседом Анатолием они вообще мало контактируют, потому что, сами понимаете, другое поколение, ни ему с ними, ни им с ним неинтересно.

Конечно, ходили к нему разные люди, но редко, потому что бультерьер очень сердитый. Кстати, нельзя ли узнать, что теперь с собакой будет? Потому что воеет, людей беспокоит.

– Надо специалиста из питомника вызывать, – вздохнул Мехреньгин, – простого человека этакий зверь ведь не подпустит.

Они с Пал Савельичем выпили чаю с недорогим печеньем и отправились дальше по квартирам. После этого обхода капитан Мехреньгин вышел и вовсе расстроенный, потому что картина не прояснилась, и теперь ему предстояла долгая процедура опроса всех друзей и знакомых потерпевшего Матренина на предмет выяснения, кому же он наступил на мозоль. Кроме этого, надо было срочно решать вопрос с бультерьером. Не помирать же собаке. Ишь как воеет, чувствует, наверное, что хозяина больше не увидит.

Откровенно говоря, капитану совершенно не хотелось расследовать это убийство. Судя по всему, убитый слыл малопривлекательным человеком, а прощай – мелкой шпаной, никому от него не было пользы, а вреда он приносил много. Никто не пожалеет о нем – ни друзья, которых у него не было, ни соседи, с которыми он не общался, ни даже любовница. Вот бультерьер переживает, так, может, просто жрать хочет?

В таких грустных размышлениях капитан Мехреньгин распрощался с участковым и направился к себе в отделение, но по дороге был атакован кем-то лохматым и чрезвычайно симпатичным.

Рыжая сеттер Маруся на правах старой знакомой измазала грязными лапами его куртку и пыталась лизнуть в лицо.

– А, свидетель Зябликов! – усмехнулся Мехреньгин. – Что это вы тут делаете?

– Я тут живу, – робко ответил Семен Петрович. После вчерашнего инцидента он дал себе слово гулять только возле дома и даже на собачий пустырь за школой Марусю не водил.

– Хорошая у вас собачка, – при этих словах Мехреньгин помрачнел, так как вспомнил о страдальце бультерьере Квазимодо.

Он шел в отделение с главной мыслью – сесть плотно на телефон и вызвать специалиста из собачьего питомника. Но у родной двери его перехватила Галя Кузина. Сегодня на ней по теплой погоде была коротенькая курточка и обычные джинсы. Нельзя сказать, что в таком прикиде стажерка сильно похорошела, однако стала похожа на человека. То есть не на человека, а на мальчишку. Такого шустрого хулиганистого пацанчика, за которым нужен глаз да глаз.

– Валентин Иваныч! – Галя слегка запыхалась, глаза ее азартно блеснули. – Мы пойдем в тот Центр современного дизайнера? Я туда звонила, они как раз сейчас открыты...

И капитан Мехреньгин дал волю своему любопытству, выбросив из головы несчастного бультерьера.

Капитан Мехреньгин остановился перед дверью, на которой красовалась табличка «Центр современного дизайнера». Рядом с табличкой имелся звонок, а над звонком была криво прикреплена записка: «Жмите сильнее».

– Жми сильнее, Кузина! – распорядился капитан.

– Ну вот, как всегда! – проворчала Галя. – Всю тяжелую работу сваливают на женщин!

С некоторых пор, а именно – со вчерашнего происшествия в лесу, она стала удивительно языкастой. Возможно, это объяснялось отсутствием Жеки Сапунова. Валентин обходился с ней повежливее, в силу своего мягкотелого, как говорил Жека, характера.

Галя нажала на кнопку, вложив в это движение всю свою нерастратченную энергию.

Дверь тут же распахнулась, и на пороге возник длинный парень в черной водолазке и с оттопыренными розовыми ушами.

– Вы кто? – спросил он, оглядев посетителей. – Мы закрыты. Мы вообще отсюда переезжаем.

– Милиция! – проговорил Мехреньгин, предъявив лопухому свое служебное удостоверение в раскрытом виде.

– Татьяна Анатольевна! – крикнул парень куда-то за плечо. – Теперь он милицию прислал!

– Мы можем войти? – недовольно осведомился Мехреньгин, озадаченный таким приемом.

– Да входите уж... – буркнул парень, отступая в сторону.

Мехреньгин и Галя прошли внутрь.

Они оказались в просторном холле с зеркальными стенами. Слева от входа имелась обитая дерматином скамья, справа – металлическая пепельница на ножке. Видимо, холл по совместительству являлся курилкой.

Навстречу посетителям, отражаясь одновременно во всех зеркальных стенах, шла крупная краснощекая женщина с пышными рыжими волосами до плеч.

Капитан Мехреньгин, как уже говорилось, был человеком любопытным. И чтобы удовлетворить свое любопытство, почитывал некоторую литературу. И даже ходил иногда в музеи, благо их в нашем городе множество. Сейчас он подумал, что таких женщин любил изображать на своих полотнах французский художник Огюст Ренуар. Правда, он их обычно изображал в более молодом возрасте. Эта же дама входила в тот возрастной период, который любил описывать в своих романах французский же писатель Оноре де Бальзак.

– Передайте своему Лебедеву, что это уже чересчур! Так и передайте – это уже чересчур! – воскликнула ренуаровская женщина бальзаковского возраста. – Это уже переходит всякие границы! Мы уже все равно освобождаем помещение... сначала налоговая, потом пожарная, а теперь уже милиция!

– Кто такой Лебедев? – осведомился Мехреньгин.

– А вы разве не от него? – недоверчиво переспросила женщина. – Он к нам уже налоговую инспекцию подсылал, и пожарную, и даже санитарного врача...

И она, кипя от возмущения, поведала капитану, что на помещение, которое занимает их центр, положил глаз некий полукриминальный бизнесмен по фамилии Лебедев.

– Он здесь пивную открыть хочет! – воскликнула дама, еще больше раскрасневшись. – И выживает нас всеми возможными способами!

– Я совсем по другому поводу, – капитан продемонстрировал даме свое служебное удостоверение и представился:

– Капитан Мехреньгин. Отдел по расследованию убийств. Это река такая, Мехреньга... на севере европейской части...

– Татьяна Анатольевна, – представилась в ответ ренуаровская женщина. – А при чем здесь ваша река? И при чем здесь расследование убийств? У нас пока что никого не убили, хотя я не удивлюсь, если Лебедев... это такой человек, который ни перед чем не остановится! Буквально ни перед чем!

– У вас, может быть, и никого, – перебил ее Мехреньгин, медленно продвигаясь в глубь помещения. – А в других местах, к сожалению, убийства пока еще случаются. И я в данный момент расследую одно из них...

Капитан бессовестно врал. В данном случае он не расследовал никакого убийства, он просто хотел выяснить, откуда взялся в лесу манекен.

Он достал из кармана прозрачный пакетик с билетом, найденным в кармане манекена, и спросил вежливым, но твердым голосом:

– Это ваше?

Ренуаровская женщина потянулась к пакету, однако Мехреньгин в руки ей его не дал, строго проговорив:

– Вещественное доказательство!

– Это наш билет! – призналась Татьяна Анатольевна, приглядевшись к вещдоку. – А в чем дело?

Тем временем они вошли в просторный белый зал, посреди которого стояла сверхсовременная металлическая статуя в позе крайней растерянности. На полу возле статуи валялось несколько картонных коробок, наполненных какими-то папками, альбомами и прочим движимым имуществом. Зал имел вид разоренный, только по стенам кое-где еще висели фотографии в металлических рамках.

– А чей это билет – невозможно установить? – продолжал спрашивать Мехреньгин.

– Да что вы! – выдохнула Татьяна Анатольевна. – Как это можно? Хорошо, если я узнаю, на какое это мероприятие... дайте все-таки взглянуть поближе...

Мехреньгин очень неохотно отдал ей вещдок.

Татьяна Анатольевна взглядела в билет, почесала нос и наконец проговорила:

– Это на выставку «Красное на красном». Прошлым летом выставка проходила, в середине июня. Вот у нас и фотографии с нее сохранились... – И она показала на несколько висящих на стене снимков. – Выставка имела большой успех, приезжали известные дизайнеры из Москвы, даже из Лондона был человек...

Капитан повернулся к стене и принялся разглядывать фотографии. На них был изображен этот же зал, но только еще без признаков разорения, наполненный красивыми, хорошо одетыми людьми. В центре зала прохаживались манекенщицы, платья и костюмы на них были исключительно красного цвета.

Мехреньгин и сам не знал, что он хочет найти на этих фотографиях. Это напоминало детскую сказку «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Похоже, что с этим билетом он вытянул пустой номер...

– Валентин Иванович! – потянула его за рукав Галина. – Посмотрите, вот же она!

– Кто – она? – недовольно переспросил Мехреньгин, вырывая рукав. – Кузина, кого ты там увидела?

– Не кого, а что! – выпалила практикантка. – Вон же та юбка, которая была на манекене!

Мехреньгин разглядывал лица присутствующих и не слишком приглядывался к их одежде. Теперь же он действительно увидел на женщине в первом ряду точно такую юбку, как найденная на закопанном в сквере манекене.

– Мало ли похожих юбок! – пробормотал он, задумчиво приглядываясь к снимку.

– Мало! – перебила его Галина. – Валентин Иванович, это юбка редкая, дизайнерская!

При этом она подпрыгивала на месте от нетерпения и заглядывала в глаза капитану.

– Девушка правильно говорит, – поддержала ее Татьяна Анатольевна. – Наши посетители носят уникальную одежду, двух одинаковых юбок вы не встретите...

– А это кто в малиновом берете... то есть в малиновой юбке? – осведомился Мехреньгин.

Ренуаровская женщина приблизилась, взглянула на фотографию и уверенно ответила:

– Это Маргарита Короводская. Известный дизайнер... Впрочем, ее что-то давно не видно... кажется, с ней что-то произошло...

Капитан Мехреньгин встрепнулся, как старая полковая лошадь при звуке трубы.

Фамилия Короводская совсем недавно мелькала в разговорах его коллег, ее неоднократно упоминали на утренних планерках и летучках. Что-то, а память на фамилии у капитана была отличная.

– Вы уверены, что это Короводская?

– Ну конечно, – Татьяна Анатольевна кокетливым жестом поправила рыжие волосы. – У меня еще зрение в порядке... и память тоже... я вообще еще ничего...

Услышав эти слова, Галя Кузина фыркнула весьма громко, но Мехреньгин ничего не услышал.

– Спасибо, – капитан заторопился. – Вы нам очень помогли...

– Кто бы нам помог!.. – мечтательно проговорила ренуаровская женщина и вздохнула.

Но Мехреньгин ее уже не слушал. Он стрелой вылетел из дизайнерского центра и бросился к станции метро. Галина едва за ним попевала, не задавая на бегу ненужных вопросов, за что капитан почувствовал к ней смутную нежность.

Ворвавшись в отделение, Мехреньгин едва не сбил с ног капитана Стукова, который с унылым видом спускался по лестнице.

– Ты чего несешься, как будто за тобой Чикатило гонится? – спросил тот, едва избежав столкновения.

– Вась, вот ты мне и нужен! – выпалил Мехреньгин, с трудом затормозив. – У тебя ведь на руках было дело Короводской?

– Издеваешься, да? – проворчал Стуков. – У меня это дело не на руках! Оно у меня уже вот где! – И он выразительно провел ребром ладони по горлу. – Только что Олегыч с меня стружку снимал! Натуральный висяк! Никаких зацепок...

– Ну-ка, расскажи, что за дело? – Мехреньгин ухватил коллегу за пуговицу.

– Да тебе-то зачем?

– Вась, а как твоя теща поживает? – вкрадчивым голосом осведомился Валентин.

– Лучше не спрашивай! – понурился Стуков. – Так ей у нас нравится, билет сдала, сказала, еще на недельку останется...

Чело его затуманилось, потом капитан взял себя в руки и пытливым взглядом вгляделся в глаза Мехреньгина.

– Ты что-то знаешь? Говори!

Но Мехреньгин на провокацию не поддавался, тогда Стуков, вспомнив про дежурство, изложил ему суть дела.

Муж и жена Короводские жили в загородном доме. Муж – довольно крупный бизнесмен, жена – дизайнер одежды. Жили вроде бы хорошо. Но вся их налаженная жизнь рухнула две недели назад.

Муж улетел в Москву по делам, жена осталась дома.

Вернулся Короводский из Москвы на следующий день, около трех часов, открыл дверь коттеджа, и буквально на пороге увидел окровавленный труп своей жены.

Коттеджный поселок «Комары» от города совсем близко, бригада приехала на вызов через двадцать минут. Судмедэксперт определил смерть от черепно-мозговой травмы, нанесенной тупым тяжелым предметом.

В таких обстоятельствах первый подозреваемый – муж, но господин Короводский предъявил билеты, доказывавшие, что он всего два часа назад прилетел из Москвы, тогда как смерть его супруги наступила самое малое двенадцать часов назад. А самое большее – пятнадцать.

– Откуда такая точность? Это эксперт такую цифру назвал? – переспросил Мехреньгин.

– Пятнадцать часов – это цифра точная, мы при опросе соседей нашли инвалида Скорпионова, который проживает в соседнем коттедже у своего сына, ему делать нечего, вот и пялится в окно. Так вот этот инвалид около двенадцати часов ночи видел в окне свою соседку.

Марианна Короводская сидела за компьютером и, несомненно, была еще жива.

Так что у мужа имелось пуленепробиваемое алиби.

Вырисовывалась следующая картина.

Некий неизвестный злоумышленник проник на территорию коттеджного поселка «Комары», выбрал коттедж Короводских, пробрался в него и приступил к поискам ценных вещей и денег. Хозяйка застала его за этим занятием, и грабитель убил ее первым подвернувшимся тяжелым предметом.

– Вот и ищем с тех пор этого неизвестного грабителя! – с тяжелым вздохом закончил Стуков свой рассказ.

– Может, этот сосед ошибся? – предположил Мехреньгин. – Ну, этот... Сколопендров! Может, не Маргариту он видел, а другую женщину?

– Скорпионов! – поправил его Стуков. – Не Сколопендров, а Скорпионов! И он под свою фамилию очень подходит... очень упорный дедушка, и клянется, что точно узнал соседку.

– Василий... – нерешительно начал Мехреньгин. – Ты мне «девяточку» свою не дашь, в эти самые «Комары» съездить?

Стуков согласился неожиданно для себя.

Капитан Мехреньгин подъехал к воротам и посигналил.

– Кто такой, по какому вопросу? – раздался откуда-то сверху усиленный динамиками скрипучий голос.

– Милиция! – Мехреньгин высунулся из машины, раскрыл свое удостоверение. Закрепленная над

воротами камера негромко зажужжала, повернулась.

– Не вызывали! – проскрипел тот же голос.

– Понятно, что не вызывали! Я с Николаем Прохоровичем Скорпионовым поговорить хочу, по поводу убийства вашей соседки! Капитан Мехреньгин!

– Ладно, капитан, заезжай!

Ворота разъехались, и Мехреньгин въехал во двор.

Дверь дома была открыта.

– Поднимайся на второй этаж! – позволил ему прежний скрипучий голос из динамика над дверью.

Капитан поднялся по широкой лестнице, плавной дугой охватывающей холл, и оказался на галерее второго этажа, куда выходило несколько дверей. Одна из этих дверей неторопливо открылась. Капитан вошел в просторную комнату, обшитую панелями светлого дерева.

Возле большого окна в инвалидном кресле на колесах сидел старик с косматыми бровями и колючим взглядом маленьких, глубоко посаженных глаз. Он был похож на филина или какую-то другую хищную птицу, высматривающую в траве жертву.

– Капитан Мехреньгин! – снова представился гость, протягивая старику свой документ.

– Что за фамилия такая – Мехреньгин? – подозрительно переспросил тот, разглядывая красную книжечку.

– Эта река такая, на севере, Мехреньга, – привычно пояснил капитан.

Он бросил взгляд в окно. Прямо напротив него, метрах в двадцати, виднелся дом Короводских.

– Ладно, допустим! – старик вернул удостоверение. – Чего тебе надо, капитан? Я твоим коллегам уже все рассказал!

– Да вот, понимаете, Николай Прохорович, новые факты обнаружались. В свете которых хотелось бы кое-что уточнить...

– Какие еще факты? – проскрипел старик, сверля капитана взглядом.

– Не могу разглашать в интересах следствия! – как можно строже ответил Мехреньгин.

На самом деле ничего особенного у него не было, единственный факт – то, что юбка покойной Маргариты Короводской нашлась в лесу на манекене. Так если честно, то ничего это не доказывает. Может, она сама эту юбку кому-то подарила или выбросила. Мало ли, что дорогая, дизайнерская, у богатых свои причуды...

Однако старикан – крепкий орешек. У капитана возникло ощущение, что не он приехал расспросить свидетеля, а тот вызвал его к себе на допрос.

– Ладно, допустим... – проговорил старик, немного понизив голос. – Так что тебя интересует?

– Вы уверены, что видели свою соседку вечером накануне убийства?

– Склерозом не страдаю! – прокаркал свидетель. – Если говорю, что видел – значит, видел.

– А вам ничего не показалось подозрительным? – не отступал упорный капитан. – Что она делала?

– Работала за компьютером, – отозвался старик. – Она часто работала по вечерам...

На этот раз Мехреньгину показалось, что его голос прозвучал не так уверенно. Даже смущенно. Как будто старик что-то скрывал. Или, во всяком случае, недоговаривал.

– Вы уверены, что это была она? – перешел капитан в наступление. – Вы уверены, что она была... жива? Все-таки здесь довольно далеко... и дело было вечером...

– Сорок лет в военной приемке проработал и ни разу не видел, чтобы покойники работали! – проскрипел старик, но теперь он уже оборонялся.

– Что-то я сомневаюсь! – Мехреньгин подошел к окну, всмотрелся. – Отсюда вряд ли можно что-то разглядеть...

– Не веришь, капитан? – Старик вспыхнул, лохматые брови поднялись, как у рассерженного фокстерьера. – Так я тебе сейчас покажу...

Он нажал на кнопку в поручне своего кресла, подъехал к книжной полке и взял с нее видеокассету. Вставил ее в видеоманитофон, щелкнул пультом.

Загорелся плоский экран телевизора, Мехреньгин увидел соседний дом, ярко освещенное окно. Окно наполовину было задернуто занавеской, в открытой его части отчетливо виднелся женский силуэт.

– Знаю, что это незаконно... – проскрипел старик за плечом Мехреньгина. – Но ты, капитан, представь – я тут сижу один часами... сын приезжает только ночью, да и то не каждый день... Конечно, у меня все есть, и женщина приходит за мной ухаживать, но с ней не поговоришь... чистая гестаповка! Скучно, капитан! Телевизор этот теперешний смотреть не могу, еще не настолько отупел...

– Я вас не осуждаю... – проговорил капитан, не отрываясь от экрана. – Но здесь трудно что-то разглядеть... я не уверен, что это она, Маргарита... то есть потерпевшая...

– Ты погоди!

Действительно, изображение увеличилось, приблизилось. Теперь Мехреньгин отчетливо видел каштановые волосы, плечо, обтянутое бирюзовым трикотажем. Женщина склонилась над клавиатурой компьютера, лицо скрывалось в тени...

Тот же свитер, что на закопанном манекене!

В душе у Мехреньгина шевельнулось подозрение, которое начало перерастать в уверенность...

И вдруг женщина в окне повернулась, взглянув на что-то в глубине комнаты. Теперь она сидела спиной к окну. Золотистая занавеска колыхнулась, заиграл муаровый узор. Прошло еще несколько секунд, и женщина приняла прежнюю позу. Она какое-то время сидела неподвижно, затем снова шевельнулась, и тут свет в окне погас, особняк погрузился во тьму.

– Ну что, капитан, убедился? – голос старика снова звучал уверенно. – Я пока что все помню, и на зрение не жалуясь! Если сказал, что видел – значит, так оно и есть!

– Спасибо, Николай Прохорович! – проговорил Мехреньгин, отрываясь от экрана. – Вы мне очень помогли. А можно мне взять эту кассету... в качестве вещественного доказательства?

– Бери, капитан! – разрешил старик. – Мне для дела установления справедливости ничего не жалко!

Мехреньгин вынул кассету, простился со стариком и отправился восвояси.

Но всю дорогу до города он был мрачен и озабочен.

Казалось бы, видеозапись стопроцентно подтверждала алиби мужа убитой, однако что-то в ней Мехреньгина беспокоило. Что-то в ней было не так...

Едва он вошел в отделение, его перехватила Нина Савушкина, секретарша начальника.

– Валечка, шеф тебя ждет! – заверещала она своим высоким ненатуральным голосом и добавила шепотом, округлив глаза:

– Рвет и мечет! Просто не Лось, а тигр!

– Игорь Олегович, вызывали? – проговорил Мехреньгин, толкнув дверь начальника.

– Вызывали! – рявкнул подполковник, подняв на Мехреньгина тяжелый взгляд.

Если бы взглядом можно было испепелять – от капитана остались бы одни угольки. Мехреньгин ослабил узел галстука – ему стало жарко.

– Ты, Мехреньгин, деньги от кого получаешь? – пророкотал шеф, приподнимаясь из-за стола. – От общества защиты животных? Или от клуба любителей комнатного цветоводства?

– Никак нет! – ответил капитан, честно выпучив глаза.

– А от кого? – На этот раз голос подполковника прозвучал обманчиво мягко.

– От государства, конкретно – от органов защиты правопорядка...

– Тогда почему, – зарокотал начальник, – тогда почему, Мехреньгин, ты в рабочее время, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом, за государственный счет удовлетворяешь свое личное любопытство?

Мехреньгин еще немного ослабил галстук. В кабинете шефа было действительно удивительно жарко, несмотря на работающий вентилятор.

– Что вы имеете в виду, Игорь Олегович? – попытался он снять напряжение. Но шеф не попался на эту удочку.

– Кому Игорь Олегович, а кому товарищ подполковник! – рявкнул он. – И вопросы здесь пока задаю я! Вот когда займешь мое место – тогда и будешь задавать! А конкретно я имею в виду, что у тебя убийство Матренина не раскрыто, а ты вместо этого делом Короводской занимаешься... Бегаешь с практиканткой, в бирюльки с девчонкой играешь! Ты ее должен своим примером вдохновлять, а вместо этого с толку сбиваешь... Забудь сей же момент про дело Короводской!

– Так оно же тоже не раскрыто... – тоскливо пробормотал Мехреньгин, отводя глаза и рассуждая мысленно, кто же его заложил. Стуков? Не в его это интересах. Жека? Быть не может! Наверное, кто-то случайно их со Стуковым разговор на лестнице слышал.

– Убийство Короводской не у тебя не раскрыто, а у капитана Стукова! Это его головная боль, вот пусть он им и занимается! А ты своей головной болью занимайся, делом Матренина...

– Я думал, мы все делаем одно общее дело... – проговорил Мехреньгин, разглядывая занавеску.

– Ты думал?! – оборвал его шеф. – Что-то незаметно! Если бы ты думал, прежде чем что-то делать...

Вентилятор на металлической стойке медленно повернулся, направив на Мехреньгина поток холодного воздуха. Ему стало немного легче, и в голове прояснилось. Он устался на колышущуюся под сквозняком занавеску и вдруг выпалил:

– Вот как это все было!

– Ты, Мехреньгин, со мной разговариваешь, или с кем-то еще? – удивленно осведомился начальник.

– Извините, Игорь Олегович, я сейчас!

– Куда?! – рывкнул шеф в спину Мехреньгина. – Я тебя еще не отпустил!

Но капитана уже и след простыл.

Он выскочил в коридор и помчался вниз по лестнице в поисках Стукова.

Найти его удалось только в бистро «Три пескаря», где многострадальный Стуков утешался ухой с расстегаями.

– Садись, Валентин! – пригласил коллега Мехреньгина. – Ты чего такой вострапанный?

– Шеф взгрел!

– Первый раз, что ли?

– Да уж не первый... – Мехреньгин сел напротив Стукова и, нервно теребя край скатерти, спросил:

– Слушай, Вася, у этого Короводского был мотив?

– У Короводского? – Стуков отодвинул тарелку и горестно взглянул на Мехреньгина. – Валентин, ты чего – пришел аппетит мне портить? Нехорошо это! У меня это дело и так вот где сидит! – он провел ребром ладони по горлу. – Да еще теща приехала! Дай хоть пообедать спокойно!

– Ну ты только скажи – был у него мотив?

– Алиби у него! Железное алиби! – проговорил Стуков измученным голосом. – Он с самолета напрямик домой приехал, а во время убийства был в Москве. Никак он не мог жену убить!

– А если бы не было алиби?

– Если бы да кабы... Ну, понятное дело, мужья и жены чаще всего друг друга убивают... Но ты же видишь – вечером она была жива, свидетель ее видел...

– Или думал, что видел... – пробормотал Мехреньгин.

– Вот только не надо этого! – проворчал Стуков. – Тоже мне – Эркюль Пуаро! Проще надо быть! Алиби есть алиби!

– Короче, насчет мотива ты ничего не знаешь?

– Не знаю и знать не хочу! – и Стуков снова принялся за уху.

Мехреньгин вернулся в отделение и выманил в коридор практикантку Галю Кузину.

– Галина! – сказал он, приглушив голос. – Ты никогда не хотела поработать в приличной фирме секретаршей... то есть, как это сейчас называют – офис-менеджером?

– Нет, – честно призналась Галина.

– А придется! – строго проговорил капитан.

– Но Валентин Иванович! – взмолилась Кузина. – Я всю жизнь мечтала работать в милиции! Я что – совсем не справляюсь? – Голос у нее задрожал, и Мехреньгин испугался, что она сейчас расплачется. Женских слез он не переносил.

– Наоборот, ты очень хорошо справляешься! – поспешил он заверить практикантку. – Поэтому я и хочу поручить тебе серьезное дело. Только это должно остаться строго между нами, никто, кроме нас двоих, не должен знать...

Галя смотрела на него сияющими глазами, пока он излагал дело.

– Конечно, я все сделаю, я постараюсь! Валентин Иванович, вы... вы просто... вы замечательный!

В конце коридора показался Жека.

– Задачу я перед тобой поставил, – строго сказал Мехреньгин. – Выполняй!

– Это вы о чем тут разговаривали? – с подозрением в голосе спросил Жека. – Что это за секреты в рабочее время?

– Да мы так, о личном... – махнул рукой Валентин, ему вовсе не улыбалось слушать Жекины нравоучения, что снова он занимается ерундой.

Он оставил Жеку в сомнениях, а сам отправился звонить в собачий питомник.

На площадке перед семнадцатой квартирой собралась целая толпа. Здесь присутствовали: участковый Павел Савельевич, как представитель местной власти, капитан Мехреньгин, как представитель власти центральной, слесарь из жилконторы Ахматкул, которого жильцы дружно переименовали в Рахат-лукума (кто-то ведь должен открыть дверь) и два специалиста из собачьего питомника – один крупный и медлительный, другой – помельче и пошустрее. Кроме того, из-за спины Мехреньгина выглядывала соседка Ирка из шестнадцатой квартиры, проявлявшая острую заинтересованность в судьбе бультерьера Квазимодо.

– Пал Савельич, – адресовалась она к участковому, как к личности знакомой и невредной. – Я с работы обрезков мясных принесла, от свиной лопатки и от шеи, у нас от банкета стоматологов осталось, так я немножко песику со своего балкона бросила, он скушал... жалко же животное! Он уж сколько времени не

евши! У меня еще несколько кусочков есть, я могу, когда дверь откроют, бросить... он отвлечется!

– Мы и так с ним запросто сладим! – отозвался вместо Савельича крупный собачий специалист, поигрывая мускулами перед смазливой Ирккой. – Мы с таким собакевичем в пять секунд справимся! Никакие отвлекающие маневры не понадобятся! Нам не впервой! Правда, Серый?

Его более мелкий напарник неопределенно хмыкнул, прислушиваясь к доносящемуся из-за двери вою Квзимодо.

– У нас пули сонные именовются и прочее спецоборудование! – продолжал хвалиться крупный кинолог. – Мы вот на прошлой неделе дога бордоского повязали – вот это, я вам скажу, была операция! А буля обычного обезвредить – это пара пустяков! Правда, Серый?

Серый опять не ответил.

– Ну вы уж его не обижайте! – попросила Ирка, кокетливо поправив золотистую прядь. – Он же не виноватый, что так получилось! Собака – она ведь друг человека...

– Не беспокойтесь, ничего вашему другу не сделаем! Не впервой! У нас сонные пули и прочее спецоборудование имеется... сделаем этого буля в лучшем виде!

– Ну это надо же, как собака переживает! – подал голос Савельич. – Прямо мурашки по коже! Ну что, Рахат-лукумушка, давай, что ли! Как, ребята, вы готовы?

– Всегда готовы! – отозвался крупный специалист.

Слесарь подошел к двери, заслонил ее собой и пару минут поколдовал над замком. Затем он отступил в сторону и произнес:

– Попрошу, значит... готова она!

– Это же как легко можно любую дверь открыть! – ужаснулась Ирка. – Такие деньги за замки платим, и в минуту отпереть можно!

– Попрошу посторонних отойти в сторону! – прервал ее крупный кинолог, мужественно выпятив грудь и приближаясь к двери. – От греха, как говорится!

За дверью внезапно наступила подозрительная тишина. Видимо, Квзимодо почувствовал, что освобождение близко.

Крупный кинолог поднял пистолет с сонными пулями и осторожно толкнул дверь. Ничего не произошло, и он, понизив голос, проговорил:

– Давай вперед, Серый, я тебя прикрою!

Его напарник безмолвно проскользнул в квартиру, и через секунду оттуда донесся собачий лай и человеческий вопль.

– Держись, Серега! – выкрикнул крупный кинолог и бросился на подмогу напарнику. Из-за двери донеслись выстрелы и звуки борьбы.

– Помочь ребятам надо! – озабоченно проговорил участковый и тоже вошел в семнадцатую квартиру. Через секунду оттуда донесся его голос:

– Рахат-лукум! Давай сюда, без тебя не управимся!

Слесарь боязливо заглянул в квартиру, но все же подчинился участковому.

Капитан Мехреньгин некоторое время нерешительно стоял на пороге, прикрывая тылы группы захвата. Но потом он почувствовал, что дело развивается не по намеченному сценарию, и прошел внутрь, чтобы оказать помощь силам правопорядка.

Внутри он застал странную картину.

Все помещение было заполнено клубами пара, как парное отделение бани или сцена во время выступления рок-группы. В этом пару проступали мечущиеся фигуры слесаря, Савельича и крупного кинолога. Мелкий кинолог, отзывавшийся на имя Серый, так же, как и бультерьер Квзимодо, куда-то пропали.

Мехреньгин прошел вперед, протирая глаза и озираясь.

Посреди комнаты лежал мелкий кинолог, не подающий признаков жизни.

– Павел Савельич! – окликнул капитан участкового. – Что здесь происходит?

Савельич, горестно матерясь, ввел его в курс дела.

Когда передовые силы группы захвата в лице Серого вошли в квартиру, затаившийся Квзимодо выскочил из-за шкафа, налетел на кинолога и вцепился ему в ногу. Второй специалист, увидев угрожающую другу опасность, выстрелил хваленной сонной пулей, но в пылу сражения промазал и попал в своего напарника. Надо сказать, что пуля не подкачала: Серый моментально отрубился. Квзимодо, почувствовав, что противник повержен и больше не представляет интереса, выплюнул его ногу и бросился в атаку на второго кинолога. Тот в испуге отскочил, споткнулся и налетел головой на батарею отопления. К счастью, голова его не пострадала, но батарея оторвалась от трубы. Из образовавшейся брешки забила горячая вода,

отчего квартира и наполнилась паром. В настоящий момент Ахматкул устранял аварию, то есть единственный из всех занимался своим прямым делом. Уцелевший кинолог пытался привести в чувство своего менее удачливого напарника, а участковый пытался среди пара и суматохи отыскать Квазимодо.

– Да где же эта чертова собака! – восклицал Павел Савельевич, по третьему разу обегая квартиру.

На этот вопрос легко ответила бы Ирка, поскольку она осталась на площадке и видела, как бультерьер, устроив в квартире переполох, выскочил наружу и припустил вниз по лестнице.

Ирка хотела было бросить ему оставшиеся от банкета стоматологов обрезки свиной лопатки и шеи, но увидела грозную морду бультерьера и стремительно улизнула в свою квартиру.

Квазимодо вылетел во двор, как космическая ракета вылетает в открытый космос. Все дворовое население бросилось врассыпную, оставляя территорию во власти взбесившегося бультерьера. Единственный, кто не пустился наутек, был Семен Петрович Зябликов. Он не мог убежать, потому что его лучший друг, его единственная любовь, сеттер Маруся оказалась прямо на пути Квазимодо.

Семен Петрович бросился навстречу страшному зверю, чтобы спасти Марусю, принять на себя предназначенную ей страшную участь... но он явно не успевал, Квазимодо бегал гораздо быстрее.

Семен Петрович зажмурился, чтобы не видеть Марусину гибель. Он схватился за сердце, ожидая услышать ее предсмертный вопль и кровожадное рычание бультерьера...

Секунды шли одна за другой, но ничего не происходило.

Тогда Семен Петрович опасно приоткрыл один глаз.

То, что представилось его взору, было совершенно непостижимо.

Маруся кокетливо склонила голову набок и бросала бультерьеру томные взгляды из-под ресниц. Квазимодо остановился, как будто с размаху налетел на невидимую преграду, и смотрел на прекрасную сеттершу в полном обалдении. Его крысиный хвост слегка шевельнулся, на морде появилась неуверенная ухмылка. Прислушиваясь к тому, что творится у него в душе, бультерьер сделал несколько мелких шажков к Марусе. Она склонила голову на другой бок и подмигнула ему – что же ты медлишь, дорогой?

Квазимодо отбросил всяческие сомнения. Долгое заточение в пустой квартире и даже потеря хозяина были забыты им, как дурной сон. Бультерьер страстно облизнулся и подошел к Марусе вплотную. Она припала на задние лапы и отпрыгнула от него боком. Квазимодо сломя голову ринулся за прелестницей в туманную даль.

– Маруся, вернись! – причитал осиротевший Семен Петрович, но никто его не слышал.

– Весна, – сказал вышедший из подъезда капитан Мехреньгин. – Что уж тут поделаешь...

В восемнадцатой квартире стояла тишина. Старушки, боясь скандала и шума, дверь на лестницу не открыли, зато припадали к дверному глазку, отпихивая друг друга. Они видели, как вышел из квартиры давешний приветливый капитан милиции с такой странной фамилией, видели, как спускался по лестнице расстроенный участковый Павел Савельич, сопровождаемый невозмутимым слесарем Ахматкулом. Не ускользнуло от их внимания и появление двух кинологов в самом плачевном виде. Сестры переглянулись с непонятым выражением и тут же синхронно поджали губы, глядя на соседку Ирину из шестнадцатой квартиры, которая сердобольно хлопотала над одним из кинологов – маленьким и худым.

После того как на площадке все стихло и можно было оторваться от глазка, старушки посидели, помолчали немного, потом Клавдия Андреевна достала из буфета графинчик и две микроскопические рюмочки, а Глафира Андреевна – из холодильника блюдо с маленькими бутербродиками с красной икрой и копченой колбаской. Потом они удалились в комнату и благоговейно вынесли оттуда большую цветную фотографию черного с белыми лапками кота, увитую траурной шелковой лентой. Установив портрет на столе, сестры уселись напротив и налили в рюмочки домашнюю черносмородиновую настойку.

– Ну что, Клашенька, помянем Тришу.

– Помянем, Глашенька. Спи спокойно, родной наш. Теперь душа твоя уgomонится.

Старушки выпили и закусили бутербродами.

– Да, Глаша, – жуя, и оттого невнятно заговорила Клавдия Андреевна, – все получилось очень удачно. А ты еще со мной спорила, что надо бультерьера отравить.

– Прости, Клаша, – повинилась Глафира Андреевна, – я как увидела, что он с Тришенькой сделал, прямо сама не своя сделалась. Думаю, жить не смогу, пока не отомщу!

– Вот, сгоряча-то ничего решать нельзя, – наставительно произнесла старшая сестра. – Посидели, подумали, разработали план. Теперь видишь, раз хозяина нет, то и Квазимоду этого убрали. А вы, – она повернулась к котам, – не смейте на площадку выбегать.

Коты упрямо мяукнули – весна, мол, не можем себя преодолеть.

Сестры выпили еще по две рюмочки, доели бутерброды и расслабились.

- Глядя на луч пурпурного заката... – проникновенным голосом начала Клавдия Андреевна.
- Стояли мы на берегу Невы... – вторила ей Глафира Андреевна.
- Вы руку жали мне... – но что это?

Из квартиры сверху раздался звон, грохот ударных, и дурной голос заорал что-то на непонятном языке.

– Да что же это такое! – в сердцах воскликнула Глафира Андреевна. – Клаша, ну сил же нет, опять этот Вовка музыку свою включает на полную мощность. Клаша, жить не смогу, пока магнитофон его дурацкий не сломаю!

Клавдия Андреевна оставила рюмку и внимательно поглядела на сестру.

– Опять ты торопишься, Глафира, – укоризненно сказала она. – Надо сесть, спокойно подумать, как лучше сделать. А ты порежь горячку. Вот ты сама-то сообрази: ну, ломаем мы ему магнитофон, так неужели ему родители новый не купят?

Глафира пристыженно молчала, устремив глаза на шкаф, где стояла медная старинная ступка с тяжелым пестиком.

Валентин уныло листал дело об убийстве Анатолия Матренина и со страхом думал, что скажет начальству. Откровенно говоря, в деле этом он не продвинулся ни на шаг, даже хахаля сердобольной соседки Ирины Маркеловой пришлось выпустить за отсутствием улик. Единственным достижением было избавление от бультерьера Квазимодо.

Капитан Мехреньгин вздохнул и подпер щеку рукой, как царевна Несмеяна из сказки. За соседним столом Жека Сапунов пытался печатать отчет, пользуясь допотопным компьютером.

Дверь кабинета открылась. На пороге появилась симпатичная девушка невысокого роста в строгом офисном костюме.

– Девушка, вы к кому? – пробасил Жека, оживленно приподнимаясь из-за стола.

– Что, я так сильно изменилась? – кокетливым тоном проговорила посетительница.

– Не понял... – Жека от волнения охрип и залился краской.

– Ты чего, Жека, – Мехреньгин удивленно взглянул на напарника, – это же Галя Кузина, практикантка наша...

– Чего?! – Жека уронил папку с протоколами, нагнулся поднять, снова выпрямился и уставился на Кузину. – Правда, что ли?

– А что – не нравится? – Галя бросила взгляд на свое отражение в дверце шкафа, поправила волосы. – Да мне самой не нравится, я так не привыкла... мне Валентин Иваныч для дела велел...

– Нет, мне нравится... то есть, я хотел сказать... да я не знаю... – и Жека, красный как помидор, вылетел из кабинета.

– Что это с ним? – удивленно спросила Галя.

– Понятия не имею, весна, наверно! – отмахнулся Мехреньгин. – Ну, рассказывай – что тебе удалось узнать?

Галина ходила в офис фирмы «Сегмент», возглавляемой Виталием Короводским, под предлогом того, что она ищет работу офис-менеджера, проще говоря – секретарши.

В приемной фирмы «Сегмент» за хромированной стойкой сидела секретарша, девчонка с круглыми карими глазами, симпатичной ямочкой на подбородке и малиновой прядью в темных волосах.

– Вы к кому? – спросила она Галину.

– Меня прислали из кадрового агентства «Пилигрим»! – выдала Кузина домашнюю заготовку. – Сказали, что вам срочно требуется офис-менеджер...

– Чего-то они напутали! – проговорила девица. – У нас офис-менеджер есть, это я...

Тут же она насторожилась:

– Это что, меня втихомолку уволить хотят? Вот козел!

Галина захлопала глазами:

– Это ты про кого – про шефа? Как он вообще? Терпимо?

– Натуральный псих! – девица понизила голос: – Особенно последнее время. Буквально с цепи сорвался! Чуть что не так – прямо как собака набрасывается! Кофе ему остывший подала, так думала, он в меня чашкой запустит! Я уже увольняться решила...

– А тогда что же ты так разозлилась, что он новую секретаршу ищет?

– Ты что – не понимаешь? – вылупилась девчонка на Галину. – Одно дело – если я сама уйду, и совсем другое – если меня уволят! Особенно так, втихомолку... это все равно, что с парнем: одно дело, если ты его бросишь, и совсем другое – если он тебя...

– Вообще-то да! – согласилась Галина с такой неопровержимо логичной мыслью. – Слушай, давай покурим...

Вообще-то Кузина не курила, она была сторонницей здорового образа жизни, но ради любимой работы жертвовала всем, даже собственным здоровьем.

Секретарша оживилась, вылезла из-за стойки и вышла с Галиной на площадку перед входом в офис.

– Так что, говоришь, начальник – настоящий козел? – спросила Кузина после первой затяжки. – Может, тогда мне не стоит и пытаться к вам устроиться?

– Ну, раньше он был ничего... – протянула девчонка. – Но сама посуди – работать в подчинении у тестя – это удовольствие не для слабонервных... вот он и стал психовать...

– У тестя? – переспросила Галя, насторожившись.

– Ну да, – девчонка стряхнула пепел. – Фирма принадлежала его тестю, Роману Васильевичу. Старик был крутой, зять бегал перед ним на задних лапках. Но тесть умер в прошлом году, и фирма перешла к его дочке, то есть к жене Виталия Андреевича. Она, правда, в дела фирмы не вмешивалась, полностью переложила их на мужа, а сама занималась дизайном одежды. Я раз была на ее показе – случайно билетик достался.

– Ну и как? – Галина вспомнила фотографию Маргариты Короводской – интересная женщина, видно, что и в голове что-то есть...

– Неплохо... – протянула девчонка, как будто она была не секретаршей, а владелицей модного журнала. – Есть интересные идеи... Значит, она своим делом занималась, к нам в фирму – ни ногой. Но Виталий Андреевич нервничал еще больше, чем прежде, устраивал сотрудникам постоянные разносы...

– Так он, значит, вовсе и не хозяин! – разочарованно протянула Кузина. – Настоящая хозяйка его жена!..

– А вот и нет! – перебила ее секретарша. – Я же говорила, что она в дела фирмы не вмешивалась, Виталий всем тут после смерти тестя заправлял, а недели две назад ее вообще убили, так что теперь он – полноправный хозяин...

– Убили?! – переспросила Галина, изображая крайнюю степень удивления.

– Ну да, убили! Какой-то грабитель залез в их коттедж, пока Виталия Андреевича не было, и убил Маргариту Романовну. Такой ужас, наша бухгалтер на похороны ходила, все нам подробно рассказывала...

В это время дверь распахнулась от удара ногой, ручка стукнула об стену, отчего на светлой штукатурке появилась вмятина.

– Что это вы себе позволяете? – возмутилась секретарша, но слова застряли у нее в горле.

Вошедших было двое. Первый – толстый, причем самой вызывающей его частью было огромное «пивное» пузо. Второй – тоже высокий, но за счет феноменально болезненной худобы казавшийся хлипким. Длинные черные волосы его лежали гладко, будто приклеенные, узкие губы презрительно сжаты.

– Как посетителей встречаешь? – вроде бы добродушно спросил толстый. – Этак всю клиентуру распугаете.

– Простите... – секретарша побледнела и заикалась. – Я сейчас, сейчас вас представлю шефу!

– Не надо, – не разжимая губ, процедил худой, – сами дорогу найдем. А шеф твой с нами очень даже хорошо знаком, так что обойдемся без представлений!

– Давай! – оживленно прибавил толстый. – Давай, птичка, кофейку сообрази, пирожных там, конфеток... Да быстрее: одна нога здесь – вторая там! Нам некогда!

Секретарша метнулась к стойке. Галя по наитию отправилась за ней, стараясь выглядеть как можно незаметнее. Ни одна дверь не открылась, никто не вышел в холл, офис как вымер. Было такое чувство, что сотрудники попрятались и замолчали, как птицы перед грозой.

– Кто это? – едва слышным шепотом спросила Галя, помогая секретарше сервировать кофе.

– И сама не знаю... – прошептала та в ответ. – Они к шефу уже третий раз приходят. Он после разговора совсем чумной делается, хоть с работы увольняйся... Ой, сахар кончился! Я сейчас в бухгалтерии займу!

Она исчезла, а Галя, исподтишка оглядев холл, решила и нажала кнопку переговорного устройства.

– Ты, Виталик, похоже, нам не рад совсем, – послышался из динамика голос толстого визитера, – ну и ладно, мы ведь по делу пришли, так что нам твоя любовь по барабану. Копыто, видишь ли, нас прислал, интерес у него к тебе...

– Вы передайте ему, – заторопился незнакомый голос, судя по всему, принадлежащий хозяину кабинета, – вы передайте, чтобы он не беспокоился. Я...

– А чего ему беспокоиться? – это вступил в разговор худой. – Это ты, мразь, беспокоиться должен. Об органах своих кое-каких, которых очень даже просто можешь лишиться, да и вообще о жизни своей...

В голосе слышалась такая злоба, что Галя невольно вздрогнула. Директор же фирмы совершенно потерял лицо.

– Я же сказал! – закричал он не своим высоким голосом и даже пустил петуха. – Я же сказал, что все будет в порядке! Только нужно время, фирму продать не так просто!

Галя воспользовалась тем, что в кабинете с грохотом упал стул, и выключила селектор.

– Так что мотив у Короводского просматривается очень даже серьезный, – проговорила Галина, изложив капитану все то, что ей удалось узнать в «Сегменте». – После смерти жены он унаследовал процветающую фирму. Только вот алиби...

– Очень даже серьезный... – согласился Мехреньгин. – А насчет алиби – это мы еще посмотрим!

В кабинет вошел Жека. Лицо его было красным, волосы мокрые – видно, сунул голову под кран, чтобы прийти в себя от нового внешнего вида практикантки. Глядя в сторону, он молча уселся за свой стол и закрылся папками.

– Да вот, кстати... – продолжал разговор Мехреньгин. – Опиши-ка еще раз тех двоих, что к Короводскому приходили...

– Ну, один толстый, другой очень худой. И страшный такой, волосы гладкие, прилизанные, голова маленькая, как у змеи, и шипит...

– Чего-чего? – вклинился в разговор Жека. – Ты, Валентин, когда это успел с Ленчиком и Сеней Бритвой пересечься?

– Думаешь, они? – оживился Мехреньгин.

– И не думаю, а точно знаю, она, – Жека мотнул головой в сторону Гали, – очень точно их описала.

– А кто они такие? – Глаза у практикантки горели.

– А это... это тебе Евгений лучше объяснит, – ответил Валентин, – он у нас по всяким криминальным личностям крупный специалист.

– Да что тут объяснять, – Жека зарделся от удовольствия, – довольно опасные типы на службе у одного такого... кличка ему Копыто. А они для него разные поручения выполняют, в частности, долги выколачивают.

– Точно, толстый говорил про какое-то копыто! – Галя просияла. – Так все же сходится! Этот Короводский должен Копыту большие деньги, так? А у него самого ничего не было, все жене принадлежало! Вот он и решился на преступление!

– Она права, – Валентин поглядел на Жеку очень серьезно, – все так и было.

– Доказательств-то у тебя нету! – буркнул тот.

– Будут! – твердо пообещал Мехреньгин. – Галя, как ты думаешь, тот манекен все еще в лесу лежит?

– А куда же он денется?

– Эх, Васька Стуков машину на профилактику отогнал, – вздохнул Валентин.

– А я-то на что? – оживился Жека. – Сейчас мы с Ку... с Галиной мигом смотаемся!

– Ну, двигайте. А я к Василию с серьезным разговором...

Мехреньгин нашел Стукова на обычном месте – в бистро «Три пескаря». Стуков ел рыбу по-гречески, запивая ее холодным пивом из запотевшего стакана.

– Привет, – буркнул он подозрительно, увидев возбужденное лицо Мехреньгина. – Ты поесть пришел или как?

– Или как! – отозвался Мехреньгин, без приглашения усаживаясь за стол. – Вась, ты можешь вызвать к нам этого Короводского?

– Опять ты за свое! – горестно вздохнул Стуков. – Ну что тебе неймется? Закажи рыбки, покушай... хорошая рыбка, свежая... пивка выпей холодненького... У меня вот праздник – теща уехала...

– Вася, не до рыбки! – отмахнулся Мехреньгин. – Убийца на свободе разгуливает, а ты пиво пьешь!

– Трудно с тобой! Знаешь, сколько на свободе убийц и разных других преступников? Что же нам, с голоду умереть? От этого никому пользы не будет!

– У тебя дело Короводской висит? Висит! Тебя шеф за него песочит? Еще как! Хочешь ты его раскрыть?

– Ну, допустим, хочу... Так у этого Короводского железное алиби! Если я его опять таскать начну – он на меня своего адвоката напустит! У него адвокат знаешь какой – прямо бультерьер!

– Не напустит! – отмахнулся легкомысленный Мехреньгин, невольно вспомнив бультерьера Квазимодо. – Ты его только пригласи – а дальше уж я сам! И точно тебе говорю, что от его алиби камня на камне не останется!

– Ну, смотри, Валентин, – если что не так, сам будешь перед Игорем Олеговичем оправдываться!

Виталий Андреевич Короводский вошел в кабинет капитана Стукова, кипя от возмущения.

– Чем вы тут занимаетесь?! – рявкнул он с порога. – Штаны за государственные деньги просиживаете? Занятых людей от работы отвлекаете?

Стуков оторвался от бумаг, разложенных на столе, и поднял на вошедшего озабоченный взгляд.

– Зря вы так, гражданин Короводский! Мы, между прочим, зарплату не за просто так получаем! В деле вашей жены выявились новые обстоятельства, в связи с которыми понадобилось задать вам несколько вопросов!..

– Какие еще обстоятельства? Какие еще вопросы? – Короводский держался с апломбом, но капитан почувствовал в глубине его глаз неуверенность, перерастающую в страх. – Вы мне уже все вопросы задали, и я вам на них ответил! Я, между прочим, тяжелый стресс пережил в связи с трагической смертью жены, а вы вместо уважения к моему горю...

– Не кипятитесь, гражданин Короводский! Я к вашему горю имею полное уважение и долго вас не задержу. Чем быстрее вы мне ответите – тем быстрее освободитесь! Выявились новые обстоятельства, поэтому...

– Ладно! – отмахнулся Короводский. – Раз уж я пришел – выкладывайте ваши обстоятельства, задавайте вопросы и оставьте меня наконец в покое!

– Хорошо, – Стуков поднялся из-за стола. – Для этого нам придется пройти в другой кабинет...

– В какой еще кабинет... – недовольно пробурчал Виталий Андреевич, однако послушно прошел за капитаном: очень уж ему хотелось узнать, какие это новые обстоятельства всплыли в деле об убийстве его жены.

Они вышли в коридор, дошли до лестницы, спустились на первый этаж, прошли еще немного и оказались перед дверью, на которой было написано «Архив». Капитан Стуков открыл эту дверь и пропустил Короводского вперед.

Виталий Андреевич оказался в большой полутемной комнате, окна которой были задернуты плотными шторами. Вдоль стен располагались металлические стеллажи, содержимое которых не было видно, поскольку все освещение комнаты состояло из настольной лампы под зеленым абажуром, которая освещала только заваленный бумагами письменный стол. В комнате было душновато, хотя воздух разгонял вентилятор на высокой хромированной стойке.

Чуть в стороне от стола, в глубоком офисном кресле сидела вполоборота к вошедшим молодая женщина. Лицо ее тонуло в полумраке, однако Виталий Андреевич невольно застыл на месте.

– Что за дела... – пробормотал он, затравленно озираясь. – Кто эта женщина? Зачем вы меня сюда привели?

– Мы вас привели на очную ставку! – донесся из темноты незнакомый мужской голос.

С едва слышным скрипом кресло повернулось, и вместе с ним повернулась таинственная незнакомка. Теперь свет настольной лампы падал на нее, и Виталий Андреевич разглядел бирюзовый кашемировый свитер своей жены, каштановые волосы и... неживое лицо манекена.

– Черт! – выпалил Короводский, попятившись. – Уберите ее! Я не хотел! Мне пришлось! Это все Копыто...

Ему никто не ответил. В комнате стояла тишина, нарушаемая только ровным гудением вентилятора. Затем кресло снова повернулось, и лицо манекена скрылось в темноте.

– Надо было его сжечь... – пробормотал Короводский, опустив голову.

– Совершенно верно, – подтвердил капитан Мехреньгин, выходя из темноты. – Если бы вы сожгли манекен и одежду своей жены, мы вряд ли сумели бы разрушить ваше алиби. Но у вас, как я понимаю, не было на это времени. Вы действительно вернулись из Москвы на самолете, примчались в свой коттедж, вынесли манекен, положили его в багажник машины и отвезли в лесок подальше от своего дома... там вы кое-как забросали его прошлогодними листьями и вернулись в коттедж, чтобы вызвать милицию. Больше времени у вас не было – иначе возникли бы вопросы, почему вы так долго добирались из аэропорта.

– Ничего не понимаю, – подал голос оторопевший капитан Стуков. – А как же алиби...

– Вот его алиби, – Мехреньгин показал на кресло, соединенное веревкой с работающим вентилятором. – Он заранее раздобыл манекен, спрятал его, по-видимому, в кладовой. В день убийства ему действительно нужно было улететь в Москву. Он собрал вещи, спустился в холл, попрощался с женой... и убил ее ударом по голове. Затем поднялся на второй этаж, достал манекен, надел на него одежду жены, причем в спешке взял первые попавшиеся вещи, и усадил манекен в кресло перед окном. Кресло соединил с основанием включенного вентилятора таким образом, что оно время от времени поворачивалось, и казалось, что

сидящая в кресле женщина двигается... должно быть, он замечал, что сосед-инвалид подглядывает в окна, и был уверен, что тот обеспечит ему алиби.

– Но сосед утверждал, что Маргарита Короводская сидела перед окном не всю ночь, а только вечером...

– Конечно! Потому что Короводский перед отъездом включил реле, которое выключило электричество в коттедже около полуночи. При этом отключился и свет, и вентилятор, и инвалид Скорпионов решил, что его соседка легла спать.

– Вы не знаете Копыто! – подал голос Короводский. – Это его идея... это страшный человек! Если бы я не заплатил ему денег, он мог бы... мог бы... У меня не было выхода. Этот старый людоед, отец Маргариты... Он все так оформил, что она, даже если бы и захотела, не смогла бы забрать деньги из фирмы. Но она бы не захотела... Что ей с того, что меня могли убить?

– Зачем же вы связались с уголовником? – спросил Стуков.

– Гражданин Короводский играет в казино, – протокольным голосом произнес капитан Мехреньгин и добавил не так сухо: – Мне сообщил об этом сосед, сын того свидетеля, Скорпионова. Он как-то видел Короводского в «Олимпии», тот проиграл большую сумму.

Дверь архива распахнулась, и в комнату заглянул подполковник.

– Что это вы тут в темноте делаете? – спросил он подозрительно. – И какая зараза мой вентилятор сперла? У меня в кабинете и так дышать невозможно...

– Извините, Игорь Олегович! – Мехреньгин вытянулся, как на параде. – Здесь ваш вентилятор! Он нам для дела понадобился, для следственного эксперимента!

– Ну и как эксперимент? – грозно осведомился подполковник. – Успешно?

– Успешно! Гражданин Короводский уже дает признательные показания!

– Ну, молодцы! Ну орлы! – подполковник Лось был растроган. – Ну, обрадовали... Мехреньгин! Благодарность тебе в приказе будет!

– Да я не один старался, – ответил благородный капитан Мехреньгин. – Мы всем коллективом... Вон, Кузина отличилась...

– Достойная растет смена! – Игорь Олегович похлопал Галю по плечу и ушел.

Валентин подошел к окну. На улице бушевала весна. Солнце светило так ярко, как маяк на мысе Доброй Надежды, лужи просыхали на глазах, почки на деревьях лопались с явственным треском, все живое торопилось поскорее вырасти и расцвести.

– Валентин Иваныч! – сказала Галя. – Вы такой умный!

– Да ладно, – заскромничал Мехреньгин. – Слушай, а что мы с тобой тут сидим? Рабочий день кончился, пойдем куда-нибудь... В кафе посидим, погуляем...

– Я не могу, – глаза у Гали сияли так ярко, что вполне могли соперничать с весенним солнцем, – меня Женя ждет.

«Вот так, – думал капитан Мехреньгин после Галиного ухода, – как по работе – так я самый умный, а как на свидание идти – так с Жекой... Ну да ладно, пойду домой, высплюсь, мне отгул полагается...»

Анна Ивановна поставила на пол две тяжеленные сумки, перевела дух и протянула палец к кнопке вызова лифта. Однако лифт не работал – кнопка горела красным светом.

Анна Ивановна прислушалась и поглядела вверх. Сверху раздавалось равномерное хлопанье автоматических дверей. Лифт застрял на третьем этаже – что-то мешало ему закрыться.

Капитана Мехреньгина разбудил телефонный звонок. Спросонья он никак не мог найти трубку и очухался, только когда услышал голос Васи Стукова, который нынче дежурил.

– Валентин, за тобой убийство Матренина по какому адресу числится? Сиреневый бульвар, дом одиннадцать? – орал Вася.

– Ну, – прохрипел Мехреньгин.

– Так я тебя обрадовать хочу! По тому адресу снова труп. Наши ездили – все то же самое, никто ничего не видел, никто ничего не знает! Маньяк, что ли, там орудует?

– Мама дорогая! – выдохнул Мехреньгин, сон с него слетел полностью. – А Лось что?

– А он сказал, что тебя вообще на фиг уволит! – злобно сообщил Вася.

Убийцу с Сиреневого Бульвара так и не нашли. Капитану Мехреньгину объявили строгий выговор. Жека Сапунов женился на практикантке. Весна прошла быстро.

Дарья Донцова «Правда в три короба»

Если в понедельник, около четырех утра, вам звонят в дверь, а потом начинают громко в нее барабанить и орать: «Откройте», то не ждите, что это друзья, решившие принести вам свежие булочки к завтраку.

Я быстро накинула халат, добежала до домофона и посмотрела на экран. Так и есть! На лестничной клетке стоит милиционер.

– Кто там? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Тань, открывай, – раздался знакомый голос, и рядом с парнем в фуражке появилась наша домоуправ и соседка Светлана Чернышева.

Я быстро открыла дверь.

– Извини, – забубнила Светка, когда я выглянула наружу, – им понятая нужна.

– Кому? – прикинулась я идиоткой.

Света поежилась и ткнула пальцем в квартиру, расположенную справа от лифта.

– Ща ее вскрывать будут, по закону свидетели нужны. Нехорошо, конечно, было тебя будить, да больше некого. Рындины уехали в Египет, у Корольковых дети маленькие.

– Зачем к Лагутиным вламываться? – заморгала я. – Позвоните, Никита откроем.

Мент крякнул, а Светка спросила:

– Когда ты Лагутина последний раз видела?

– Ну... не помню, – призналась я, – раньше часто встречались у лифта, а после смерти Тони с Яной он словно исчез. Хотя нет, вспомнила! В прошлый четверг я столкнулась с Никитой в супермаркете, он по отделу инструментов бродил. Я так обрадовалась!

– Чему? – влез в разговор милиционер.

Вместо меня ответила Светка.

– В конце осени у Лагутиных девочка пропала, трехлетняя Яна. Они всей семьей пошли гулять в парк, там детей на пони катали, я с дочкой была с ними. Яночка запросилась в тележку, жена Никиты, Тоня, ее не пустила, сказала:

– Ты еще маленькая, не дай бог, свалишься, а я с тобой сесть не могу, лошадка крошечная, она взрослых не возит.

На ребенка разумные слова не подействовали, Яночка заплакала. И тут Никита, который обожал дочь, сказал жене:

– Пусть прокатится.

– Яна не удержится на сиденье, – возразила Антонина.

– Глупости, – возмутился Никита, – смотри, там объявление вывешено: «Катаем детей садовского возраста», а нашей девочке уже три года исполнилось.

– Она маленькая, – стояла на своем мать, – садик не посещает, и ты ведь знаешь, что у Яны плохое здоровье.

Никита обозлился.

– Нечего из ребенка инвалида делать, – резко сказал он.

– У Яны особый случай, – занудила Антонина, – внезапный приступ у нее может спровоцировать любой стресс, даже радость, дочь сидит на лекарствах. Аллергия – жуткая штука!

– Все, – оборвал ее муж, – ты меня своей глупостью достала! Может, завернешь Яну в вату? Она, по твоему, и в школу ходить не должна? Посмотри в тележку, там меньше нашей дочери дети есть!

Светлана, которая уже успела посадить на скамеечку свою двухлетнюю Лиду, решила не вмешиваться в чужую ссору. Парень в очках с толстыми стеклами, управлявший маленькой лошадкой, стоял чуть поодаль и курил, разговора он явно не слышал, потому что крикнул:

– Ну что? Едем?

– Нет, – решительно заявила Антонина.

Яна зарыдала во весь голос.

Никита посадил дочь в повозку и торжествующе посмотрел на жену.

Юноша бросил сигарету, сел на козлы и дернул за вожжи, пони медленно потрусил по дорожке.

– Господи, – испуганно зашептала Тоня, – как бы чего не случилось!

– Прекрати, – поморщился Никита, – противно слушать! И вообще, тебе пора выходить на работу, нечего дома сидеть, от безделья глупости выдумываешь. Или на тебя так изменение внешности подействовало? Месяц назад покрасилась в блондинку и совсем в дуру превратилась!

– Яна больна, – всхлипнула Тоня, – ей надо лекарство по часам принимать.

Никита набрал полную грудь воздуха, но достойно ответить жене не успел, Света решила разрядить обстановку.

– Какие таблетки пьет Яна? – спросила она у Тони. – Моя Лидочка давно диатезом мучается, может, ей пилюли помогут?

– У вас ерунда, – отмахнулась Тоня, – а у Яночки очень тяжелая форма аллергии, нам помогает лишь очень дорогой американский препарат «Зоротин»^[1], в Москву он не поставляется.

– И как ты его приобретаешь? – изумилась Света.

– Через Интернет, – пояснила Антонина, – заказ на дом привозит фирма, это очень удобно.

– Лучше поинтересуйся, сколько один пузырек стоит, – ехидно перебил жену Никита, – а доставка и без того недешевую цену увеличивает.

– Тебе жаль денег для больного ребенка? – вспыхнула Тоня.

– Нет, – чуть сбавил тон Никита, – когда речь идет о здоровье, деньги не считают. Но ты зря не отведешь Яну еще к одному врачу, вероятно, наш доктор нарочно дорогое средство прописал! Говорят, медики теперь процент с продаж имеют.

Светлана только вздохнула. Антонина и Никита постоянно ругаются, с ними в последнее время не очень приятно находиться в одной компании.

– Где пони? – занервничала Тоня. – Я не вижу повозку!

– Не волнуйся, – успокоила ее Света, – лошадка вон за теми деревьями! Сейчас покажется.

И точно, спустя несколько минут вдалеке замаячила тележка.

– Успокоилась? – язвительно осведомился Никита. – Сейчас обнимешь свое сокровище и обложишь его поролоном.

– Яна! – закричала Тоня. – Господи, где девочка?

– В повозке, – начал злиться Никита.

– Ее там нет! – прошептала мать.

Никита повернулся к Свете:

– Объясни своей подруге, что ей нужно пить успокаивающие таблетки.

– Тоня просто очень заботливый и впечатлительный человек, – заступилась Света за Лагутину, – или ты хочешь иметь дома кукушку, которая, бросив малютку одну, убежит на гулянку?

– Крайности мне не нужны, – покраснел Никита, – я раздолбайство не поощряю, но еще хуже тотальный контроль за ребенком.

– Яна! – заорала Тоня, кидаясь к тележке. – Моя девочка!

Света повернулась и лишилась дара речи. Ее Лидочка и еще четверо малышей весело размахивали флажками, которые им дал возница. Но один флажок сиротливо лежал на сиденье. Яна исчезла.

Тоня упала в обморок, Никита бросился к хозяину пони, тот испуганно сказал, поправляя очки:

– Девочку взял отец!

– С ума сошел? – заорал Лагутин. – Это невозможно! Я здесь стоял.

Лоб возницы покрылся каплями пота.

– Я ваще-то плохо вижу, – протянул он, – когда я за деревья заехал, подбежал мужчина, снял ребенка и сказал: «Жена коза, не собираюсь ее слушать! Яне нельзя одной кататься!» Это же были вы!

– Никита был с нами! – ахнула Света.

Лагутин схватил парня за грудки и принялся трясти его, приговаривая: – Где моя девочка?

Яну так и не нашли. Вечером того же дня Тоня покончила с собой, выбросившись с чердака высотного недостроенного здания. Около трупы лежала сумочка, среди всяких женских мелочей нашли записку, в которой Тоня винила в своей смерти и похищении Яны Никиту. Лагутин попал с нервным расстройством в больницу, потом вернулся домой. Он маялся от одиночества, постоянно заглядывал к Светлане, но разговаривал только на одну тему, повторяя:

– Зачем я посадил Яну в тележку?

Домоуправ замолчала, потом завершила рассказ:

– Понятно, почему Татьяна обрадовалась, увидев его в магазине? Раз мужик о ремонте думать начал, значит, в себя приходит!

– Открыто, – возвестил слесарь, ковырявшийся с замком.

Мы все вошли в холл квартиры Лагутиных.

– Вода течет, – вздохнул представитель закона. – Эй, тут есть кто живой?

Продолжая звать на разные лады хозяина, парень пнул дверь в ванную. Я осталась у вешалки, машинально отметив, что Никита не избавился от вещей жены. На одном из крючков висело зимнее пальто Тони, внизу стояли ее ботиночки, не очень модные и не новые, каблук у них были стоптаны с внутренней стороны.

– Мама! – пискнула Света и осела на пол.

– Ясно, чего он в хозяйственном отделе бродил, – прогудел слесарь, – нож покупал, таким обоим режут.

Острый, зараза, почище бритвы. Кровищи сколько!

Милиционер потянулся к крану.

– Стой! – воскликнула я. – Что ты собрался делать?

– Воду перекрыть, – заявил дурачок.

Я схватила неопытного «Шерлока Холмса» за плечо.

– Ничего нельзя трогать до прихода милиции.

– А я кто? – фыркнул парнишка.

– Перчатки есть? – не успокаивалась я. – Если нет, лучше ничего не касаться, иначе потом эксперт замучается в твоих отпечатках рыться. Кстати, ты можешь смазать «пальчики» преступника.

– Это самоубийство, – самонадеянно заявил идиот.

Я возмутилась:

– Ты что, эксперт? Причем, похоже, самой высшей категории, раз мельком посмотрел на ванну и сделал вывод.

– На стиральной машине есть записка, – отстаивал свое мнение участковый, – нож окровавленный на бортике лежит! А воду надо перекрыть, соседей снизу затопило!

– Вызывай ребят из убийного отдела, – велела я, – они и решат, что здесь случилось! Тебя как зовут?

– Леонид, – нехотя ответил участковый. – Слушай, ты где работаешь?

Я сделала простодушное лицо.

– В торговом центре менеджером, а что?

– Больно много знаешь, – сердито констатировал мент, – небось муж из наших?

– Нет, он в рекламе снимается, – опять соврала я.

– И мертвеца не испугалась, – бубнил Леонид, – вон домоуправ совсем плохая.

Я опустила глаза. А из Леонида мог бы выйти толк, попади он, как в свое время я, в особую бригаду Чеслава, которая расследует тяжкие преступления. Парень наблюдателен, действительно, нормальной женщине положено при виде трупа, лежащего в кровавой воде, незамедлительно лишаться чувств. Но я за последнее время нагляделась на всякие ужасы и перестала воспринимать их как экстраординарное зрелище. Надо успокоить Леонида.

– Я работала санитаркой в морге, – пожалала плечами, – а еще очень люблю детективы.

Участковый хмыкнул, но ничего не сказал.

– Таняша, – прошептала белая, как обезжиренный кефир, Света, – дай мне валидол.

Я развела руками:

– Прости, не держу его дома. Могу к тебе в квартиру сходить.

Светлана ткнула рукой в сторону коридора:

– На стене около кухни аптечка висит, посмотри там!

Я послушно пошла в сторону кухни и открыла небольшой шкафчик. Первое, на что наткнулся взгляд, были две красные упаковки с синей надписью «Зоротин». Чтобы найти валидол, я вынула тубы, обнаружила за ними блистер с белыми таблетками и вернула лекарство несчастной девочки на место. На крышках четко было написано «30.03.2009 – 30.03.2010». Я слегка удивилась: если Яна пропала осенью, зачем сейчас для нее купили пилюли? Может, Тоня заказала лекарство давно, а фирма задержала его доставку?

– Нашла валидол? – закричал Леонид.

Я вздрогнула и пошла к Свете.

Смерть Никиты была признана самоубийством. Эксперт ни секунды не колебался, подписывая протокол вскрытия. Лагутин оставил письмо, в нем он указал причину, по которой решил расстаться с жизнью, Никита винил себя в исчезновении Яны и в смерти Тони, которая шагнула с двадцатого этажа.

Родственников у Лагутина не было, поэтому всеми скорбными процедурами занимались мы со Светой. С деньгами не было никаких проблем, Никита положил в кухне на самом видном месте увесистую пачку купюр и записку всего из двух слов: «Для похорон».

– Куда девать остаток денег? – спросила я у Светланы утром после поминок.

Домоуправ на секунду призадумалась, но потом бойко ответила:

– Может, Тоня завещала свое имущество сестре? Других-то претендентов на него нет.

– Не знала, что у Лагутиной есть близкая родственница, – удивилась я, – мы иногда забегали друг к другу за всякой мелочью типа соли, несколько раз пили вместе чай. Антонина мне жаловалась, что ей некому помочь, ни мамы, ни тети, ни хоть кого-нибудь из близких нет, а няню она нанимать не хотела!

– О мертвых плохо не говорят, – вздохнула Светка, – но Тонька слишком девочку баловала, Яна ни с кем оставаться не соглашалась! Помнишь, Антонину увезли на «Скорой» с аппендицитом?

– Да, – кивнула я.

Светлана скорчила гримасу.

– Я чуть с ума не сошла, пока Никита с работы примчался! Яна орала без продыху три часа, слегка утихла, лишь когда отец приехал. Но есть и спать без мамы капризница категорически отказывалась. Пришлось Тоне из больницы через день после операции сбежать. Так распускать детей нельзя. Моя Лида прекрасно понимает: маме надо работать, а она должна в садик ходить. Хотя я теперь, после того как Яна в лапы педофила попала, Лиду на руках по улицам тащу.

– Думаешь, Яну похитил маньяк? – вздохнула я.

– Каждый день газеты об уродах пишут! Дети постоянно исчезают! Господи, отведи от меня беду! – пробормотала Света.

Не успела она перекреститься, как с лестницы раздался мат:

– ...!...!...!

– Кто там? – поинтересовалась Светлана, поднимаясь с табуретки.

– Сиди спокойно, – велела я, быстро пошла в прихожую и посмотрела на домофон.

К сожалению, камера у нас висит не совсем правильно, полного обзора лестничной клетки она не дает, хорошо видно пространство у лифта и дверь Рындиных, а вот то, что происходит у квартиры Лагутиных, разобрать трудно, но все же при желании можно. Затаив дыхание, я пыталась понять, кто возится возле опечатанной квартиры. Разглядев, я изумилась больше всего: мужчина, стоявший спиной к подъемнику, напоминал бомжа.

И тут Светка схватила трубку и заорала:

– Ты чего там копошишься, а? Ща милицию позовем!

Большей глупости нельзя было сделать. Я быстро открыла замок, но мужчина оказался проворен, как ящерица. Прежде чем я успела выбежать на лестницу, он заскочил в лифт и укатил на первый этаж. К сожалению, мой вес превышает восемьдесят килограммов, и физическая подготовка оставляет желать лучшего, поэтому я даже не сделала попытки побежать вниз по ступенькам. Какой в этом смысл? Лифт мне ни за какие конфеты не обогнать.

– Ну надо же! – бурно радовалась Светка. – Я прогнала вора!

Наверное, следовало объяснить Чернышевой глупость ее поступка. Не было никакой необходимости пугать вора обещанием вызвать милицию, надо на самом деле звонить 02, но Светка так сияла от радости, что я промолчала.

– Ну не гад ли! – возмущалась Чернышева, когда мы с ней оказались у двери Лагутиных. – Смотри, мерзавец печать сорвал! И когда московское правительство разберется с бомжами?

Я молча огляделась. Неподалеку от ступенек валялась до безобразия грязная, некогда бело-красная клетчатая сумка, а белая бумажка, прикрепленная к косяку двери, разорвана.

– Услышал небось, что хозяйка умерла, полгода теперь жилплощадь будет пустовать, пока кто-нибудь официально наследство не получит, – тараторила Светка, – вот и решил в тепле пожить!

Но у меня в голове копошились совсем другие мысли. Да, бездомные люди устраиваются в домах, приготовленных под снос, но бомжи никогда не лезут в густонаселенные здания. Маловероятно, что маргинал предполагал уютно устроиться в квартире Лагутиных. Может, он задумал обворовать покойного Никиту? И снова странно! Да, лица без определенного места жительства промышляют мелкими кражами, они вполне могут спереть продукты с прилавка или выхватить у зазевавшегося прохожего из рук телефон. Но шарить по домам – это не их стиль. Если же бомж решается обчистить чьи-то апартаменты, он выбирает дом попроще, входит в скромное блочное здание и заруливает в квартиру на первом этаже. Выше бродяга не пойдет, велик риск нарваться на жильцов, которые не пощадят грабителя. А наш фигурант прикатил на лифте днем, да еще в субботу! Он что, дурак, который не знает, что в рабочие дни шанс наткнуться на хозяев во много раз меньше? Похоже, попрошайка знал, что Никита умер. Впрочем, он мог увидеть бумагу с печатью и сообразить, что в квартире никого нет.

– Открыто! – воскликнула Светка. – Тань, гляди, он дверь успел отпереть, надо посмотреть, вдруг чего

пропало!

Я не успела остановить Чернышеву, она быстро вошла в прихожую Лагутиных, мне пришлось следовать за Светой.

– Ну и как ты собираешься определить, цело ли имущество? – спросила я, глядя, как Светлана бойко семенит по коридору. – Наверяд ли ты знаешь все вещи Лагутиных.

– Начнем с ванной, – деловито заявила Светка. – Тоня там в коробочке колечки держала. Ой!

– Что с тобой? – насторожилась я.

Чернышева, успевшая войти в санузел, выскочила назад в коридор и прошептала:

– Там все в крови и какой-то пылью засыпано.

– Эксперт снимал отпечатки пальцев, – пожалала я плечами, – обычная процедура.

– Менты за собой не убрали!

– Неужели ты полагаешь, что сотрудники убойного отдела должны мыть квартиру жертвы? – хмыкнула я. – Наводить порядок предстоит наследникам!

– Я всего полгода работаю домоуправом, – прошептала Чернышева. – Никаких странных ситуаций пока в доме не случилось, только потопы и мусор иногда не вывозят. Помнишь, где аптечка? Принеси валидол!

Я кивнула и поторопилась в сторону кухни. Маленький шкафчик выглядел нетронутым, но внутри оказалось пусто! На полках не было ни блистеров, ни флаконов, ни коробочек, вообще ничего.

– Таняшка, – крикнула Света, – чего застряла? У меня сердце прям из груди выпрыгивает!

Я вернулась к Чернышевой.

– Валидола нет, похоже, вор забрал лекарства.

– Наркоман! – всплеснула руками Светка. – Надо ментам сообщить, чтобы снова квартиру опечатали. А еще лучше сделать опись имущества. Эй, ты заснула?

Я покачала головой и вынырнула из размышлений.

– Зачем составлять список вещей?

– Вдруг сестра Тони претензии предъявит, – нервничала Чернышева, – еще обвиноватит домоуправление. Побегу к участковому.

Забыв про сердце, которое «прям из груди выпрыгивает», Светка схватила меня за руку и потянула к выходу, продолжая на ходу причитать:

– Зря, наверное, я на работу управдома согласилась. Но Лида маленькая, за ней присмотр нужен, вот я и решила, что...

Договорить Чернышева не успела, лифт раздвинул створки, и Светка, вскочив в кабину, отправилась на первый этаж.

Я закрыла дверь квартиры Лагутиных, попыталась приладить полоску бумаги на прежнее место, но потерпела неудачу. Металлическая дверь у Никиты запиралась на ключ, а не захлопывалась, поэтому не хотела плотно прилегать к косяку, отходила. В конце концов я оставила попытки наклеить бумажку и застыла в сомнении. Мне можно уйти домой или следует дежурить на лестнице, поджидая Светлану и участкового? Нехорошо оставлять квартиру незапертой. На первый взгляд никаких ценных вещей у Лагутиных не было, но ведь мне неизвестно, что они хранили в укромных местах. Я прислонилась к стене.

Никита и Тоня жили скромно. Муж ездил на новой, но дешевой иномарке, жена не щеголяла в дизайнерских нарядах. Вот Яну мать одевала в дорогом магазине, пару раз я сталкивалась с соседкой в лифте и видела у нее в руках большие пакеты с логотипом известной фирмы. Яночка всегда выглядела принцессой в розовых кружевах, стразах и натуральном меху. А за год до исчезновения девочки Тоня ездила с ней в какую-то экзотическую страну. Я узнала о путешествии от самой Антонины, она принесла мне в подарок сувенир и начала взахлеб рассказывать о месяце, проведенном у океана. Сразу стало понятно: Лагутина подарила мне копеечный набор ракушек не для того, чтобы меня порадовать. Нет, Тонечке хотелось похвастаться и продемонстрировать фотографии.

– Мы выбрали правильное время года, – трещала Тоня, – никакой изнуряющей жары, только приятное тепло. Смотри, это вилла, в ней четыре спальни, три ванных комнаты, гостиная, джакузи на улице, полный комфорт. Яночка была в восторге!

– Здорово, – абсолютно искренне воскликнула я. – А сколько туда лететь?

– Четырнадцать часов, – последовал ответ.

– Тяжело для маленького ребенка!

– Что ты! – возразила Лагутина. – В самолете классно! Мы выпались, постоянно ели, кино смотрели, стюардессы все время с Яночкой возились. Да, в бизнес-классе супер!

– В бизнес-классе? – изумленно повторила я. – Ну и ну! Очень недешевое удовольствие!

Тоня смутилась.

– Яна должна иметь все лучшее, – заявила она, – мы шли через VIP-зал, за него тоже пришлось выложить немаленькую сумму, но мой ребенок не может толкаться в очереди, а потом сидеть у меня на руках весь полет. Нет, мы, как белые люди, ждали регистрации в креслах, нас отдельно отвели на борт!

– Думаешь, сможешь обеспечить Яне подобный комфорт на всю жизнь? – вздохнула я. – Не надо баловать девочку.

– У тебя нет детей, – возмутилась Тоня, – ты понятия не имеешь, о чем говоришь!

– Твоя правда, – согласилась я.

– Ладно, не сердись, – опомнилась Антонина, – я кредит на поездку взяла!

– А как выплачивать собираешься? – поинтересовалась я.

– Ерунда, – отмахнулась Тоня и заговорщицки зашептала: – Думаешь, Никита мне много денег на хозяйство дает? Ха! Он бы от злости лопнул, узнай, где я Яночке одежду беру! Муж полагает, что я по рынку бегаю, слава богу, он, идиот, ни фиги в нарядах не понимает. Я давно ссудами пользуюсь. Это очень просто, надо лишь найти банк, в котором никаких документов, кроме паспорта, не спрашивают!

Я опешила:

– Понимаю, как ты получаешь деньги, но каким образом возвращаешь долги?

Антонина подмигнула:

– Ты наивняк. Хапаю в одном месте тридцать тысяч, потом в другом сорок, гашу первый кредит, имею десятку в плюсе!

– Ничего себе! – воскликнула я. – Ты же в минусе! Долг-то вырос.

– Ерунда! Топаю к третьим банкирам и прошу пятьдесят! – ухмыльнулась Тоня. – В Москве полно контор, дающих бабки.

– Прекрати это немедленно, рано или поздно ты попадешь в беду, – предостерегла я безответственную Антонину.

– Ну уж нет, – гневно отмела мое предложение соседка. – Яне необходимо хорошее питание, красивые вещи, материальный достаток формирует свободную и творческую личность!

Этажом выше кто-то громко заговорил по телефону, я вздрогнула, отогнала воспоминания и решила пойти домой. Интересно, узнал ли Никита после смерти жены о многочисленных кредитах? Наверное, да! Если клиент пропускает срок выплаты, банк немедленно принимает меры. Сначала должника пытаются вразумить при помощи телефонных бесед, ну а потом пускают в ход другое оружие. Все-таки россияне еще не привыкли к банковским услугам, некоторые люди искренне полагают: мне нужны деньги, поэтому возьму столько, чтобы на все хватило, а там посмотрим, может, отдавать и не придется. Очень глупая позиция.

Я сделала шаг к своей двери и только сейчас обратила внимание на грязную сумку, которую бросил бомж, видно, он здорово испугался Светкиного вопля. Внезапно я почувствовала тревогу, сходила в свою квартиру, надела резиновые перчатки и, преодолевая брезгливость, стала изучать содержимое котомки. Увы, ничего интересного среди вещей бездомного не было. Никаких документов или писем с адресом, лишь тряпки, осколки от разбитых бутылок и лекарства. Очевидно, бомж таскал багаж при себе, оставить поклажу он не мог, боялся «коллег», которые способны обворовать товарища. Сегодня нищему повезло, он нашел несколько пустых стекляшек из-под российского пива и запихнул в торбу. Мужчина явно надеялся сдать тару и получить за нее небольшую сумму. Но планы маргинала неожиданно изменились, он поспешил в наш дом, ограбил аптечку Никиты, стал запирает дверь в квартиру и, вероятно, поранил палец – на замочной скважине есть пятнышко крови. От боли бомж смачно выругался, мы со Светой услышали трехэтажный мат. Далее понятно. Я помню, что у вора, когда он вскакивал в лифт, ничего в руках не было. Следовательно, вся добыча в сумке. Интересно, зачем мужику лекарства? Лагутин не держал ничего сильнодействующего или наркотического, самый обычный набор здорового человека: пачка быстрорастворимого аспирина, аскорбинка, цитрамон, валидол и капли от запора. Ни от одного из вышеперечисленных препаратов кайф не поймает!

Я вновь уставилась на медикаменты. Ей богу, странно! Может, бродяга простудился? Зашел в подъезд, стал шараться по этажам, подыскивая теплое местечко, увидел полоску с печатью, сообразил: квартира пуста – и решил порыться в аптечке? Представляю, как бы отреагировал Чеслав, озвучь я ему эту стройную версию! Боюсь, он бы вычеркнул госпожу Сергееву из членов бригады и заявил ей вдогонку:

– Большой глупости ни разу не слышал.

Я чихнула и вздрогнула. Минуточку! А где «Зоротин»? Отлично помню круглые пластиковые тубы, на крышках которых была надпись «30.03.2009 – 30.03.2010».

Я еще раз тщательно перетряхнула содержимое торбы. Дорогое лекарство исчезло без следа. Да, в руках у бомжа, когда он убежал, не было ничего, но в карман его куртки я ведь не заглядывала.

Коробков ответил на звонок мгновенно.

– Склад забытых мозгов, – отчеканил он, – вы какой потеряли, женский? Маленький, розового цвета?

– Перестань. – Я попыталась остановить Димона, но нашего хакера практически невозможно заставить быть серьезным.

– Понятно, – зачирикал он веселым воробьем, – в метро вами оставлены полушария блондинки, никаких извилин, одни прямые. Простите, найти такой объект за неделю не удастся, слишком много Барби теряют в магазинах...

– «Зоротин»! – рявкнула я.

– Что? – прекратил ерничать компьютерщик.

– Узнай все про медикамент с этим названием! Немедленно, – приказала я.

– Ты же вроде болеешь? – удивился Коробков.

– Температура упала, но Чеслав велел мне еще три дня в офисе не показываться, – пояснила я.

– И правильно! Не фигу заразу разносить, – начал занудничать Димон.

– Лучше пошарь в Интернете! – остановила его я.

– Уже нарыл, – отрапортовал Димон, – «Зоротин» – средство, производимое в США. Его прописывают детям, которые страдают редким генетическим заболеванием... Ох и ни фигу себе!

Из трубки донеслось щелканье.

– Эй, ты умер? – удивилась я. – Почему замолчал?

– Цену увидел, – прорезался голос Димона, – тысяча двести баксов за упаковку, в которой всего сорок таблеток. Впрочем, если заказать партию из трех или больше штук, то платить придется чуть меньшие бабки. Ну-ка постой! Вот суки!

– Кто? – не поняла я.

– «Зоротин» в Москве не продается, он вообще запрещен в России.

– Почему?

– Понятия не имею, – сердито ответил Димон, – похоже, наши медики считают препарат вредным, и он нужен малому количеству детей, у которых есть генетический сбой. И у лекарства есть российский аналог, намного, кстати, дешевле!

– Погоди, – изумилась я, – зачем же платить тысячи, если можно обойтись небольшими рублями? И ты уверен, что это средство от серьезного недуга? Тоня говорила об аллергии!

Димон издал стон.

– Определенная часть людей считает, что все российское – бяка, а вот американское – супер. Некоторые родители не хотят никому с ообщать о проблемах своего ребенка. «Кривая» генетика – это ужасно, а аллергия – самое заурядное заболевание.

– Но это же глупо!

– А кто тебе сказал, что ты живешь в стране мудрецов? – ржал Коробков.

Но я задала новый вопрос:

– Если «Зоротин» в Россию не ввозят, где его народ находит?

– В Интернете, через фирму «Ам», она вам хоть слюну черта добудет, только заплати. Знаешь, сколько пилюльки у америкосов стоят? Пятьдесят их рубчииков.

Я не поверила своим ушам.

– Может, пятьсот?

– Ха! Пять десятков! Остальное «Ам» накручивает, – отбрил Димон.

– Вот гады, – не сдержалась я, – наживаются на больных! Скажи, можешь влезть в их отдел, обслуживающий клиентов?

– Уже там топчусь! – успокоил меня хакер.

– Проверь заказ Лагутиной Антонины, отчество не знаю, зато могу сообщить адрес, – попросила я.

– Он почти как у тебя, – подхватил Димон, – улица и номер дома совпадают, лишь квартира другая.

– Верно! Тоня была моей соседкой, – согласилась я.

– Почему «была»? – удивился Коробков.

– Она покончила с собой.

– Давно?

– Где-то около полугода тому назад, – уточнила я.

– Маловероятно. В конце февраля А.Н. Лагутиной доставили заказ. Секундочку. Ты слушаешь?

– Да, – тихо ответила я, – очень внимательно.

– Лагутина являлась постоянной покупательницей, – забубнил Димон, – она регулярно заказывала оптовую партию «Зоротина» из трех упаковок. Доставка всегда производилась по одному и тому же адресу.

Но в феврале случился косяк, курьер принес таблетки, а спустя день клиентка прислала имейл с вопросом: «Где „Зоротин“?»

Ей ответили: «Вы его получили». Скоро прибыло еще одно письмо, в котором Тоня сообщила: она развелась с мужем, сменила место жительства, но, заказывая «Зоротин», машинально сказала диспетчеру: «Это Лагутина, мне как обычно». И фирма отправила лекарство бывшему супругу Тони. Тот ничего не сказал курьеру и взял «Зоротин». Короче, пришлите мне новую парию! Бесплатно!

– Оригинально, – не удержалась я от комментария.

– Диспетчер вежливо ответил: мы можем принять заказ, но только после того, как получим, наша кошечка, от вас денежки. Мы не виноваты, что ты, коза тупая, в своих адресах и мужьях запуталась.

– И чем дело завершилось?

– Наверное, Антонина сообразила, какую глупость сморозила, и больше «Ам» не беспокоила. Небось поехала к мужу и потребовала отдать «Зоротин». Вот почему я никогда не хотел жениться! Начинается хорошо: любовь-морковь, конфеты-букеты, затем развод, и в результате человек тебе лекарство для большого ребенка отдавать не хочет! Жесть! – на одном дыхании выдал Коробков.

– Можешь проверить кредитную историю госпожи Лагутиной? – спросила я.

– Только если назовешь определенный банк, – ответил Димон.

– Я не в курсе, куда она обращалась, знаю лишь, что Антонина набрала большое количество денег в разных местах, где спрашивают только паспорт.

– Ладно, я подумаю и тебе перезвоню, – пообещал хакер.

– Спасибо, – поблагодарила я и собралась отсоединиться.

– Эгей, – окликнул меня Коробков, – не хочешь узнать, где сейчас проживает Лагутина?

– У тебя есть ее адрес? Откуда? – поразилась я.

– Она его отправила фирме «Ам» и сообщила, что после развода поменяла фамилию и теперь просит исправить адрес доставки и данные получателя с А.Н. Лагутиной на А.Н. Ковалеву.

– Здорово, – обрадовалась я, – диктуй!

Чтобы добраться до старого дома в одном из тихих переулков в центре Москвы, мне понадобилось чуть больше часа, на улице стояла слишком теплая для апреля погода и, несмотря на поздний час, в метро оказалось много пассажиров, которые, радуясь, что наконец-то отступили холода, легкомысленно надели почти летнюю одежду, кое-кто из женщин даже щеголял в босоножках.

Дверь подъезда украшала здоровенная ручка из латуни, а саму створку, похоже, высекали из камня, я с огромным трудом смогла приоткрыть ее и протиснулась в подъезд, в котором легко могло разом разместиться человек пятьдесят. Вот только домоуправление явно сэкономило на электричестве, под высоким потолком еле-еле тлела люстра, и здесь лет семьдесят не делали ремонта: мраморный пол истерся, ступеньки широкой лестницы были выщерблены, а со стен лохмотьями свисала облупившаяся краска.

Лифта внизу не было, я собралась уже пойти вверх, как услышала скрипучий голос:

– Милая, к кому торопишься?

Из-под лестницы выглядывала сморщенная старуха, по виду настоящая баба-яга.

– Спешешь куда? – спросила она.

– Иду к Ковалевой, – повысив голос, ответила я.

– Не кричи, – хмыкнула старуха, – я кажусь тебе древним фикусом? Лет мне немало, но слух господь не отнял, вот на зрение давно жалуюсь. Нету Ковалевых. Квартиру заперли и съехали.

– Куда? – расстроилась я.

– Мне не доложили, – серьезно ответила баба-яга. – Митя иногда появляется, а Аня как в воду канула, вероятно, на даче живет. Может, ей наконец забеременеть удалось? Уж не первый год замужем, а пустая ходила. Это ее господь за Тоню наказал! Отбила жениха у сестры! Поругались насмерть. И Митя хорош, польстился на квартиру. Эх, жизнь человеческая!

– Давно вы лифтером работаете? – спросила я.

– Счет годам уж потеряла, – махнула рукой старуха, – после войны сюда из деревни перебралась, в дворниках ходила, дали мне комнату. Аню с Тоней младенцами помню. Отец у них хороший был. Да и Аня добрая, но не хозяйственная. Вон, гляди, какие туфли выкинула! Выставила их к помойке! Совсем целые, кожаные! Только каблук слегка стопталась, я и подобрала чапки, теперь ношу с удовольствием.

– Простите, как вас зовут? – перебила я бабуся.

– Анфиса Петровна, – с достоинством ответила лифтерша.

– А я Таня, можно мне тут присесть?

– Устраивайся, – милостиво разрешила консьержка.

На следующий день около полудня я сидела в кабинете Чеслава. Начальник выслушал меня и сказал:

– Я велел тебе болеть, а не носиться по улицам, и уж тем более не стоило совать нос в чужие дела.

– Случайно получилось, – попыталась я оправдаться.

– Ладно, – смилостивился Чеслав, – теперь еще раз кратко изложи суть!

Я, как послушная первоклассница, сложила руки на столе.

– Жила в Москве семья Ковалевых. Отец, Николай, был дважды женат. Первая его супруга умерла в родах, оставив девочку Антонину. Коля недолго горевал, очевидно, ему было трудно справиться с младенцем, поэтому он живо пошел в загс с некоей Маргаритой, которая тоже произвела на свет девочку – Аню.

Рита пыталась быть хорошей матерью для обеих малышек, но было ясно: Анечку она любит больше. Кстати, в отличие от русских народных сказок, падчерица не была красавицей. Тоня выросла неуклюжей, с какими-то серыми волосами, Анечка же обладала стройной фигуркой и светлыми локонами; лицом сестры пошли в отца: глаза голубые, носы курносые, бровей почти нет, зато губы пухлые и яркие. Основным капиталом Николая была большая квартира, после его смерти жилплощадь переоформила на себя Рита. Спустя два года мачеха сказала:

– Хоромы у нас большие, да бестолковые, разменять их на три отдельные квартиры трудно.

– А зачем затевать обмен? – изумились девочки.

– Скоро замуж выйдете, и получится тут коммуналка, – вздохнула Рита, – короче, у меня есть идея! Пропишу Тоню в барак, он тут неподалеку находится. Здание скоро пойдет под снос, ей дадут хорошую однушку.

– Не хочу даже день жить в трущобе, – возмутилась Тоня.

– Выезжать отсюда тебе не придется, – успокоила падчерицу мачеха, – только бумаги оформим.

Каким образом Маргарита сумела провернуть аферу, не знал никто, но Тоню прописали в аварийном жилье.

Хибару никак не сносили. Когда умерла Рита, девушки остались вдвоем. Они мирно сосуществовали вместе, пока не выяснили, что живут с одним и тем же мужчиной – Митей. Парень ухитрился спать с сестрами по очереди и каждой предложил руку и сердце. Скандал получился громкий, вместо того чтобы выгнать вон наглого донжуана, родственницы стали его делить. В конце концов Митя выбрал Аню. Злые языки поговаривали, что жениха привлекла просторная квартира, в которой была прописана младшая Ковалева. Сыграли свадьбу, и молодая семья зажила счастливо. Куда подевалась Тоня, никто не знал, но Коробков легко выяснил ее судьбу.

Антонина переехала по месту прописки в барак, через год его наконец-то снесли, девушке дали квартиру, спустя еще некоторое время Тоня вышла замуж и родила дочь.

– Пока ничего особенного, – заметил Чеслав, – как в свое время сказал классик, квартирный вопрос москвичей здорово испортил.

Я подперла щеку рукой.

– Справедливое замечание. Но слушай дальше! У Ани не получалось забеременеть, а Тоня родила Яну, правда, малышка была не совсем здорова, она страдала довольно редким заболеванием, которое Тоня называла аллергией. Но на самом деле это был генетический сбой, который передается по наследству.

Вся жизнь Антонины теперь была подчинена Яне. Из-за дочери мать не хотела делать карьеру, она боялась доверить ребенка няньке. Чтобы Яночка ощущала себя принцессой, Тоня набрала кредитов, и лекарство для своей кровиночки мать приобрела самое дорогое. При этом надо учесть, что Никита тоже очень хорошо относился к малышке, но безумного поведения супруги не одобрял. Впрочем, муж не догадывался о количестве денег, которые жена тратила на ребенка, Тоня искусно обманывала супруга. Коробкову удалось выяснить, что врала она не только о тратах.

Я перевела дух, Чеслав склонил голову к плечу.

– Продолжай.

– У Мити, мужа Ани, в свое время была сестра, она умерла в юном возрасте от той же болезни, которой страдает Яна.

– Хочешь сказать, что отец Яны не Никита? – Удивился начальник.

– Биологически нет, – кивнула я. – Яна унаследовала «кривую» генетику Ковалевых, как и ее тетка.

– Я плохо понимаю, о чем ты, – нахмурился Чеслав.

Я ощутила себя великим детективом.

– Ну смотри! Никита зарабатывает средне, в семье есть недостаток, но Лагутины не шикуют. Зато Митя ухитрился основать собственное дело и стал богат, у него есть все, кроме ребенка, Аня так и не смогла родить. Тоня по-прежнему любит Митю, но он достался Анечке. Ох, не зря Антонина не сразу выскочила

замуж! После ссоры с сестрой она жила пару лет одна. Думаю, Митя и Тоня продолжали встречаться, потом Тонечка забеременела и быстренько стала госпожой Лагутиной.

– Стоп! – Чеслав поднял вверх руку. – Если Митя мечтал о наследнике, почему он не развелся с Аней и не женился на своей любовнице?

Я усмехнулась:

– Когда Тоня поняла, что ей предстоит стать матерью, Митя был скромным сотрудником загнивающей конторы, а Никита подавал надежды, строил бизнес. Девушка произвела элементарные расчеты и приняла обручальное кольцо от более денежного мужика! Кто же думал, что Митя за два года стремительно разбогатеет.

– Хороша любовь, – протянул начальник.

Я развела руками:

– Каждому свое. Тоня понимала, кто отец Яны, думаю, болезнь девочки не оставила никаких сомнений в этом. Представляешь, как ей было обидно? Никита не оправдал ее надежд, зато Митя разбогател! Тоня в долгах, а вот Аня получила все, вечно ей везет! Думаю, Антонина встретила с любовником и рассказала ему о дочери. Они задумали инсценировать похищение Яны и самоубийство несчастной матери. Думаю, Тоня часто водила дочь в парк и знала, что возница подслеповат. Митя купил себе такую же куртку, как у Никиты, и затаился в том месте, где повозка сворачивает и пропадает с глаз родителей. Когда пони зарулил за деревья, Митя схватил Яну и убежал. Где он спрятал девочку, я не знаю, как не знаю и то, каким образом он заманил на строительство небоскреба Аню. Может, наврал жене, что хочет купить там квартиру?

– И он не побоялся, что девочка станет сопротивляться? – усомнился Чеслав.

– Яна отбивалась, – пояснила я, – но возникший решил, что девочка просто не желает прерывать катание. Повторяю: он плохо видит, а Митя оделся как Никита.

Дальше просто, Митя толкает Анну вниз, кладет в ее сумочку прощальное письмо, написанное Тоней, спускается, уродует лицо супруги и кладет рядом с трупом ридикюль. Это было его ошибкой. У меня сразу возник вопрос: неужели женщина, решившаяся на самоубийство, возьмет с собой сумку, да еще с полным набором косметики, мобильным телефоном и прочей ерундой?

Но милиция, услышав об обстоятельствах дела, сразу сочла происшедшее суицидом. Тоня и Аня похожи, у них, правда, разный цвет волос, но старшая сестра за месяц до своей «смерти» превратилась в блондинку. Никита находился в таком состоянии, что опознал изуродованное тело, почти не глядя на останки, он отлично знал почерк жены и подтвердил, что предсмертное послание написала она. Все. Антонину похоронили, Яна пропала, так же как исчезли десятки детей в этой стране. Митя и его «жена» съехали с городской квартиры.

– Почему бы ему просто не развестись? – вздохнул Чеслав. – Зачем убивать Аню?

– Жадность, – ответила я, – при расторжении брака делится совместно нажитое имущество, а Митя разбогател, будучи официальным мужем Анны, ему пришлось бы отдать ей пятьдесят процентов всего. Думаю, младшая сестра, узнав о том, что старшая будет женой Мити, приложила бы все усилия, чтобы сделать жизнь этой парочки ужасной. Уничтожить Аню показалось Мите выходом из ситуации. И ведь ему с Тоней удалось осуществить задуманное, вот только последняя сделала пару ошибок.

– Каких? – живо поинтересовался Чеслав.

Я сказала:

– Никита, которого в предсмертном письме жена обвинила и в своем самоубийстве, и в похищении Яны, очень переживал и в конце концов покончил с собой. Именно поэтому я и очутилась в их квартире и увидела лекарство в аптечке. Заказывая для дочери очередную партию «Зоротина», Тоня машинально сказала диспетчеру фирмы «Ам»: «Все как обычно!»

Заказ доставили к Никите. Тот взял пилюли и поставил в аптечку. Почему он так поступил? Отчего не задал вопросов курьеру? Ну, во-первых, таблетками всегда занималась Тоня, Никита не знал координат фирмы, а во-вторых, ему было так плохо морально, что сил ни на какие выяснения не осталось. Меня удивила дата производства «Зоротина». Потом в квартиру влез бомж, который украл таблетки из аптечки, весьма странное преступление. И откуда вор взял ключи? Дверь в квартиру была аккуратно открыта, а не взломана. А вот если предположить, что Тоня наняла грабителя, тогда становится понятно, где бродяга нашел ключики. Но самое главное туфли!

– Что? – не понял Чеслав.

– В квартире Тони под вешалкой стояли женские ботиночки, каблуки которых имели характерную особенность, они были стоптаны с внутренней стороны. А лифтерша, рассказывая об отъезде Ани, упомянула о выброшенных ею туфлях. Старухе обувь показалась хорошей, она забрала ее себе и похвасталась передо мной своей удачей. Каблуки у лодочек оказались некрасиво стоптаны с внутренней

стороны, как ботиночки Тони. А ведь походка каждого человека индивидуальна. Понимаешь?

– Туфли и таблетки, – кивнул Чеслав, – ты умеешь обращать внимание на мелочи. Хорошо, позвоню кое-кому, чтобы занялись этим делом. А ты приступай к работе, хватит филонить, твоя простуда прошла.

Я вышла из кабинета начальника. Можете мне не верить, но повсюду всегда ждет человека, который совершил преступление. Вопрос лишь во времени: через месяц, год, десять лет кто-нибудь непременно наткнется на стоптанные туфли, и тайна выйдет наружу.

Дарья Калинина

Летний дворец

Солнечные лучи заливали пол городской квартиры, где на нежном шелковом ковре, привезенном из Турции, устроились две девушки. Они с интересом разглядывали карту области и, время от времени тыча в нее пальцем, шумно спорили друг с другом.

- Не хочу сюда, тут болото. А на болоте всегда комары!
- Не хочу туда. Это же глухомань! Там даже дискотеки приличной нету.
- Не хочу сюда, тут нету озера.
- Не хочу, там на много километров вокруг нет никакого снабжения. Где я возьму свежие продукты?
- Здесь нет хороших дорог. Если сломается машина, как мы с детьми доберемся назад в город?

Звали девушек Варя и Тата. И были они родными сестрами. Варвара и Наташа Казарины. Так уж получилось, что все семейство Казариных было представлено исключительно женским полом. Главой семьи – его матриархом являлась бабушка Александра Сигизмундовна. Второе, и тоже очень почетное, место занимала ее дочь и мать обеих сестер – Евгения Сергеевна. Третье место делили между собой сестры. И заключали список самые младшенькие – две близняшки, Света и Анютка, – дочери Вари.

У Таты детей пока не было. Но это не значило, что она их не хотела. Младших в семье любили все. И баловали их просто безбожно. Девчонки получали все самое лучшее, свежее, рыночное и экологически чистое. Благо семья могла себе это позволить. Женщины в средствах не нуждались. И благодаря Евгении Сергеевне, владевшей сетью аптек, никаких финансовых трудностей семья уже давно не испытывала.

Вот и этой весной во время семейного завтрака на просторной кухне, обставленной дорогой итальянской мебелью из цельного ореха, бабушка решительно заявила:

- Детям нужен свежий воздух!

Ее фраза повисла в воздухе, потому что перед этим речь шла о том, как лучше вывести пятна со старинной скатерти, которую маленькая Анютка художественно украсила отпечатками своих лапок, вымазанных в черносмординовом варенье.

- Воздух? – пробормотала Евгения Сергеевна. – Мама, что ты имеешь в виду?
- Свежий воздух! И много солнца! Летом детям нужна дача!

С бабушкой в семье никогда не спорили. Во-первых, дело зряшное, переспорить старуху еще ни у кого из ее потомков не получалось. А во-вторых, бабушка в результате всегда оказывалась права. Вот и в этот раз она сказала чистую правду. Летом детям нужен свежий воздух, много солнца и ягоды с грядок. А где такое получишь? Только на даче.

- Снимать не будем, – опять же решила бабушка. – Не хочу спать на чужих кроватях! Купим свою. Евгения, надеюсь, финансово мы это потянем?
- Разумеется.

- Вот и отлично. Подбором вариантов займутся девочки.

Под девочками бабушка подразумевала Наташу и Варвару. Младшим девочкам было всего по три годика. Так что они в дачах еще ничего не понимали. И умели лишь радоваться той легкой и беззаботной жизни, которую организовали для них старшие женщины.

Покупка летней фазенды дело далеко не простое, а очень хлопотное и суетливое. И Варя с Наташей отлично это понимали. Во-первых, нужно определиться с местом, где будет находиться ваше будущее приобретение. Во-вторых, выяснить, подходит ли вам сам дом. И наконец, третье, но далеко не самое последнее, – это оформление всевозможных бумаг и документов. А как вы хотели? В цивилизованном мире без бумажки ты кто? Правильно, никто и даже меньше того.

Поэтому, чтобы не стать жертвой обмана, сестры обратились в риелторскую контору, специализирующуюся на продаже загородной недвижимости.

- Вы уже выбрали направление? – первым делом спросили у них.
- Мы бы хотели у воды, – робко заикнулась Варя.
- Только Карельский перешеек и только на заливе! – более конкретно объявила Тата. – И не вздумайте предлагать нам места ниже дамбы. Не хотим плескаться в собственных испражнениях.

– Ну зачем вы так, – смутился риелтор – довольно привлекательный дяденька лет тридцати с небольшим.

- Тата даже прикинула, не положить ли на него глаз. Да, можно положить. И уже более требовательно,

так сказать, с основанием она высказала агенту следующие свои претензии:

– Не дальше семидесяти километров от города. Чистый песчаный пляж с дюнами не более чем в пятистах метрах от дома. Сам дом пусть находится где-нибудь в районе Зеленогорска, чтобы можно было по вечерам не сидеть у своих грядок, а культурно развлекаться.

– Ну и запросики у вас! – поразился Альберт Юрьевич – их риелтор. – Вы хотя бы примерно представляете, сколько стоит земля в тех краях?

– Представляем. Но мы же не требуем огромный участок. Нас вполне устроят соток десять. И дом не нужно огромный. Четыре-пять обустроенных комнат, кухня, ванная с туалетом – вот и все, что нам нужно.

– Значит, и вода с туалетом должны быть в доме?

– А как же иначе? – удивилась в ответ Тата, которая родилась поздней Варвары и не застала период голодного существования семьи.

Когда-то, оставшись без мужчин-кормильцев, семья Казариных очень бедствовала. Но тогда Тата была слишком маленькой, чтобы помнить, как ее мама не имела возможности купить только-только появившиеся в стране подгузники. И пеленала дочь в обычные марлевые, промокающие почти мгновенно. Но очень быстро Евгении Сергеевне это надоело, и она задумалась о том, что же изменить в своей жизни. А задумавшись, открыла небольшой аптечный киоск, благо сама по образованию была торговым работником, а ее мама – тогда еще вполне дееспособная Александра Сигизмундовна – фармацевтом.

В результате все сложилось наилучшим образом. Бабушка сидела в ларьке. Мама добывала товар, бегая савраской по складам и закупочным базам. А Варя досталось заботиться о младшей сестренке. Но к тому времени, когда Тата пошла в школу, ларек уже превратился в две приносящие стабильный доход аптеки. А со временем их число увеличилось еще в несколько раз, увеличив соответственно и доход семьи. Вокруг стали появляться обеспеченные и даже богатые люди. Так что Тата просто не представляла себе, как это может быть, чтобы не было воды в дачном доме или туалет находился на улице.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением протянул Альберт. – На вашу сумму в районе Финского залива у Зеленогорска вы сможете приобрести разве что курятник.

После просветительной беседы с матерью сумма на покупку дачного домика была увеличена. И Альберт начал предлагать свои варианты. Но все равно, на взгляд Таты, это были курятники.

– Не могут же мои племянницы жить в деревянной хибаре, у которой фундамент уже просел. И крыша течет. Покажите нам что-то другое.

Варя была настроена более реалистично.

– Крышу можно починить. Фундамент поправить. Зато место какое чудесное. Посмотри, стоит перейти дорогу, как мы оказываемся на заливе.

– Тогда лучше купить голый участок и построить там новый дом!

Но такие участки были на вес золота. И в конце концов сестры остановили свой выбор на небольшом, но еще довольно крепком домике.

– Один сезон поживем в нем. А за это время построим себе на свободном месте приличный дом из камня. А этот деревянный превратим в гостевой.

Альберт всюду мотался вместе с сестрами. Кажется, чары Таты на него подействовали. Во всяком случае, он стал появляться у них дома, прикладываться к морщинистой ручке бабушки и дарить Евгении Сергеевне букеты цветов и коробочки с хорошими шоколадными конфетами. Одним словом, Альберт имел в отношении Таты самые серьезные намерения, что не укрылось от зорких глаз Александры Сигизмундовны.

– Ох, Татка, все бы тебе хвостом вертеть. Поверь мне на слово, нужно хватать поклонника, пока молодая!

– Почему, бабушка?

– Мимо тебя пройдет, жалеть будешь. А парень он положительный. Мне он нравится. Выходи за него замуж, а то потом поздно будет.

Быть может, в словах Александры Сигизмундовны и была своя правда. Но самолюбивая Тата признавать ее упорно отказывалась. Как же так? Ведь она такая молодая и красивая! Не может Альберт вдруг взять и исчезнуть. Он по ней сохнет!

Варвара в эту любовную историю не вмешивалась, хотя Альберт ей, честно говоря, не слишком нравился. Было в нем что-то такое неуловимо скользкое, что заставляло Варю думать: не любит Альберт ее сестру.

А между тем он стал появляться у них дома все чаще и чаще. И очень скоро превратился почти что в друга семьи. Ну, если и не в друга, то уж точно в очень хорошего знакомого. Сделка с покупкой дачного домика была давно и успешно совершена, дача перешла в собственность семьи Казариных, казалось бы,

надобность в Альберте отпала. Но он никуда не исчезал. И продолжал свое несколько затянувшееся ухаживание за Татой.

– А ведь мы скоро станем с вами соседями, – как-то невзначай обронил он.

Девушки тогда не обратили никакого внимания на это высказывание. И вдруг через пару дней июльским солнечным утром Альберт позвонил Тате на трубку и сказал:

– Заеду за тобой через десять минут. Будь готова. Повезу показывать свой новый особняк.

– Особняк? – лениво переспросила Тата, которая как раз в этот момент сидела на их старомодной веранде и подсчитывала, сколько цветных стеклышек не хватает в разошедшихся рамках. – Какой еще особняк?

– Всего в паре километров от вас. Знаешь поселок «Тихие зори»?

– М-да, – произнесла Тата, чувствуя, как в ней зарождается нечто похожее на интерес. – Конечно, знаю.

– Вот туда и поедем.

Альберт повесил трубку. А Тата, забыв про все свои планы на сегодняшний день – загар, водные процедуры и тому подобное, – помчалась со всех ног к старшей сестре. Варвара купала своих дочек в надувном бассейне и тоже удивилась:

– Ты все поняла верно? Может быть, не расслышала название? Может быть, «Яркие зори»?

– А такие тут есть?

– Не знаю.

– Так чего тогда придумываешь! – обозлилась Тата.

– Но «Тихие зори» – это страшно дорогой поселок. Ты же видела, там каждый домик как маленький замок. Одни ажурные решетки стоят дороже, чем вся наша хибара вместе с участком.

– Знаю! – возбужденно шагая взад и вперед, произнесла Тата. – Не глупей тебя!

– И как, по-твоему, работяга Альберт мог приобрести себе там дом?

– Не знаю.

Но по голосу сестры Варвара поняла, что та обязательно поедет с Альбертом и все выяснит.

– Я тоже с тобой поеду! Что ты так на меня смотришь? Мне тоже любопытно, что все это означает.

Своих близняшек Варя сбагрила бабушке, у которой сегодня как раз был выходной, и она страшно обрадовалась возможности провести его с обожаемыми внуками. А обе девушки в нетерпении приплясывали возле ворот, ожидая условного гудка машины Альберта.

Всю дорогу Альберт хранил загадочное молчание. И честное слово, если бы дорога была хоть самую малость длинней, сестры бы просто скончались от любопытства.

– Шикарно живут люди, – вырвалось у Вари, когда они оказались у массивных ворот коттеджного поселка.

О том, что поселок действительно высший класс, говорило уже то, что он был со всех сторон обнесен массивной кирпичной стеной, украшенной по верху красивой ажурной решеткой. Из-за стены были видны только крыши и флюгера домов. Но и они производили неизгладимое впечатление на слабые женские умы.

– Странно, что у ворот ежеминутно не караулят свое счастье молодые и незамужние девушки. Тут же живут одни миллионеры!

– Караулили, – кивнул Альберт. – Но охрана быстро положила конец этому безобразию. Теперь в поселок могут войти только те, кто тут живет, или их гости.

Чувствовалось, что Альберта прямо распирает от гордости за самого себя. Но он крепился и молчал. На входе он показал охраннику какую-то бумажку вроде пропуска, и они очутились в запретном раю.

– Потрясающе! Обалдеть! Ну и ну!

Только это и могли произнести сестры, пока Альберт нарочито медленно вел свою весьма потрепанную жизнь и временем «Киа Спортадж» по аллеям поселка. Наконец он остановился у дома, выкрашенного нежно-кремовой краской, и с облицовкой из натурального камня.

К дому вела широкая дорожка, выложенная мрамором. По обе ее стороны стояли чугунные светильники в форме деревьев. А вокруг дома раскинулся чудный цветник, разбитый по всем правилам ландшафтного искусства – изумрудно-зеленый газон украшали пышные яркие пятна многолетников, хвойные, рододендроны и прочие экзотические растения.

Альберт помог сестрам выйти из машины и, горделиво обведя вокруг руками, произнес:

– Вот и мой дом! Ну что? Нравится?

Сестры молчали. О чем тут говорить, когда слов просто нет!

– И этот дом принадлежит тебе? – выдохнула Тата.

– Да!

– Врешь!

– Вы не поверите, со мной случилась потрясающая история. Мне просто феноменально повезло!

И Альберт выложил им действительно невероятную историю. Оказывается, иметь загородный дом было его заветной мечтой с самого детства. Другие мальчики мечтали о машинах, красивых женщинах или новых джинсах, а он мечтал о шикарном загородном доме. Почему-то именно загородный особняк являлся для юного Альберта воплощением респектабельности и солидности, основой будущей роскошной жизни.

– Квартира – это ерунда. А вот дом, да еще в фешенебельном месте, – это внушительно и солидно!

Но Альберт прекрасно понимал, что его доходов вряд ли хватит даже на покупку крохотного сарайчика в курортном районе. Что уж говорить о более монументальном приобретении.

– И тут мне повезло! Сказочно! Невероятно! К нам обратилась наследница одной скончавшейся недавно старушки. И пожелала, чтобы я занялся продажей ее дома.

Дом перешел наследнице от ее бабушки. Находился он на побережье Финского залива, построен был всего пять лет назад, и поэтому Альберт охотно взялся за эту сделку. Каково же было его удивление, когда он прибыл на место и вместо ожидаемого бревенчатого сруба обнаружил настоящий дворец.

– И за все это вы хотите всего сто тысяч долларов? – не веря тому, что все происходит с ним, прошептал парень. – Но ведь это сущие гроши. Дом стоит раз в десять дороже.

Но наследница его словам не вняла. Вообще девица показала Альберту несколько чокнутой. Одетая она была в просторные полотняные штаны, украшенные многочисленными кожаными фенечками и камушками, и безразмерную рубаху с изображением просветленного Будды. На груди и шее красавицы висели многочисленные ожерелья и амулеты. Дополняли наряд также несколько четок и странный колокольчик, которым девушка звонила вокруг себя каждые десять минут.

Вела девица себя соответственно. Постоянно бормотала молитвы на странном наречии, завывала и по дороге в поселок несколько раз впала в медитативное состояние. Одним словом, Альберт понял, что этот цветок жизни к самой жизни совершенно не приспособлен.

– Вы получите гораздо больше, чем просите.

– Да? – равнодушно произнесла девушка. – Но деньги не являются для меня смыслом жизни. Есть они – хорошо. Нет, тоже не беда. Нужно уповать на милость вселенной, и каждый день у тебя будет все, что необходимо для жизни.

Альберт попытался переубедить странную наследницу, но вовремя спохватился. Зачем он это делает? Нужно не переубеждать явно свихнувшуюся на своем Будде девицу, а воспользоваться моментом. Взять да и купить у нее за гроши этот дом!

– Через неделю я уезжаю в Индию, – сообщила Альберту девица. – Хочу, чтобы за это время мы с вами завершили сделку.

– Неделя? Но это же невозможно!

– Мне все равно. Неделя, или я продам дом в другом агентстве.

И Альберт решился. Девица была явно не от мира сего. Так какая разница, где и как ее обманут? Пусть уж лучше это сделает он, чем какие-нибудь конкуренты из другого риелторского агентства.

Альберт побегал по банкам, заложил свою квартиру, влез в долги, но требуемую сумму набрал почти полностью.

– Покупатели предлагают вам девяносто семь тысяч долларов, – произнес он, внутренне содрогаясь при мысли, что девица сейчас пошлет его куда подальше.

Она и так просит за дом копейки. А он еще три тысячи не хочет ей заплатить. Но девушка лишь равнодушно пожала плечами и сказала:

– Согласна. Где и что я должна подписать?

Альберт подсунил ей бумаги. И, не веря еще в то, что сделка свершилась, закрыл глаза. Когда он их открыл, странной девицы уже не было. Деньги тоже исчезли. Но это ничуть не расстроило Альберта. Что деньги! Он стал владельцем шикарного, комфортабельного дома. И если даже он не сможет им владеть, так как это удовольствие не из дешевых, он всегда сумеет его продать во много раз дороже, чем приобрел.

От радости Альберт в одиночестве напился. Почему в одиночестве? Да потому что близких друзей у него не было. С женой он развелся еще в прошлом году. Родители жили отдельно. Так что пил Альберт один. И впервые в жизни он напился и просто вырубился. Снился ему ужасный сон. Его бывшая жена, с которой он расстался не совсем по-дружески, явилась ему во сне и ужасно, издевательски хохотала. Альберт проснулся в холодном поту и сразу же помчался принимать холодный душ.

Но про это он в своем рассказе умолчал. А Тата с Варей ходили по дому разинув рты.

– Да тут целых четыре спальни! Гостиная! Столовая! Библиотека! С книгами! Слушай, а книги она тоже тебе оставила?

– Дом продавался со всей обстановкой, – важно пояснял Альберт, который чуть ли не лопался от

самодовольства.

Когда они осмотрели первый этаж и поднялись на второй, Тата начала мрачнеть.

– Что с тобой? – спросила у нее Варя.

– Да ведь мы с тобой заплатили за свой деревянный клоповник немногим меньше. А разве наш домик можно сравнивать с этим дворцом?

– Мне наш даже больше нравится. Он такой уютный. И мы его уже хорошо обжили. И девочкам там нравится.

– Нравится! – скривилась Тата. – Да что они понимают, малявки! Тут бы им еще больше понравилось! Это же настоящий дворец! Представляешь, как бы все наши друзья отреагировали на такую покупку?

– Не завидуй.

Но Тата завидовала. Завидовала изо всех сил. Ей стоило огромного труда не показывать своих чувств. Но Варя видела, что сестра едва сдерживается, чтобы не наговорить Альберту гадостей. Это или что другое повлияло на последующие события, сказать трудно. Но, бесспорно, Альберт раздувался от гордости слишком рано. Зря он торжествовал. Потому что уже буквально через минуту внизу раздался женский голос, который произнес:

– Это кто же тут орудует в моем доме?

Альберт побагровел и кинулся вниз. В холле стояла пожилая женщина, которую язык как-то не поворачивался назвать старушкой. Хотя лет ей явно было немало, бабуля была одета в спортивный костюм, удобные спортивные же тапочки и держала на сгибе локтя небольшую спортивную сумку. Одним взглядом Тата оценила стоимость экипировки и покраснела. При всех доходах своей мамы она вряд ли смогла бы позволить себе такие вещи.

– Вы кто? – подскочил Альберт к старушке. – Кто вы такая?

– Кто я? Милый мой, лучше скажи мне, кто ты? И почему находишься в моем доме, хотя, помнится, я тебя не приглашала.

– Это мой дом!

– С каких пор? – искренне изумилась пожилая дама. – Дом принадлежит мне.

– Прежняя хозяйка умерла, и я его купил у наследницы.

– Умерла? Нет, уверяю тебя, тут какая-то ошибка. Я – хозяйка этого дома. И я вполне жива и дееспособна. Только что вернулась из путешествия на Мальту. Чудный остров, жаль, что там слишком много стариков. А что тут происходит?

На Альберта было жалко смотреть. Он весь взмок. Пот стекал с него буквально ручьями.

– Покажите документы, – выдохнул он, обращаясь к пришельце.

– С удовольствием. А ты, мой милый, покажи мне свои. Или лучше вызвать охрану?

– Не нужно охраны!

Альберт вытащил документы.

– Вот купчая на дом. Вот мой паспорт. Вот копия завещания. Вот копия свидетельства о смерти. Убедитесь, что все в полном порядке.

Старушка просмотрела документы и покачала головой:

– Все верно.

– Вот видите!

– Все верно за исключением последнего – свидетельства о смерти. Оно явно фальшивое.

– Как фальшивое?

– Посмотрите на меня, молодой человек. Разве я похожа на холодный труп?

– Вы? Нет. Но...

– Вот мой паспорт, – сухо произнесла старушка.

Альберт схватил ее документ и впился глазами. Он рассматривал его долго. Сверил каждую букву и циферку. И наконец вернул паспорт владелице.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Но как же завещание?

– Завещание подлинное. Я действительно планирую оставить все свое имущество внучке. Хотя она у меня и дурочка, ударились в буддизм, но никого другого на всем белом свете у меня нет. Пусть девочка делает с моим имуществом, что захочет, но... но только после моей смерти.

– Смерти?

– Хочет, пусть пустит пепел от денег по ветру над Гангом, хочет, пожертвует их в монастырь или раздаст своим чокнутым друзьям. Мне-то будет уже все равно.

– Боюсь, что мне не все равно. Ваша внучка – аферистка! Она меня обманула! Сказала, что вы мертвы. Показала мне фальшивое свидетельство о смерти. И я купился на подлог!

– Мне очень жаль. Но я-то тут при чем? Весь спрос с внучки. Я пока что жива. И следовательно, тебе, мой милый, лучше покинуть этот дом.

Альберт выглядел так страшно, что сестрам подумалось, как бы он не пристукнул старушенцию. Если бы он находился с ней наедине, возможно, хозяйке дома грозила бы нешуточная опасность. Обманутый в своих надеждах стать домовладельцем, Альберт мог действительно придушить так несвоевременно воскресшую владелицу особняка.

– Господи, ну почему вы не вернулись днем раньше? – простонал несчастный Альберт. – Тогда еще можно было бы все изменить!

– Молодой человек, мне очень жаль, но сейчас вам лучше уйти.

– По документам дом мой!

– По каким документам? Сделка уже прошла регистрацию?

– Что?

– У вас на руках только заверенная у нотариуса купчая. А она без свидетельства о государственной регистрации не больше чем просто красивая бумажка. Вы же сам риелтор. Вы должны это понимать лучше остальных.

Альберт выглядел ужасно. Пошатываясь, он направился к выходу.

– Катастрофа! – шептал он побелевшими губами. – Я разорен! Мне конец! Я никогда не смогу отдать долги. Придется продать квартиру. Столько усилий, и все напрасно!

Сестры поспешили за ним следом. Как бы они ни относились к Альберту, оставить его в данной ситуации одного и позволить сестре за руль значило погубить парня. Так что за руль села Тата. А Варя усадила ничего не понимающего и находящегося в состоянии шока Альберта на заднее сиденье.

– Все в порядке, – пыталась она успокоить парня. – Это всего лишь деньги. Подашь в суд. Тебе их вернут.

– Кто? Эта буддистка? Да она их уже профукала!

– Может быть, все не так страшно. Не переживай.

Доставив пошатывающегося от горя Альберта к себе на дачу, сестры поручили его заботам своей бабушки, которая, как уже говорилось, была фармацевтом и хорошо разбиралась, когда и какую таблетку человеку дать. Вот и сейчас она сунула Альберту пару каких-то крохотных белых пилюль, после приема которых несчастный затих, а потом, засопев носом, заснул.

Убедившись, что в ближайшее время Альберту ничто неприятное больше не грозит, сестры пошли на лужайку, подальше от работающей бетономешалки. У них на участке вовсе шло строительство нового дома, который должен быть просторным и обязательно (требование Таты) с туалетом внутри.

– Не нравится мне эта история, – задумчиво произнесла Варя, устроившись в гамаке между старыми соснами.

– А мне, думаешь, нравится? Бедный Альберт. Вот это называется попал так попал!

– Я о другом.

– О чем же?

– Больно уж своевременно появилась старуха. Альберт еще не успел толком осознать себя владельцем дома, а она уже тут как тут.

– Так совпало.

– Ах, совпало! А ты скажи, откуда эта старушенция узнала, что наш Альберт по профессии риелтор? А?

– А ведь верно! – Тата разинула от удивления рот. – Откуда?

– То-то и оно. Что-то тут одно с другим не связывается.

– И что ты предлагаешь?

– Нужно помочь Альберту.

– Но как?

– Выяснить, что произошло на самом деле.

– Так, а что тут выяснять? Альберта кинули. И сделала это внучка старушенции.

– Вот это нам и нужно выяснить, – спокойно кивнула Варя и спросила: – Ты запомнила данные внучки?

– Да. Елистратова Татьяна Владимировна.

– Интересно.

– Что?

– А старушку зовут Серова Владлена Ивановна. Фамилии у бабушки и внучки разные.

– Такое сплошь и рядом случается.

– М-м-м... Тащи сюда мой ноутбук. Сейчас посмотрим, что это за Серова такая. Выглядит она не совсем обычно.

Тата смоталась в дом и вернулась обратно, держа под мышкой плоскую серебристую коробку с логотипом – откусанным яблочком на лицевой стороне. Потом сестры поехали в ближайший «Макдоналдс» и устроились со своим компьютером за угловым столиком, где не могли никому помешать.

– Так, посмотрим, – забормотала Варя, пальцы которой лихорадочно летали над клавиатурой. – Что у нас есть на бабушку? Ого!

– Что?

– А старушка-то личность известная. Она вдова театрального режиссера и сама бывшая актриса. В Интернете про нее полно всякой информации.

– А про ее внучку?

Пальцы Вари снова забегали по клавишам.

– Странно. Про внучку ни слова. Тут сказано, что Серова одинока. И все свое имущество завещала Фонду культуры.

– Что? – поразились Тата. – Как нет внучки? Как Фонду культуры! А как же Альберт?

– Боюсь, ему ничего не обломится. Фонд культуры – государственная структура. А я лично не встречала еще ни одного человека, которому бы удалось отщипнуть у государства его кусочек и уйти при этом от наказания.

– М-да, это не тот случай. Выходит, Альбертику ничего не обломится? Ты уверена?

Варе показалось, что в голосе сестры прозвучало удовлетворение. И Тата подтвердила ее подозрения:

– Так ему и надо! Не будет выпендриваться!

– Как тебе не стыдно?! – поразились Варя. – Ведь это же твой друг.

– Ну и что? Не муж ведь. Если бы мы были мужем и женой и имущество у нас было общее, тогда бы я и волновалась. А так чего мне заморачиваться?

– Все равно мы должны ему помочь. Ага, вот я нашла адрес городской квартиры Серовой.

– У нее есть квартира еще и в городе?

– А ты думала, она круглый год живет на заливе?

– Если бы у меня был такой дом, как у этой бабули, я бы в нем жила постоянно, – призналась Тата.

Вместо ответа Варя встала и, захлопнув ноутбук, скомандовала:

– Поехали!

– Куда?

– Посмотрим, как живет Серова. Глядишь, и внучку ее самозваную обнаружим.

– А я думаю, что девчонка даже не знакома с нашей бабулей.

– Я так не думаю, – покачала головой Варя. – Девчонка хорошо знает Серову. И сама бабуля очень даже в курсе того, что у нее есть внученька.

– Но с чего ты взяла?

– В Интернете написано, что Серова – одинока. Но когда Альберт заикнулся про внучку, старуха подтвердила его слова. Если бы девчонка действовала на свой страх и риск, то бабуля должна была насторожиться. Что за внучка такая? Откуда у нее документы? Где еще она может ей насолить?

– Действительно, – пробормотала Тата. – Когда ты мне все объяснила, я и сама вижу, что поведение старухи более чем подозрительно.

Вдова известного режиссера жила в элитном старинном доме из серого гранита. Окна ее квартиры выходили на Неву и Петропавловскую крепость. И сразу стало понятно, что просто так в этот дом не проникнешь.

– Консьерж тут зверь, – поделилась Варя с сестрой своими наблюдениями. – Я только сунулась, а он сразу зарычал. И к Серовой не пропустил. Заявил, что ее нет дома.

– И все равно мы должны ее дождаться и поговорить с ней.

Серова появилась только ближе к вечеру. За это время сестры, сменяя друг друга, успели пообедать в ближайшем кафе, сбежать в косметический магазин, купить тушь для глаз (Варя) и даже сделать прическу (Тата). Серова выглядела торжествующе, как и полагается выигравшей победительнице. Она вышла из шикарного «Мерседеса» и небрежно кивнула сидящему за рулем шоферу:

– На сегодня все, голубчик. Завтра в то же самое время.

Сестры дождались, когда машина отъедет, и предстали перед Серовой. Нельзя сказать, что она им сильно обрадовалась. Но и гнать их тоже не стала.

– Вы ведь те самые девочки, которые были сегодня в моем загородном доме? – близоруко прищурившись, спросила она. – Верно?

– Мы самые. Но насчет того, что дом – ваш... Альберт ведь заплатил за него деньги.

- Но не мне.
- Он заплатил их человеку, который действовал от вашего лица.
- Ничего не знаю! – отрезала вдова. – И вообще, не гонялся бы ты, поп, за дешевизной.
- Что?

– Ваш Альберт должен был понять, что подозрительно низкая цена не возникает на пустом месте. Наверняка с домом что-то не так. Но он польстился на сыр в мышеловке, за что и поплатился.

В принципе Серова подругам даже нравилась. Сразу было видно, что она чужда всяким снобистским выходкам и человек не вредный. Но откуда же тогда такая неприязнь к Альберту? Быть может, когда-то раньше их пути пересекались и он чем-то не угодил старухе? Нет! Альберт ни за что не забыл бы такую встречу. С его-то стремлением проникнуть в высшее общество ни за что бы не забыл!

– Знаете, девочки, вы обе мне симпатичны, – внезапно произнесла Серова. – И я хочу вас спросить, вы как-то задействованы в этой афере?

- Что?
- Ну, предположим, вы одолжили денег Альберту.
- Ничего мы ему не одалживали, – возмутилась Тата при одной только мысли о подобной ситуации.

Вот еще! Одалживать деньги мужчинам! Не дождетесь! Пусть они дарят ей подарки и вообще стараются изо всех сил угодить ей. А она еще посмотрит, кому из них подарит свою благосклонность, а кому укажет на дверь.

- Значит, вы хотите разобраться в этой истории из простого человеколюбия?
- Ну да.

Некоторое время Серова смотрела на сестер, потом вздохнула и сделала попытку пройти мимо.

– К сожалению, я ничем не могу вам помочь.

– А я думаю, можете! – заслонила ей дорогу Варя. – У вас ведь нету внучки! Почему же вы сказали Альберту, что она у вас есть?

Серова явно смутилась.

– Глупости. Я ничего подобного ему не говорила, – сказала она наконец. – И у меня есть внучка. Не родная. Крестная.

– Как это крестная? Как может быть крестной внучка?

– Ну так. Дочь моей лучшей подруги родила девочку, и я была ее крестной матерью. А потом у этой девочки родилась дочка. И кем я ей прихожусь? Вот и получается, что крестной бабушкой.

Сестры переглянулись. Ох, что-то тут не складывается.

– Можно получить адрес вашей крестной внучки?

– Спросите у Альберта, – отрезала Серова. – И еще... Мой вам совет на будущее, девочки. Прежде чем заступаться за человека, узнайте хорошенько, достоин ли он вашей заботы!

И с этими словами Серова решительно отодвинула в сторону Варю и зашагала в направлении своего дома. Походка у нее была упругая и совсем не старческая. И сразу было понятно, что Серова, несмотря на свой преклонный возраст, еще совсем не дряхлый человек.

Так называемая крестная внучка Серовой проживала в типовой пятиэтажке. Ее адрес сестрам продиктовала Александра Сигизмундовна, порывшись в бумагах Альберта. Сам пострадавший все еще спал, одурманенный лекарством.

– Ты его не уморишь? – опасливо поинтересовалась у бабушки Тата. – Все-таки это как-то не очень естественно, спать с полудня и до заката.

– В его положении, уж ты мне поверь, это самое лучшее.

Как сестры и ожидали, никакой Елистратовой Татьяны по указанному адресу они не обнаружили. То есть упомянутая особа проживала в нужной квартире, но... но не в настоящий момент.

– Улетела она, – пояснила сестрам вышедшая на шум молодая женщина в ярком сари. – Прямо вчера вечером и улетела.

– Куда?

– Сначала в Дели, оттуда в Катманду, а оттуда в Шамбалу.

– Куда?

– Это мифическая страна в Гималаях.

– Мы знаем, где это. Но как туда можно попасть? Ее же, этой страны, на самом деле не существует.

– Так думают непосвященные. Но проход туда открывается тому, кто приглашен.

– А Татьяну пригласили?

– Она прошла первую ступень. Вчера она сделала свой последний благородный и хороший поступок из

семи необходимых для получения приглашения. И вчера же улетела.

– И вы в это верите?

– Все сложилось одно к одному. У Тани появились деньги на дорогу. Билет до Дели словно только ее и дождался. Рейс подходил по времени. Были и другие знаки.

– Какие, например?

– Атлас.

– Атлас?

– Да. Он раскрылся прямо на страничке с полуостровом Индостан. Таня сразу так и сказала: это знак. И все у нее получилось.

– Что получилось? – хмуро произнесла Варя. – Вы хоть знаете, что ваша Таня – мошенница? Она обманула человека, подделала документы, сфабриковала фальшивое свидетельство о смерти. И все ради чего?

– Ради чего?

– Ради того, чтобы обмануть одного бедолагу и кинуть его на сто тысяч долларов!

Но тетка в сари отказалась этому верить.

– Таня не смогла бы такое сделать. Я знаю ее много лет. Мы живем единой общиной. И я вам скажу, что такого светлого человека, как Таня, я прежде не встречала. И я верю, что Великие Учителя позвали ее в свою страну.

– Ага! – язвительно кивнула Тата. – С ворованой сотней тысяч долларов в кармане вашу Таню еще и не туда позовут!

Не прощаясь, сестры повернулись и пошли по лестнице вниз. Но выйти из дома они не успели. Только спустились на один этаж, как наверху хлопнула дверь. Это ушла обратно в квартиру женщина в сари. И сразу же возле сестер открылась другая дверь. И из-за нее показался любопытный глаз, а за ним нос и все остальное.

– Эй, это вы тут про Таньку расспрашивали? – поинтересовалась у подруг остроглазая девчонка лет четырнадцати. – Вам она для чего нужна?

– По делу.

– А правда, что Танька сто тыщ долларов хапнула и смылась?

– Правда.

– Во жесть! – поразилась девчонка. – А прикидывалась-то! Блаженная! Зимой босиком по улицам ходила!

– Прямо босиком?

– Ну так! Чокнутая! Все они там такие подобралась. Мяса не едят. Рыбы не едят. Только траву жуют да молоко пьют. И молитвы свои бубнят с утра до вечера. Они мне никогда не нравились. Но чтобы сто тыщ хапнуть, такого я про них и подумать не могла! Думала, просто дурочки убогие. А они вон чего удумали!

Сестрам не хотелось болтать с досужей сплетницей, и они повернулись, чтобы уйти.

– Эй! – услышали они. – А хотите, я вам кой-чего скажу?

– Чего?

– Насчет вашей Таньки. Я ведь знаю, кто ее подговорил.

– Ты?

– Откуда?

– Оттуда. От верблюда! Хотите послушать?

Сестры переглянулись и дружно кивнули:

– Хотим!

– А я тоже много чего хочу. Коньки, например.

– Коньки?

– Коньки, коньки! – подтвердила девчонка, энергично трясая головой.

– Зачем тебе коньки? – удивилась в ответ Варя. – Сейчас же лето. Хочешь надувной круг, чтобы плавать?

– Засунь его себе в задницу, – беззлобно посоветовала ей девчонка. – А коньки я хочу роликовые. Ясно вам?

Куда уж ясней! Девчонка себе на уме. И не собирается расставаться с нужной им информацией просто так.

– И сколько? – вздохнула Варя. – Сколько стоят твои ролики?

– Ну... Если хорошие, то и тыщ шесть потянуть могут.

– Давай сойдемся на полсотни тысяч рублей? – предложила ей Варя. – Уверена, что за эти деньги ты

купишь не только ролики, но и наколенники, и по минимуму остальной комплект.

Девчонка что-то мысленно прикинула и кивнула:

– Хорошо. Только деньги вперед!

– А стоит ли твоя тайна столько?

– Ну, смотрите сами. Только я ведь и номер машины той тетки назвать могу!

Это было уже серьезно. И тянуло не на полторы тысячи, а даже повыше. Варя покопалась в кошельке, достала оттуда тысячу, а вторую зажала в руке.

– Получишь, когда все расскажешь.

Девочка кинула недоверчивый взгляд на деньги, словно сомневаясь, что они ей достанутся, потом вздохнула и начала рассказывать. Несколько недель назад, может быть, месяц, а может, больше, она вышла из квартиры, чтобы покурить. Дома она не курит, боится родителей. Поэтому и в тот раз она поднялась на целых два пролета, где на лестничной клетке стояла баночка с окурками и собирались курильщики.

Но в этот раз Лене, так звали девочку, не удалось насладиться ментоловыми сигаретами, потому что за дверью, где жили кришнаиты, раздались громкие стоны и рыдания. Лена моментально наострила уши. Вообще-то кришнаиты жили очень мирно. Скандалов у них вовсе не случалось. И вдруг кто-то громко ревет и воет!

Лена подошла поближе и отчетливо услышала, как незнакомый женский голос произнес:

– И теперь мне только и осталось, что лезть в петлю!

– Не говори так! – послышался голос Тани. – Не укорачивай свою жизнь. Она дана тебе Высшим разумом, и не тебе решать, когда и как ты умрешь.

– Какой же он негодяй! Просто в голове не укладывается! Тебе хорошо говорить! Сидишь себе, мантры свои бубнишь! А мне что делать?

– Хочешь, садись со мной, – миролюбиво предложила гостье Татьяна. – Бубни мантры. Места всем хватит.

Но другая женщина не хотела. И зарыдала еще горше:

– Прости меня! Прости, Танюшка. Сама не знаю, что говорю. От горя совсем помешалась. Свою ближайшую подругу обидела! Прости!

– Я все понимаю. И обиды на тебя не держу. Но ты не права, что так убиваешься. Любому горю можно помочь.

– Только не моему! Самая дешевая хрущевка нынче стоит не меньше ста тысяч долларов. А где ты найдешь доброту, который даст мне сто тысяч?

Татьяна замолчала, а потом внезапно произнесла:

– Кажется, я знаю такого человека.

– Кто это? Мужчина? Богатый? Хочешь пристроить меня к нему любовницей? Сразу предупреждаю, не вариант. Я уже пробовала. Одну меня берут охотно, но вот с Лешенькой... Тут уж, подруга, как говорится, извини-подвинься.

– Это не мужчина. Женщина. Я ее знаю очень давно. И я уверена, она согласится нам помочь.

– А кто она?

– Я тебе про нее рассказывала. Бывшая актриса, вдова.

– А... Серова. Да, что-то такое помню.

– Вот она нам и поможет.

– Она же старая!

– Актриса – это такое ремесло, которое возраста не знает. Вот послушай, что я придумала.

После этого голоса стали тише, и Лене не удалось больше ничего подслушать. Она докурила сигарету, а потом пошла к себе. Дома было скучно. И девушка вышла на маленький балкон, чтобы полить петунии, посаженные бабушкой.

Сверху она увидела, как из подъезда вышла незнакомая молодая женщина, подняла голову и помахала кому-то, кто стоял на балконе выше Лены.

– А выше меня живут только кришнаиты, – многозначительно закончила девчонка. – Сечете?

– Сечем. Номер машины запомнила?

– Машина была красная. Не новая. «Мазда-323». Девяностых годов выпуска.

– Такие еще ездят?

– У моего парня была такая же. Развалюха, конечно, но гонял он на ней просто офигительно!

– А номер?

И вот тут Варя сделала ошибку. Расслабилась в ожидании информации. А девчонка, воспользовавшись этим, ловким движением выхватила из рук у Вари деньги и, отпрыгнув назад, мгновенно захлопнула перед

сестрами дверь квартиры.

– Эй! Ты что! Скажи нам номер!

– Номер я не знаю, – послышался приглушенный створкой голос. – Дверца со стороны водителя была мятая, это я помню. А номер не смотрела. Извините!

И послышался звук второй закрываемой двери.

– Ну, что с ней поделаешь! – всплеснула руками Варя.

– Денежки-то тю-тю!

– Ладно, одно утешение, что она купит себе на эти деньги не бухло или сигареты, а ролики.

– Нам-то что? Нам нужен номер красной «Мазды».

– Во всем надо уметь видеть положительную сторону.

Но Тата считала, что положительного тут ничего нет.

– Мы обеднели на две тысячи и ровным счетом ничего не узнали.

– Почему же? Мы узнали, что та женщина, которая имеет зуб на нашего Альберта и обратилась за помощью к Тане, ездит на красной «Мазде».

– И что? Ты хоть представляешь, сколько таких машин в нашем городе? А вдруг она приезжая? Из другого региона? Тогда вообще кранты! Мы никогда не найдем эту бабу!

Варя молчала. Присев на скамеечку, которая стояла во дворе дома, она задумчиво произнесла:

– А тебе Альберт ничего такого не говорил?

– О чем?

– Ну, что из-за его риелторской деятельности какая-то женщина осталась на улице без крыши над головой.

– Ты что! – возмутилась Тата. – Альберт работает в исключительно уважаемой фирме. Они на улицу никого не выкидывают! И потом, ты что, не помнишь, Альберт занимается загородной недвижимостью. Дачами. А там речь шла о квартире.

– Верно, верно, – пробормотала Варя. – Знаешь, а давай-ка мы съездим в одно место.

– Куда?

– Увидишь!

Но прежде чем поехать, Варя снова покопалась в своем ноутбуке. И только потом кивнула сестре:

– Едем.

На этот раз они поехали на южную окраину. В один из микрорайонов Купчино, где стояли типовые панельные коробки с крохотными кухнями и не менее крохотными комнатками. Остановившись возле одного из таких клоповников, Варя сказала:

– Если нам повезет, мы поговорим с соседями.

Им повезло. Едва Варя начала звонить в дверь, обитую красным «дермантином», как соседняя дверь тоже открылась и оттуда выглянула любопытная старушенция.

– Вам кого?

– Мы к Альберту, – ответила Варя, а Тата широко открыла свои и без того большие глаза.

Но старушка ничуть не удивилась.

– А его нету, – доброжелательно произнесла она. – Они все съехали.

– Все?

– Все. И Милочка, и Лешенька, и сам Альбертик.

– Давно?

– Да уж несколько лет прошло. Поменялись и съехали. Так жаль, если бы вы знали! Милочка такая лапочка. И Лешенька – очень тихий мальчик. Жила с этими соседями и горя не знала. А приехали то ли цыгане, то ли таджики, кто их разберет. Целыми днями дым коромыслом, гости табунами. Никакого покоя мне от них нету!

– Это ужасно, – посочувствовала ей Варя. – А вы не знаете, куда они съехали?

– Отчего же, знаю. Они побольше квартиру купили. Эта Милочке от родителей досталась. Она и Лешенька тут долго вдвоем жили. А потом уже и Альбертик появился. Им совсем тесно стало. Сами посудите, две комнатки, одна десять метров, другая вообще шесть. И кухня пять с половиной. Легко ли на такой крохотной площади им троим тесниться?

– Не легко.

– Вот именно! А Альбертик ведь недвижимостью занимался. Вот и подыскал для семьи хоромы попросторней.

– Скажите, а была у Милочки красная машина?

– «Мазда», – охотно кивнула старушка. – Я потому марку знаю, что мой сын Милочке эту машину и

продал. Она как раз курсы вождения закончила, вот и приобрела развалюху, чтобы научиться хорошо ездить.

Варя покосилась на Тату, пребывающую в ауте, и спросила у старушки:

– А больше вы своих бывших соседей не видели?

– Нет, – с явным сожалением произнесла та. – Милочка оставляла мне адрес, да я его посеяла. Если вы их с Альбертом найдете, обязательно привет от меня передавайте.

Варя пообещала. И сестры вышли на улицу.

– И куда теперь?

– Думаю, что к Альберту.

Но Тата встала словно на якоре.

– С места не сдвинусь, пока ты мне не объяснишь, что тут происходит?

– Скорей уже не тут, а там.

– Варя!

– Ладно, ладно. Но ты мне тоже скажи, ты паспорт своего кавалера видела?

– Альберта?

– Его самого. В графе семейное положение у него что стоит?

– Ничего. Чисто.

– Так я и думала, – пробормотала Варя, но Тата не успокаивалась:

– Варя! Кто эти Милочка и Лешенька? И при чем тут Альберт?

– Пока не знаю. Но думаю, что Милочка – это жена Альберта.

– У него нет жены!

– Теперь нет. Но это ведь не значит, что ее никогда у него не было. Верно?

Варя направилась к своей машине и села в нее. Тата только и оставалось, что последовать за сестрой.

– И куда мы теперь?

– Обрато к Серовой.

– Она нас не примет.

– Примет! Теперь нам есть что ей рассказать. Уверена, она не посмеет нас прогнать.

Серова визиту сестер опять не обрадовалась. Но все же, как показалось Варя, сейчас она была настроена чуть мягче.

– Снова вы! И что на этот раз?

– Теперь мы знаем все!

– Всего не знает никто, – улынулась вдова. – Что же вы знаете?

– Мы знаем, что вы решили помочь Тане. А та в свою очередь взяла деньги у Альберта не для себя. Она отдала их своей лучшей подруге – Милочке. Та осталась без крыши над головой, когда ее гражданский муж – наш знакомый Альберт – выгнал из собственного дома. По суду бедной женщине ничего не полагалось. Наверняка Альберт сумел оформить документы таким образом, что Милочке ничего не светило. Вот и осталась она с маленьким ребенком на улице. А Альберт захапал себе ее квартиру и в ус не дул.

Серова долго молчала.

– Знаете, когда вы пришли ко мне первый раз, я тут же подумала, что вы обязательно докопаетесь до правды. И не ошиблась.

– Значит, все было именно так, как я сказала?

– Так и даже хуже. Лично я с Милочкой знакома лишь заочно. А вот Таня действительно моя крестная внучка. И я ее очень люблю, хотя она, мягко говоря, весьма странный человек.

– Не от мира сего.

– Но при этом она самый добрый и бескорыстный человек на свете.

– Да уж, – пробормотала Варя. – Отдать сто тысяч долларов своей подруге – на это не всякая способна.

Серова вскинула на сестер глаза:

– Так вы обо всем догадались?

– Да.

Серова помедлила, а потом все же спросила:

– И что вы собираетесь теперь делать? Сдадите Милочку и Танечку? Но поверьте, девочки сделали это не со зла. Этот Альберт... Он заслуживает такой кары! И девочки взяли с него только то, что причиталось Милочке.

– Расскажите.

– Знаете, я Милочку видела только на фотографиях, но могу сказать, что они с Таней очень подходили друг другу. Обе не от мира сего. Милочка еще в пятнадцать лет родила своего Лешеньку. Отца мальчика

никто и никогда не видел. Он пропал, исчез. Но в отличие от многих других женщин, оказавшихся брошенными, Милочка никогда ни в чем не обвиняла отца Лешу. А потом у нее появился этот Альберт. Честное слово, сначала я даже подумала, что у Милочки все теперь будет хорошо. Но потом узнала, что молодые живут без росписи, и сразу поняла, добра тут не жди.

– Почему же? Многие так живут.

Серова смерила Варю взглядом:

– И многие ли из этих многих отмечают золотую свадьбу? Я вам скажу! Единицы. А все потому, что институт брака превратился в фарс. Когда мы с моим покойным супругом вступали в брак, то оба отдавали себе отчет в том, что это навсегда. А современная молодежь ни о чем не думает! Им все шуточки!

Варя промолчала. Хотя и могла бы возразить, что золотую свадьбу отмечают вообще единицы. И от штампа в паспорте продолжительность союза двух людей никак не зависит. Но она промолчала. Зачем сердить пожилую женщину? Пусть думает, как ей хочется.

– А потом, как я и предвидела, Альберт показал свой волчий оскал, – продолжала тем временем Серова. – Он затеял жилищный обмен. Якобы с целью выменять им троим более просторную квартиру, а на деле – чтобы лишить Милочку и Лешу их собственного жилья. В общем, история получилась ужасно некрасивая, даже отвратительная. Альберт продал их квартиру, которая по документам, оказывается, принадлежала ему одному.

– Вот ведь мерзавец!

– И не говорите. Мало того что он все это время ни копейки не давал Милочке, говоря, что они копят на другую, бóльшую жилплощадь, так он еще и оставил ее с маленьким ребенком без крыши над головой. Своей собственной, между прочим, крыши. В квартиру Милочки этот Альберт не вложил ни копейки. И я считаю, что он не имеет на нее никаких прав.

– А Милочка не пробовала обращаться в суд?

– Даже и не пыталась. Она поговорила с юристом, и тот сразу же дал ей понять, что дело ее безнадежное.

– И тогда вмешалась Таня?

– Да. Тогда вмешалась Таня.

Помолчав немного, Серова снова взглянула на сестер и осторожно спросила:

– Что вы будете делать? Пойдете в милицию? Сдадите девочек?

Варя задумалась.

– Нет, – решительно произнесла она. – Мы никуда не пойдем. И более того, мы даже не напомним Альберту, что знаем, откуда свалилась на него такая напасть.

Серова просияла:

– Правда?! Как я рада! Знаете, очень не хотелось бы, чтобы у Милочки отняли эти деньги.

Однако Варя выглядела озабоченной.

– Мы-то ничего не скажем. Но ведь будет следствие. И менты...

– Ах, оставьте! – взмахнула руками Серова. – Они никогда не выяснят правды! Танечка уехала в Индию. Назад она возвращаться не собирается. Так что все концы, как говорят, в воду. Никаких доказательств, что деньги у Милочки, нет. И я очень рада, что у нее и ее мальчика будет наконец снова своя крыша над головой.

Когда сестры возвращались на свою дачу, Тата позвонила Александре Сигизмундовне и коротко ей велела:

– Приготовь Альберта с вещами на выход.

– Что случилось?

– Он мне надоел.

– Тата! – ужаснулась та внучкиной черствости. – Как ты можешь? Альберт в ужасном состоянии. Он сегодня потерял сто тысяч долларов.

– Так ему и надо! – произнесла мстительная Тата. – И если ты, бабушка, не хочешь, чтобы мы все лишились нашей дачи, квартиры или другого нажитого тобой и мамой имущества, советую прислушаться к моим словам.

Отповедь, которую всегда приветливая и покладистая Тата дала бабушке, так поразила последнюю, что к тому моменту, когда сестры доехали до дома, Альберт уже стоял у калитки. Как и велела Тата, с вещами.

– Девочки, – жалобно протянул он, – девочки...

– До свидания! – резко произнесла Тата. – И не появляйся здесь больше!

Альберт так и ушел. Растерянный и жалкий. Но почему-то сестрам ни чуточки не было его жаль. Подумаешь, сто тысяч! Не обеднеет этот прощелыга. А долги, как известно, нужно отдавать. Обидно было

другое.

– Жалко, – сказала Тата, покачиваясь вечером в качалке на старой веранде, – жаль, что прохиндей вроде Альберта может обмануть еще не одну женщину на своем пути.

– А ловко у нас получилось с этим расследованием. Скажи? Раз – и мы в дамках.

– Новичкам везет, – многозначительно проронила Варя.

– Новичкам? – замерла Тата. – Что ты хочешь этим сказать?

– А разве ты подумала не о том же самом? Что, если нам заняться сыщицкой деятельностью, так сказать, на профессиональном уровне?

Тата от волнения даже перестала качаться и с воодушевлением уставилась на сестру.

– Ты это серьезно?! Серьезно? Я ведь тоже хотела тебе это предложить! Но побоялась, что ты сочтешь мое предложение авантюрой.

Варя улыбнулась. И прижала к себе Тату.

– Какая же ты у меня еще глупенькая! Как я могу подумать такое про тебя! Да мы просто обязаны взять на себя эту миссию. Завтра же утром и начнем.

И обе сестры, уютно устроившись в большой качалке, затихли и стали смотреть на звезды. Те сверкали высоко и далеко, и не было им никакого дела до того, что происходит у людей. Да это и правильно. Если у людей порой возникают в жизни какие-то трудности, то решать их они должны сами или с помощью своих друзей. А не надеяться на то, что звезды вдруг возьмут и расположатся таким образом, что все устроится само собой.

Марина Крамер

Двадцать минут счастья

Я не различаю красного. Зеленый, коричневый, желтый – любой другой цвет я вижу, а вот красный – нет. Это не аномалия, не особенность моего зрения. Доктор говорит, что это психологическая защита, позволившая мне в свое время не сойти с ума.

Когда пять лет назад красные пятна расплылись по белому платью – вот именно в тот самый миг я вдруг перестала различать этот цвет. Вокруг все истошно орало, суетились, бегали, а я спокойно сидела прямо на крыльце Дворца бракосочетаний и держала на коленях голову моего мужа. Моего Игоря...

Я не послушалась тех, кто говорил, что нельзя выходить замуж в мае, – какие предрассудки, думала я, когда мы так счастливы, так любим друг друга и собираемся прожить вместе всю жизнь! Разве имеет значение, когда именно поставить штамп в паспорт? Тем более что май – мой любимый месяц, я всегда с нетерпением ждала его наступления, любила гулять по городу и замечать, как день ото дня он сменяет свой унылый зимний облик на свежее и радостное весеннее великолепие. Да и выдался май в этом году теплым, ясным и праздничным, как будто специально для нас, влюбленных и немного ненормальных от счастья... Вместе с красным цветом я перестала любить и месяц май.

Я не могла понять: ну что они все паникуют и верещат, когда и так все очевидно – Игорь мертв. И вот эти пятна, цвета которых я не вижу почему-то, не что иное, как его кровь. Кровь из совсем небольшого отверстия в белом пиджаке, прямо под бутоньеркой из мелких розовых розочек...

Вот так – утром я проснулась счастливой невестой, а в час дня уже стала вдовой, так и не успев толком побыть женой. Хотя нет – я была женой целых двадцать минут, пока мы обменивались кольцами, танцевали вальс, принимали поздравления и фотографировались... Двадцать минут – и кольцо с правой руки можно переодеть на левую. Мне двадцать шесть лет – и я вдова. Все. А вокруг по-прежнему бессовестно благоухает свежей зеленью и ярким солнцем проклятый май...

Потом было много еще всякого – и допросы у следователя, и оглашение завещания, по которому мне досталась квартира в центре, загородный дом, две машины... Мне ничего не было нужно, ничего – только бы Игорь был жив.

Проклятый май – ненавижу тебя...»

– Я не могу понять... – Кирилл Валько обхватил руками голову и издал подобие звериного рыка. – Что происходит вообще? Мы работаем – а прибыли настолько мизерны, что я чувствую себя лохом!

Главный бухгалтер фирмы по производству пластиковых окон Наталья Мезенцева равнодушно взирала на метания шефа. В большей степени ее интересовало, останется ли на безупречном брючном костюме темно-синего цвета пятно от энергетического напитка, выплеснувшегося из стакана в тот момент, когда Валько шарахнул по столу кулаками. Худощавая, спортивного вида блондинка с длинными прямыми волосами и прозрачными серыми глазами, Наталья была безупречна во всем, что касалось работы. Кирилл все еще надеялся затащить ее в постель, а потому готов был смотреть сквозь пальцы на некоторые мелочи и просчеты в работе. Но Мезенцева не давала даже повода усомниться в своем профессионализме.

Однако в фирме определенно что-то происходило. Количество заказов ощутимо уменьшилось, а расход материалов, как и объем их закупок у поставщика в Германии, неуклонно возрастал. По документам выходило, что все в порядке – но где деньги-то? Где чистая прибыль?

– Наташа, может, ты скрываешь что-то? – жалобно протянул Кирилл, но бухгалтер смерила его ледяным взглядом:

– Кирилл Сергеевич, я не давала повода для фамильярности. Как не давала и повода усомниться в моей честности.

Кирилл немного присмирел. Эта девица появилась в его фирме два года тому назад и как-то исподволь вдруг возымела над ним такую власть, что Кирилл порой сам себя не узнавал. Наталья не переходила грань, не одобряла шуток в свой адрес, не позволяла никому сойтись с ней поближе, никогда не обедала в офисе с другими сотрудниками, ни разу за два года не приняла участия ни в одной совместной попойке. На ухаживания неженатого шефа не реагировала, чем приводила его почти в бешенство. Кирилл Валько считался завидным женихом, был избалован женским вниманием, и такое пренебрежение и какое-то нарочитое равнодушие задевало его самолюбие. В душе он дал себе слово непременно добиться благосклонности Натальи.

Он ухаживал широко, с размахом, однако все его попытки оканчивались ничем. Наталья равнодушно совала букеты орхидей в банку из-под сока, приглашения в рестораны, клубы и заграничные туры отвергала сразу и решительно, а кольцо из белого золота, преподнесенное ей Кириллом в День святого Валентина, немедленно вернула, посоветовав вложить деньги во что-то более перспективное.

Валько злился все сильнее. Его бесило это равнодушие, за которым – он чувствовал – на самом деле стояло желание не иметь с ним ничего общего. Как известно, препятствия только усиливают азарт, и Кирилл не собирался капитулировать. Но и Мезенцева не шла на уступки, не меняла линии поведения, была всегда ровной, холодно-улыбчивой и отстраненной. Даже секретарша Валько, Настенька, уже была на стороне шефа и однажды решилась поговорить с неприступной бухгалтершей.

Улучив момент, когда Наталья осталась в своем кабинете одна, Настенька юркой мышкой забежала в бухгалтерию и закрыла дверь изнутри на ключ. Мезенцева удивленно сдвинула на лоб модные очки и чуть приподняла левую бровь.

– Что за шпионские страсти? За тобой кто-то гонится?

– Нет. Наталья Андреевна, давайте по-честному – вам на самом деле совершенно все равно? – спросила девушка, аккуратно устраиваясь на краю стола Мезенцевой, так как все стулья были завалены папками, отчетами и просто кипами каких-то бумаг.

Наталья сняла очки и прикусила дужку зубами, глядя на секретаршу с неким подобием интереса:

– Слушай, Настасья... А тебе не приходило в голову, что такая молоденькая девушка, как ты, имеющая к тому же неплохое образование, может заниматься чем-то еще, кроме как подношением кофе и беготней по поручениям Кирилла?

Настенька даже опешила:

– А что такого в моей работе?

– В работе? – удивленно протянула Мезенцева, по-прежнему не выпуская дужку очков изо рта. – Ты всерьез считаешь *это* работой?

– Речь не обо мне. Я пришла поговорить о вашем отношении к Кириллу Сергеевичу.

– О, так ты еще и интимные поручения своего патрона выполняешь! – ехидно протянула бухгалтер, и Настенька вспыхнула:

– Он ничего об этом не знает! – Она вздернула подбородок. – Я пришла к вам сама, потому что не могу видеть, как он страдает.

– Как пафосно! Так пусть уймется – и все проблемы решены, – усмехнулась Наталья, возвращая очки на место и теряя интерес к разговору.

Она демонстративно повернула к себе монитор компьютера и погрузилась в изучение каких-то документов, потом взглянула на сидевшую на краешке стола Настеньку почти с неприязнью:

– Послушай, дорогая! Мой стол – это не стол твоего обожаемого Кирилла, поэтому, будь так добра, очисти его, ладно? Меня твои прелести совершенно не интересуют, я работаю, видишь ли.

– Наталья Андреевна, а ведь вы совсем не такая, какой хотите казаться! – выпалила вдруг секретарша, слезая со стола и делая пару шагов к подоконнику.

– Н-да? Очень интересно, – пробормотала Мезенцева, не отрываясь от чтения документа.

– Да, интересно! Я, например, знаю, что у вас дома кошка есть, вы даже на мониторе заставкой ее фотографию держите.

– И что?

– Человек, которого дома ждет любимец, не может быть жестоким.

– Наивная ты еще и молодая, Настасья. И весна на тебя действует разлагающе. А люди намного хуже, чем ты о них думаешь.

Мезенцева подперла кулаком щеку и задумчиво уставилась холодными глазами в лицо девушки. Настя немного растерялась, но сдаваться не хотела:

– Вам почему-то выгодно держать Кирилла в постоянном напряжении.

– Слушай, деточка, а тебе не кажется, что ты перечитала дамских детективов? – насмешливо поинтересовалась Наталья, и Настя чуть покраснела – она и в самом деле очень любила читать детективные истории, и в ее сумочке непременно лежала книжка удобного формата. – Что мне может быть нужно от Валько? Если неземной страсти и замужества – так он как раз это мне и предлагает в той или иной форме раз или два в неделю. Но, как видишь, мы по-прежнему не женаты.

С этим Настя была полностью согласна. В самом деле, если иметь в виду возможные матримониальные притязания, то ситуация складывалась как раз в их пользу, и Наталье даже не нужно было прилагать каких-то дополнительных усилий, дабы заинтересовать Кирилла своей персоной. Деньги? Мезенцева в них явно не нуждалась – одевалась дорого, хоть и неброско совсем, машину имела хорошую и квартиру в престижном

районе. Материальные мотивы, таким образом, отпадали. И все же у Насти осталось стойкое ощущение недосказанности, какой-то недоговоренности. Она вышла из кабинета Натальи скорее с кучей новых вопросов, чем с ответами на те, что мучили ее раньше.

Настя Воробьева не была блондинкой в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово. Природный цвет волос никак не подтверждал существующую теорию о врожденной глупости его владелиц. Настенька окончила школу с золотой медалью и педагогический университет с красным дипломом, однако работа в школе ее не прельщала. Но и поисками богатого супруга девушка тоже не озадачивалась. У нее была тайная мечта – написать хороший «крутой» детектив. С фантазией все было в порядке, но хотелось, чтобы была какая-то реальная тайна, что-то такое... жизненное...

Настина мама очень переживала, узнав, что дочь устроилась секретарем. В их семье подобная профессия для девушки считалась неподходящей, более того – почти аморальной. Но Настя всегда отличалась упрямством и настояла-таки на своем.

Отношения с шефом установились прохладно-деловые. Валько ценил умение Насти быть незаменимой, незаметной, аккуратной и выполнять поручения в срок. Кроме того, Настя обладала хорошей памятью и могла точно сказать, в какой день заходил тот или иной посетитель, на какой полке стоит папка с договорами или на какое время у Кирилла назначен визит, например, к стоматологу. Знала она и привычки и вкусы Валько, а также тонко улавливала его настроение и могла предостеречь сотрудников фирмы от нежелательных визитов «под горячую руку» шефа.

Веселую, приветливую секретаршу любили все. Все – кроме Натальи Мезенцевой. Она не выказывала к девушке открытой неприязни, однако и дружелюбия не проявляла, что, впрочем, никого из сотрудников не удивляло. В фирме никто не мог сказать, что кому-то лично Наталья выразила симпатию или просто сказала доброе слово. Нет, Мезенцева не была ни склочной, ни хабалистой, наоборот – всегда ровной, в меру улыбочливой, спокойной, но за всем этим проскальзывало нечто неестественное.

– Снежная королева, – сострил однажды по этому поводу начальник отдела рекламы Костя Нагайцев. – Такая вся безупречная, такая непогрешимая – и такая холодная! Мне в бухгалтерию всегда в шубе хочется войти.

Нагайцев был признанным балагуром и остряком, заводилой и душой всех корпоративных вечеринок. Невысокого роста, худенький, светловолосый, он всегда был в центре внимания и пользовался успехом у девушек, хотя внешность его была очень далека от общепринятых стандартов «мачо». Костик успешно компенсировал этот недостаток общей начитанностью, остроумием и жизнерадостностью. Вокруг него во время перерывов всегда собиралась толпа и с неприкрытым удовольствием внимала его шуткам. Разговор происходил в курилке во время обеда, все расслабленно отдыхали после трапезы и сплетничали. Подобные вещи происходили ежедневно, ничего удивительного в них не было, но вот сегодня – нужно же было так случиться, чтобы именно в этот самый момент мимо открытой двери проходила Мезенцева! Естественно, последняя фраза достигла ее ушей. Наталья задержалась лишь на мгновение, смирила обалдевшего и покрывшегося румянцем Костика холодным взглядом и ушла, так и не произнеся ни слова. Но у Нагайцева моментально испортилось настроение. Мезенцеву почему-то считали мстительной и опасной, хотя никаких поводов так думать о себе Наталья не давала. Но разговоры о том, что шеф буквально помешан на этой «ледишке», позволяли сотрудникам в чем-то ее подозревать.

В своем кабинете Наталья привычным жестом включила компьютер, на заставке которого стояла фотография рыжего пушистого котенка, почти машинально щелкнула по папке «Мои документы» и вдруг задумалась, устремив невидящий взгляд серых глаз куда-то поверх монитора. В этот момент она вдруг стала совершенно другой – мягкой, романтической и... абсолютно беззащитной.

«Снежная королева, надо же...»

В дверь постучали, и Мезенцева вернулась из своих раздумий, став снова собой – холодной и безупречной.

– Войдите.

– Извините, Наталья Андреевна, можно? – В дверях показалась голова Костика Нагайцева, и Наталья чуть заметно поморщилась – она поняла причину визита.

– Что вы хотели, Константин Михайлович? – равнодушным ровным тоном произнесла она.

Нагайцев осторожно присел на краешек стула и забормотал какие-то извинения, но Наталья его прервала:

– Константин Михайлович, если вы пришли по делу, так излагайте, если же нет – то не отвлекайте меня, я проверяю счет-фактуру. Что касается ваших слов, то мне абсолютно безразлично, кем вы считаете меня и в каком виде хотите заходить в мой кабинет. Если вам зябко – можете носить тулуп, я не в претензии. А сейчас, если у вас больше ничего ко мне нет, потрудитесь освободить кабинет.

Высказавшись, Мезенцева демонстративно нацепила очки и защелкала клавишами. Костик посидел еще пару минут и вышел, неслышно закрыв дверь.

Настя уходила из офиса последней – так было заведено. Она обходила все кабинеты, проверяла, везде ли выключены техника и свет, замыкала двери и сдавала офис на пульт охраны. Проверив все, девушка прошла за свою конторку, собираясь позвонить в охранную фирму, и рядом со стоявшим на столе цветочным горшком вдруг увидела связку ключей. Обычную связку ключей на брелоке в виде мягкой белой собачки.

– Надо же, Наталья Андреевна расслабилась и забыла ключи от квартиры, – пробормотала девушка, вспомнив, как перед уходом Мезенцева задержалась возле ее стола и что-то искала в сумке, раздраженно бормоча себе под нос.

И вдруг Настю осенило... В ящике стола лежала коробка цветного пластилина – девушка купила его для племянницы, но так до сих пор и не удосужилась заехать к брату в гости. Дрожащими руками Настя поочередно приложила все ключи из связки к цветным брусочкам. Убрав пластилин, секретарша взялась за телефонную трубку.

В пустом коридоре раздались быстрые шаги. Настя выглянула из приемной, хотя не сомневалась, что увидит именно Мезенцеву, вернувшуюся за ключами. Бухгалтер стремительно приближалась, и Настя, постаравшись сделать как можно более равнодушное лицо, вставила ключ в дверь кабинета Валько.

– Ты еще здесь? – раздалось за спиной, и Настю окутал аромат духов Натальи. Та решительно двинулась к конторке, словно знала, где именно забыла свои ключи.

– Да, задержалась. Хотела проверить еще раз список посетителей на завтра, – соврала Настя, не глядя в лицо Мезенцевой. – А вы почему вернулись?

– Ключи забыла на столе, – спокойно пояснила Наталья, демонстрируя связку, висевшую на ее пальце.

– А-а... – протянула Настя, стараясь выглядеть незаинтересованной. – Бывает...

– Да, бывает. До свидания, Настя.

– До свидания...

Когда шаги Натальи стихли, Настя с облегчением вздохнула и, замкнув приемную, пошла вниз.

Всю дорогу домой она обдумывала – что теперь делать со слепками ключей и зачем вообще они ей понадобились?

«Не собираюсь же я взламывать квартиру Мезенцевой, да и для чего мне это? Хотя... Странная она какая-то... Вечно одна, никого к себе не зовет и сама никуда не ходит...» – размышляла Настя, трясясь в пустом троллейбусе. Поведение Натальи с первого дня ее появления в фирме вызвало у девушки множество вопросов, а еще больше ее интересовало – почему Мезенцева никак не реагирует на ухаживания Валько? В этом было что-то неправильное – Кирилл привлекателен внешне, интересен, остроумен, обеспечен и, главное, холост, так что видимых причин для отказа такому мужчине Настя не находила. Разумеется, он мог не привлекать Мезенцеву просто как мужчину, но тогда какого же черта ей нужно? Решение во что бы то ни стало раскрыть тайну придало Насте смелости. В конце концов, она ведь мечтала написать детектив, а тут сама судьба подсунула ей такой шанс! Не использовать его просто невозможно...

Утром в субботу Настя, наскоро позавтракав, оделась и вышла из дома. «Ну, ты смотри-ка – такой день чудесный, а я какой-то ерундой занимаюсь!» – подумала она, невольно жмурясь от яркого майского солнца. Весна уже вовсю заявила о своих правах на город, деревья укутались клейкой зеленой дымкой, на газонах раскинулись мягкие коврики свежей травы. Соскучившийся по солнцу город выглядел нарядным и праздничным, да и люди, словно очнувшиеся от зимней летаргии, казались более улыбчивыми и приветливыми. Настя вздохнула, пожалев, что вышла из дома в плаще, но возвращаться не стала.

Заказать ключи можно было на любом городском рынке, однако она решила сделать это как можно дальше от дома. Настя надеялась также, что за определенную сумму мастер не задаст лишних вопросов о том, откуда у нее слепки ключей и зачем они ей понадобились.

Так и вышло. Она приехала в отдаленный район, еле нашла гараж с номером, обозначенным на облупившейся фанерке перед въездом в гаражный массив, и его владельца, молодого парня лет двадцати трех. Внешний вид мастера показался Насте более чем странным – какая-то грязная кожаная куртка, разодранные на коленях джинсы, пирсинг в губе, носу и по всей дуге правого уха. В довершение всего парень говорил противным фальцетом, что тоже не способствовало дружескому общению. Настя протянула ему три брусочка пластилина с отпечатками ключей. Мастер взял их и подозрительно покосился на приличную с виду девушку:

– Чё, хату вскрывать наладилась?

– Почему это вскрывать?

– Слышь чё, лялька, ты, это... если чё противоправное, так я – пас. Как говорил папаша Бендер – я чту Уголовный кодекс.

«Надо же – выглядит как гот, а разговаривает, как заправский уголовник», – удивленно отметила про себя девушка, стараясь запомнить манеру поведения и колоритную внешность собеседника – вдруг пригодится для будущей книги.

– Так чё молчишь-то? Раздумала, что ли? – подстегнул ее парень.

– Хорошо... сколько? – сдалась Настя, открывая сумочку.

– Сто, – ухмыльнулся мастер.

– Рублей? – уточнила девушка – и вызвала приступ хохота у собеседника:

– Ты чё, совсем тупая? Каких еще рублей? Сто баксов давай, я ж тоже вместе с тобой соучастником становлюсь, а риск должен быть оправдан. Или оплачен.

«Однако... – ахнула про себя Настя. – Дороговатый выходит детективчик».

Но, взвесив все «за» и «против», она все-таки вынула из кошелька сто долларов, которые мгновенно перекочевали в карман грязно-розовой кожанки.

– Ты иди, короче, домой, а завтра с утра подгребай снова, – велел мастер и направился было в гараж, но Настя поймала его за рукав:

– Нет, погоди! А гарантии? Я завтра приеду, а тебя и след простыл!

– Да ты чё, в натуре? – оскорбился парень. – У меня серьезная фирма, зачем мне такое палево? Все будет в срок, даже не сомневайся! Витька Шнырь свое дело знает!

– Не убедил, – вздохнула Настя, понимая, что выбора все равно нет.

Всю ночь она мучилась сомнениями и тревогой и все гадала, как ей удастся пробраться в квартиру Мезенцевой и что именно она будет там искать. «А, ладно! Главное – попасть туда, а там уж будет видно», – решила девушка и постаралась уснуть.

Подходящий случай осмотреть квартиру Мезенцевой представился буквально через пару недель. Наталья и Валько уехали в банк оформлять очередной кредит, и Настя смогла беспрепятственно уйти с рабочего места. Адрес Мезенцевой она уже давно нашла в компьютере Кирилла и аккуратно переписала в свою записную книжку.

Квартира находилась совсем недалеко от офиса, буквально через три остановки. Большой дом-новостройка, третий этаж... Трясущимися руками Настя отомкнула дверь и вошла в квартиру. Тревожной сигнализации не обнаружилось, так как двор имел ограждение и попасть внутрь можно было только с помощью ключа. Однако Настя все равно почувствовала себя лучше, не заметив в коридоре датчиков.

В квартире как-то странно пахло. Девушка сначала решила, что это из-за пушистого рыжего кота, лениво лежавшего в плетеной корзинке в просторной гостиной, но, приглядевшись, поняла, что запах – из-за огромных плоских ваз, наполненных какими-то травами. Они и источают этот головокружительный аромат. В простенке между двух окон она увидела портрет мужчины в строгом костюме. Его лицо показалось ей смутно знакомым, но Настя никак не могла сразу вспомнить, где именно она видела этого bruneta с чуть горбатым носом и идеальной короткой стрижкой.

Она прошла в спальню и огляделась. Белая мебель с ротанговой отделкой, белый пушистый коврик у широкой кровати, застеленной кремовым покрывалом с вышивкой. На спинке – небрежно брошенный шелковый халат цвета слоновой кости, от него пахнет духами Натальи. Ничего особенного, только на тумбочке – серебристая рамка. Взяв ее в руки, Настя с удивлением обнаружила, что на фотографии тот же мужчина в обнимку с хорошенькой, чуть полноватой девушкой с каштановыми волосами, небрежно прихваченными заколкой и переброшенными через плечо на грудь. Ничего общего с Мезенцевой.

– Странно, зачем ей чужие фотографии в спальне? – пробормотала Настя, возвращая рамку на прежнее место. – Может, родственник? Но где я-то его видела...

Она присела и осторожно потянула на себя ящик прикроватной тумбочки.

Там, на самом дне, под стопками каких-то бумаг и документов, девушка обнаружила черную кожаную папку. Вынув ее, Настя села прямо на пол и принялась изучать содержимое. Потом перевела взгляд на фотографию, снова вернулась к чтению бумаг. Это были счета из крупного косметологического центра в Москве, договора о продаже квартиры и загородного дома... Во всех документах Настю смутило только одно – имя.

И все сразу встало на свои места. И даже внешность мужчины на фотографии перестала казаться ей знакомой только смутно...

В среду из банка пришло письмо. Наталья Мезенцева успела аккуратно выхватить его из большой пачки почты и унести к себе в кабинет. Содержимое белого конверта с печатями она примерно знала – это было требование о погашении задолженности по кредиту и предупреждение о безакцентном списании средств со счетов фирмы. Иными словами, на них не осталось ни копейки. Улыбнувшись своим мыслям, Мезенцева включила шредер и сунула конверт в зубастый рот аппарата, с удовлетворением глядя, как важный документ превращается в горку бумажной лапши. Затем поправила прическу, чуть тронула коралловой помадой губы и твердой, уверенной походкой направилась в кабинет шефа.

Настя вскинула глаза из-за своей конторки, но Мезенцева даже не удостоила секретаршу взглядом, толкнула дверь и вошла.

– Кирилл Сергеевич, можно к вам по личному вопросу? – кокетливо проговорила она, и у Валько сердце ухнуло вниз.

– Да-да, конечно... – засуетился он, выскакивая из-за стола и отодвигая для Натальи стул.

Она села и, продолжая улыбаться, предложила:

– Кирилл Сергеевич, а вы не хотите пригласить меня в гости?

– В го-гости? – заикаясь от неожиданности, повторил Валько.

– Нет, я не настаиваю... если я вклинилась в ваше продуманное расписание, то прошу меня простить.

– Нет-нет, у меня нет никаких планов, что вы, Наташенька! – замахал руками Кирилл, не на шутку испугавшись, что Мезенцева через секунду встанет и уйдет.

– Тогда... я заеду к вам после работы, можно? Я хотела бы кое-что обсудить...

Она поднялась и вышла из кабинета, а в душе у Валько заиграли победные фанфары – неприступная крепость выкинула нечто вроде белого флага! Он закружился по кабинету, напевая арию тореадора и притопывая ногами в такт, а потом нажал кнопку селектора:

– Настюша, на сегодня меня ни для кого больше нет, и вообще, я уезжаю!

Выхватив из стенного шкафа пиджак, Кирилл наскоро натянул его и почти бегом направился к выходу из офиса. О том, что Мезенцева не спросила его адреса, он как-то не подумал...

Убедившись, что Кирилл сел в машину и уехал, Настя заперла его кабинет и приемную и кинулась вниз по лестнице, на ходу стараясь попасть в рукав плаща. Но тут, как назло, навстречу ей попался один из менеджеров по рекламе. Ему срочно потребовались подписанные шефом бумаги, которые секретарша впопыхах забыла занести в отдел. Пришлось вернуться и искать их, потом позвонил заместитель Валько с просьбой дать ему список последних заказов... и так почти два часа. Настя периодически звонила на мобильный Кирилла, но механический голос всякий раз выдавал фразу о том, что абонент отключил телефон. О том, что именно могло произойти в квартире шефа за это время, Настя не хотела даже думать.

Кирилл боялся верить своему счастью. Он все смотрел на сидевшую напротив Наталью и готов был заорать на всю квартиру. Мезенцева же спокойно откинулась на спинку кресла, скрестила ноги в щиколотках и протянула руку к бокалу с французским вином.

– Ты предпочитаешь белое, Наташа? – спросил хозяин, кивнув на бутылку, принесенную гостьей с собой. – Могла бы сказать, я бы сам...

– Я не вижу, какого оно цвета. Да это и все равно. Ну что, Кирюша, давай выпьем с тобой, – проговорила она каким-то чужим голосом, и Валько невольно вздрогнул.

– Давай. А за что? – Он коснулся своим бокалом ее и сделал два больших глотка.

– А за Игоря Ивина.

У Кирилла перехватило дыхание. Игорь Ивин был его компаньоном, они вместе открывали фирму, но потом случилось несчастье, и Игорек погиб прямо в день собственной свадьбы. Но откуда Наталья узнала об этом? Она появилась в фирме через три года после смерти Ивина, не могла его знать...

– Что ты так уставился на меня? – спокойно поинтересовалась Мезенцева, покручивая в пальцах бокал. – Неужели за все два года, что ты трешься возле меня, ты так и не понял, кто я? Тогда ты еще более глуп, чем я думала, Валько.

– Кто... кто ты такая? – прохрипел Кирилл, разрывая ворот рубашки, чтобы набрать полную грудь воздуха.

– Так ты серьезно не узнал меня? – хриловато хохотнула Мезенцева, аккуратно поставив бокал с так и не тронутым вином на столик. – Эх ты! А еще клялся мне в любви! Я – Валерия Половцева, так и не успевшая толком стать Ивиной. Лера, Лерочка – как же ты мог забыть меня так быстро, Кирилл? Ведь ты обивал порог моего дома со дня гибели Игоря, ты мне обещал помощь и поддержку!

Валько моргал глазами и никак не мог понять, что происходит в его квартире. Лера Половцева выглядела совершенно иначе, она ничем не напоминала эту холеную, ледяную суку. Лерочка – чуть полноватая, с тугими каштановыми локонами, жизнерадостная хохотушка – и эта худая блондинка с неулыбчивым лицом... Их ничто не объединяло, один образ никак не накладывался на другой.

– Ну, что ты хлопаешь гляделками, Кирюша? Пластическая хирургия творит чудеса – не знал? С деньгами, что оставил мне Игорь, я сумела изменить внешность почти на сто процентов.

– Но зачем?... Зачем тебе это понадобилось?! Я чуть с ума не сошел, когда ты пропала...

– О, прекрати это! – рассмеялась женщина. – Ты был только рад тому, что я не вступила в права наследства на долю Игоря в фирме и все досталось тебе! Ты ведь поэтому за мной так увивался после его смерти. И это ты его убил!

– Что?! – побледнев, прошептал Валько плохо слушающимися губами. – Что ты несешь, дура?!

– Это ты был дурак, Кирюша, – спокойно проговорила она. – Ты – когда в один из своих визитов забыл у меня свой ежедневник. Нет, я не копалась в нем, ты не подумай! Если бы он случайно не упал на пол, я так и не наткнулась бы на листочек, на котором был чей-то телефон и фамилия Игоря, жирно зачеркнутая крест-накрест. Я наняла частного детектива – и он выяснил, что телефончик принадлежит одному криминальному авторитету. А тот промышляет... – Она сделала паузу и впилась глазами в бледное уже до синевы лицо собеседника. – Сказать? Или ты сам все помнишь?

– Не... не... не надо...

– А, значит, помнишь? Прекрасно. Так вот, этот самый авторитет помог тебе устранить Игоря. Уж слишком хорошо пошли дела в вашей совместной фирме, и тебя обуяла жадность. Ты представил, как мог бы жить, если бы все принадлежало только тебе. Одному! Ты, циничная сволочь, заказал своего компаньона, и киллер выполнил заказ в день нашей свадьбы. Но ты не остановился на этом – ты начал ухаживать за мной... Еще совсем немного – и я сдалась бы, я, убитая несчастьем вдова! Но тут-то и вышла такая вот оказия с этим ежедневником. Я могла убить тебя сразу, Кирилл, могла заказать тому же самому киллеру – но я решила поступить иначе. Изменила внешность, почти год провела в клинике, училась ходить по-другому, разговаривать по-другому. Училась не быть прежней Лерочкой. За приличные деньги купила себе паспорт на имя Натальи Мезенцевой и вспомнила свои бухгалтерские навыки. Устроиться в твою контору труда не составило, хотя и стоило мне определенной суммы. Проще говоря, я купила твоего бывшего бухгалтера, и она уволилась, а тебе порекомендовала меня – помнишь?

Валько закивал – он помнил, как странно и без видимых причин два года тому назад уволилась Люда, работавшая в фирме со дня открытия, а вместо себя представила вот эту дамочку.

– Ну вот. А потом ты – что было вполне ожидаемо – запал на меня. И пока ты изобретал способы меня охмурить, я привела твою фирму к банкротству. Не спрашивай меня, как именно – тебе это знание уже не поможет, а все деньги давно лежат на моих счетах за пределами страны. Теперь мне осталась самая малость – и я исчезну, растворюсь. Я убила несколько лет жизни, уничтожила собственную внешность, собственную душу – и все для того, чтобы сейчас увидеть твою искривленную страхом морду, Кирюша! Но поверь – я не считаю, что заплатила за эту возможность слишком дорого.

Она замолчала, глядя на деморализованного Кирилла прозрачными глазами. Валько только открывал и закрывал рот, напоминая ей карпа в большом аквариуме супермаркета.

– Ты... ты убьешь меня? – выдохнул он, и женщина снова хрипловато рассмеялась:

– А как ты думаешь? Ты уже мертв, Кирилл. Ты убил себя сам в тот день, когда застрелили Игоря. Хорошее вино, да? – Она кивнула на бутылку и снова уставилась в бледное до синевы лицо Валько, и тот вдруг захрипел, упал на пол, зарывшись лицом в мягкий ковер.

Валерия сперва растерялась, но потом, взяв себя в руки, опустилась на колени рядом с неподвижно лежащим телом и прижала два пальца к шее. Пульса не было. Посидев в оцепенении пару секунд, женщина собралась с мыслями, вытащила из сумочки платок и аккуратно вытерла бутылку и свой фужер. Бросив на мертвого Валько последний взгляд, Валерия направилась к двери, открыла ее и налетела на Настю, поднявшую руку к кнопке звонка. Обе вздрогнули, и Валерия, бывшая выше и сильнее, дернула секретаршу внутрь и захлопнула дверь.

– Зачем ты пришла сюда?! – зашипела Валерия, прижав Настю к стене.

– Я... я знаю... знаю, зачем вы здесь... – пробормотала девушка, неотрывно глядя на нее расширившимися от ужаса глазами.

– Что? – слегка опешила Валерия, но быстро справилась с собой.

– Вы... вы убили... его? – прошептала Настя, закрывая рот руками, и сползла по стене вниз.

– Успокойся! – приказала Валерия, садясь прямо на пол напротив нее. – Давай поговорим без истерик. Откуда ты узнала, что я буду здесь, и с чего ты взяла, что я могу его убить?

Секретарша перевела дыхание и проговорила, опустив голову:

– Я влезла в вашу квартиру, Наталья Андреевна... Вы забыли ключи в офисе, помните? Я сделала слепки и заказала дубликаты.

– Меня зовут Валерия, – поправила та. – Ты ведь это тоже знаешь, раз была в моей квартире? Объясни мне только – зачем тебе это было нужно?

– Я... только не смейтесь...

– Ну? – подстегнула Валерия. – У меня самолет через пять часов, я должна еще забрать кота.

– Я хотела написать детектив... – еле слышно призналась Настя. – Вы показались мне странной и загадочной. Сначала списала все на свою любовь к чтению и на богатую фантазию, но потом... Я просто не смогла удержаться, когда нашла ключи. Мне хотелось только взглянуть, как вы живете, честно! А потом я вспомнила, где видела мужчину с фотографии в вашей квартире. Это ведь Игорь Ивин, бывший компаньон Кирилла Сергеевича. Я его практически не знала – только устроилась в фирму, как его застрелили... Я только сопоставила факты...

Хриплый хохот женщины привел ее в замешательство, Настя даже слегка испугалась, но Валерия перестала смеяться так же неожиданно, как и начала, серьезно посмотрела на девушку и сказала:

– Мне, к счастью, не пришлось марать руки об этого подонка. Он умер сам – судя по всему, от испуга не выдержало сердце. Давай поможем друг другу. Ты никогда и ни при каких условиях не скажешь, что видела меня здесь и знала, кто я на самом деле, а я отдам тебе флэшку. На ней ты найдешь мой дневник, из которого вполне сможешь извлечь для себя что-то. Идет?

Настя молчала. С одной стороны, она стала невольной свидетельницей преступления, ведь Валько явно мертв, и Наталья-Валерия этого не скрывает. С другой... Настя узнала истинную причину преступления, и ее захлестнула волна отвращения к Кириллу.

– Уверю тебя, что я не убивала его, – словно уловив ее мысли, проговорила Валерия. – Клянусь тебе моим погибшим мужем – я была готова, но мне не пришлось. Я принесла бутылку вина – но там не было яда, я даже не забираю ее с собой и не выливаю вино из своего бокала, потому что мне нечего опасаться. У меня есть пистолет... Но сейчас я выйду из квартиры и брошу его в реку. Ты можешь убедиться, что я не стреляла из него. На нем нет следов – как на теле Кирилла нет пулевых отверстий. Возьми. – Она порылась в сумке и сунула Насте в руку флэшку на длинном черном ремешке. – Можешь использовать как хочешь. Там нет ни слова о Валько и о том, что я собиралась сделать, но есть многое, что поможет тебе понять меня. Я ведь не хладнокровная убийца, Настя... у меня просто не осталось выбора.

– Мне ничего не нужно... Я вам верю. – Настя вдруг обняла сидевшую у противоположной стены женщину.

– Идем! – вскочила на ноги Валерия. – Идем, я хочу, чтобы ты убедилась, что Валько умер без моей помощи!

– Нет... нет! – в ужасе взвизгнула девушка, представив, что сейчас в соседней комнате она увидит труп, но бухгалтер не слушала, рывком поставила ее на ноги и потащила за собой в глубь квартиры.

– Смотри! – приказала она, чуть подтолкнув онемевшую от испуга Настю в гостиную, где на полу лежал мертвый Кирилл. – Видишь – он лежит на совершенно сухом ковре, там нет крови. Нет следов борьбы... Смотри! – Валерия вдруг схватила свой бокал и осушила его до дна. – Видишь? Если бы в нем был яд – разве я стала бы пить его? Разве стала бы подвергать себя опасности, когда все уже вот-вот закончится? Я не могла не отомстить ему, понимаешь? Мы с Игорем даже не успели толком пожениться, а этот упырь ради денег...

Валерия вдруг заплакала. Она рыдала навзрыд, закрыв руками лицо, совершенно не заботясь о том, что ее кто-то видит в минуту слабости. Пружина внутри нее, которая сжималась два года, неожиданно лопнула, и холодная и расчетливая Наталья уступила место мягкой и ранимой Лерочке.

Внезапно она посмотрела на Настю и тихо спросила:

– Твоя юбка... она... красная?

– Да... – растерянно ответила Настя. – А что?

– Я вижу... я снова вижу красное, – захлебываясь слезами, проговорила Валерия.

Год спустя

«Дорогая Настенька, огромное спасибо тебе за книжку. Ты большая умница, я читала не отрываясь и не могла поверить, что это ты написала. Ты настолько хорошо прочувствовала, так точно все описала, что у меня перед глазами снова встало мое прошлое. И мой Игорь... Жаль, что ты его плохо знала. Но вышел он у тебя именно таким, каким и был в жизни. Желаю тебе успехов, дорогая, а если сможешь, приезжай ко мне – отдохнешь, наберешься впечатлений. У нас сейчас просто замечательно, улицы еще не успели пропылиться, зелень свежая, все цветет и радует глаз. Знаешь, Настюша, а ведь май, оказывается, самый лучший весенний месяц, как я могла этого не замечать несколько лет? Словом, приезжай, сама все увидишь. Обнимаю тебя. Твоя Лера».

Нажав на «Отправить», женщина в белой широкополой шляпе и легком брючном костюме закрыла маленький ноутбук и потянулась к чашке с кофе. В небольшом парижском кафе было мало посетителей – стояло раннее утро. Но эта дама была здесь завсегдатаем, и обслуживающий персонал успел привыкнуть к ее ранним визитам и долгим посиделкам.

Рядом сразу возник официант:

- Мадам, ваш кофе остыл. Я принесу другой.
- Не нужно, Жак. Принеси мне лучше бокал вина.
- Красного? – уточнил юноша, и женщина улыбнулась:
- Ты же знаешь, я не пью другого.

Гатяна Луганцева
Фейсконтроль на тот свет

Глава 1

Ты чего так вырядилась? – удивилась Ольга, глядя на Киру с явным недоумением.

Ее подруга Полунина Кира всегда отличалась яркой внешностью, абсолютным вкусом в одежде и невероятным сексуальным притяжением для мужчин. Это была миниатюрная блондинка с яркими бирюзовыми глазами, пухлыми губами, маленьким носиком и очень женственной, хрупкой фигурой. Свои волосы длиной ниже плеч Кира обычно укладывала в крупные кудри и оставляла распущенными болтаться по спине. Она, несмотря на небольшой рост, всегда привлекала всеобщее внимание, а для мужчин обладала какой-то магической силой притяжения. В принципе, из-за этой магической силы она и пострадала. К двадцати девяти годам эта нежная девушка имела за плечами два развода, много ни к чему не обязывающих связей и была полностью опустошена. Почему-то мужчины хотели от нее исключительно секса, а поняв, что к внешнему великолепию прилагается еще и голова с мозгами, жутко смущались, пугались и страдали от комплекса неполноценности. А потом они просто исчезали, не объясняя причин и пряча глаза при случайных встречах.

Кира принимала удары судьбы стойко, но не переставала надеяться на чудо, а именно – на встречу с человеком, с которым она проведет остаток жизни.

– А старость мы встретим в небольшом загородном домике.

– Коттедже? – уточнила Ольга.

– Нет, скорее в воображении я вижу домик дачного типа, – ответила Кира.

– И ты готова жить на даче с одним мужчиной? – искренне удивилась подруга.

– По-твоему, я должна зажигать с ротой гусар где-нибудь в Париже? – засмеялась Кира.

– По крайней мере, тебе это больше бы подошло, – ответила ей Ольга – самая близкая подруга Киры, рискнувшая еще в студенческие времена дружить с такой красоткой, увозящей парней у всех девчонок.

Оля поняла, что не Кира их уводит, а на нее мужики ведутся сами, словно мухи на мед. А виной тому было природное обаяние и сексуальность Киры. Сама Ольга была давно и благополучно замужем за талантливым архитектором Романом. Несмотря на то, что, по общепринятым понятиям, Ольга была дурнушкой, Роман любил только ее, никогда в жизни не приставал к красавице Кире, и у них с Ольгой была очень крепкая и счастливая семья.

– Я хочу, чтобы у меня было, как у вас с Ромой, – вздохнула Кира.

– Как? – заинтересовалась Ольга.

– А то сама не знаешь?.. Так вот! Душа в душу, без особых страстей, эмоций, выяснения отношений...

– Звучит скучно, – отметила Ольга.

– Ничего ты не понимаешь! Это и есть счастье! Дура, цени это! У вас с Ромой стопроцентное совпадение. Если бы ты только знала, как изматывают страсти и семейные разборки!

– Этого я действительно не знаю, – вздохнула Ольга.

– Вот и поверь моему горькому опыту.

– Ладно, поверю, – примирительно сказала Оля – пышнотелая блондинка с детским добродушным лицом. – И я верю, что и у тебя все будет так, как захочешь ты, Кира. Ты – яркая и сильная личность, и, как у нас с Ромой, тебя не устроит. У тебя все будет по-другому, но тоже правильно.

– Я просто не знаю, как ты меня терпишь все это время, спасибо тебе, подруга, – поблагодарила ее Кира. – Твоими бы устами...

В данный момент Кира стояла перед Ольгой в самом нелепом виде. Волосы были убраны под платочек в горошек, фигуру закрывало длинное темное пальто, явно отнятое Кирой у какого-то бомжа, а может быть, выторгованное у него же за бутылку водки. Из-под странного пальто висел подол теплой юбки серо-зеленого цвета. Довершали ансамбль высокие сапоги-стрейч со стоптанными каблуками, которые почему-то на ее ногах висели спущенной гармошкой.

– Нормалек? – уточнила Кира.

– Какой «нормалек»? Ты с ума сошла?! Ты куда так вырядилась? – спросила Ольга, думая, что подруга сбрендила.

– Как куда? Куда ты меня порекомендовала, – ответила Кира.

Оля еще не свихнулась и прекрасно помнила, что предложила Кире вчера.

– Я нашла тебе работу! – радостно сообщила она. – Через знакомых, не думай, что просто так! Я сама, конечно, не знаю, что там, но сказали, фирма солидная. Вот тебе телефон руководителя. Он сказал, как только ты соберешься, позвони ему, и он сообщит, куда подъехать.

– А что, офиса нет?

– Он все время в разъездах, – не очень уверенно ответила Ольга.

– А у этого таинственного типа имя есть? Как мне ему представиться? – спросила Кира.

– Так и представишься, мол, Кира Полунина от знакомых по поводу работы секретарем.

– От каких знакомых?

– От моих, ты их не знаешь, и фамилия тебе ничего не скажет.

– Очень хорошо! А твоя фамилия ничего не скажет ему, – сделала логическое заключение Кира.

– Зовут его Томилин Эдуард Рудольфович, – вспомнила Ольга, и почему-то уже тогда Кира подумала, что начало не очень многообещающее.

И вот сейчас Ольга смотрела на нее с нескрываемым возмущением и негодованием.

– Зачем ты так вырядилась? Ты же идешь устраиваться на работу! У тебя же в школе золотая медаль была, а в вузе красный диплом!

– Точно! – перебила ее Кира. – Диплом-то я и забыла, но, если мы с Томилиным договоримся, я его всегда успею подвезти!

– Кира, опомнись! Где твой безупречный вкус?

– Я оделась так именно потому, чтобы мой красный диплом не затмила моя внешность, – пояснила Кира, нацеливаясь на коридорную полку подруги, где та хранила свои старые шапки, причем всех сезонов – от бейсболок и панам до ушанок и толсто связанных «чулков» с орнаментом и продолговатым вырезом для лица.

– Я поняла! – хлопнула себя по лбу Ольга. – Ты хочешь, чтобы оценили твои профессиональные качества, а не твою внешность!

– Какая ты умная! – улыбнулась ей Кира, она даже при полном отсутствии косметики выглядела весьма мило.

– Но это же глупо! Кто тебя возьмет секретарем в таком виде? Ты же не в пивной ларек идешь устраиваться!

– А ты и сама не знаешь, куда я иду, – отмахнулась Кира.

– Ну, уж не в пивной ларек точно!

– Ты не знаешь! – упрямо повторила Кира и нахлобучила на голову панамку с цветной аппликацией Винни-Пуха. – Как тебе?

– Никак! – огрызнулась Ольга. – А что обо мне подумают мои знакомые? Я же сказала, что хлопочу для лучшей подруги.

– Друзья бывают разные... опустившиеся и потерявшие в жизни тоже! Нет, цвет этой панамки не идет к моему лицу. Перезагорала я зимой в солярии... Не находишь?

– Нахожу, что, оказывается, ультрафиолетовые лучи плохо влияют и на внутренние органы человека, то есть на мозги, – надулась Ольга, наблюдая, как Кира меряет ее головные уборы.

– Ничего ты не понимаешь...

– Где уж мне!

– Я ушла с пяти мест, где шефы сексуально домогались меня, и, как потом выяснилось, меня принимали на те должности исключительно благодаря моей внешности. Во мне не видели человека, не видели профессионала! – возмутилась Кира.

– Ты в точку попала! А в этом наряде все сразу оценят твои умственные способности! Ты потянешь на президента компании! Этаким зипун или шушун.

– Какой шушун?

– Ну, как там у Есенина, «выходила на дорогу в старомодном ветхом шушуне», – пояснила Ольга, и Кира расхохоталась.

– Ну, ты и выдумщица, подруга! Шушуне... Я задавлю начальника своим интеллектом, не переживай! Дай мне шанс!

– Ты его уже упустила, – вздохнула Ольга, – можешь даже и не ездить.

– Нет уж! Я съезжу! И не ругай меня больше, хоть один раз дай мне сделать так, как я хочу.

– Ладно, валяй! Ты знаешь, что я не могу долго выносить твои стенания, – нахмурилась Ольга.

– Вот что! Займись русским языком! Шушун, стенания... ты стала как-то странно выражаться. А надену-ка я вот эту задорную бейсболку с символом «Кока-колы».

– Не позорь крупную компанию! – пряча улыбку, сказала Ольга.

– Она американская, а я против НАТО! – пояснила Кира.

– Ладно, иди уже... Я против «Макдоналдсов», а значит, против Америки и против НАТО тоже.

– Нас назовут американофобами. – Кира посмотрела на себя в зеркало и лихо сдвинула бейсболку на

затылок.

– А как ты объяснишь, что в таком виде едешь на достаточно дорогой «Мазде»? – хитро прищурившись, спросила Ольга.

– Скажу, угнала, – пожалала плечами Кира, – нет! Лучше – взяла в кредит. Теперь, мол, мне очень нужны деньги, и я готова много и плодотворно работать. Я – очень ценный кадр, между прочим! – Кира козырнула подруге и покинула ее квартиру.

Она набрала номер сотового потенциального босса, и ей после непродолжительной паузы ответил приятный мужской голос:

– Да?

– Здравствуйте. Я – Кира, и у меня есть надежда, что вы любите необычные имена. – Кира почему-то глупо хихикнула.

– Я ценю ваш юмор, но еще больше ценю свое время, – ответил ей Эдуард Рудольфович.

– Намек понят! Я звоню насчет работы от людей, которых не знаю, но которые должны были с вами поговорить по поводу меня.

– Все, я вспомнил. Здравствуйте, Кира.

– Я бы хотела с вами сегодня встретиться и обсудить условия труда, – сказала Кира.

– Очень хорошо! Подъезжайте в обеденное время, часам к двум, в кафе «Аист на крыше», адрес вам продиктует мой помощник. Я буду там вас ждать.

– Как я вас узнаю?

– Спросите у бармена Юры, он покажет, – ответил будущий шеф.

Они попрощались, и, после того, как ей был сообщен адрес, связь отключили.

Глава 2

Кира со вздохом посмотрела на часы: до встречи оставалось еще три часа, но перечить потенциальному боссу она не могла. В целом разговор ей понравился, и забрезжила слабая надежда, что она наконец-то найдет нормальное место, будет зарабатывать деньги и перестанет зависеть от мужчин. Почему-то все мужики, встречавшиеся Кире на жизненном пути, мечтали видеть ее исключительно на кухне с поварешкой в одной руке, сковородкой в другой и изучающей сразу две книги одновременно: «Поваренная книга» с аннотацией «Как ежедневно готовить для любимого разнообразные вкусные ужины», и вторая, естественно, «Камасутра» или «Как доставить любимому и единственному мужчине незабываемое удовольствие в постели?». Причем каждый раз это удовольствие должно быть по-разному незабываемым и следовать желательно сразу же после незабываемо вкусного ужина. Как-то вот так она должна была изловчиться. О том, чтобы самой выйти на работу и самореализоваться, не могло быть и речи. Сразу же возникало кислое лицо, отстраненный взгляд и комментарии: «Там же мужчины... ты не будешь ждать меня дома, ты будешь уставать... я сам достаточно зарабатываю...» Причем, когда Кира поднимала вопрос о рождении ребенка, энтузиазма в глазах своих партнеров она тоже не видела. На сей раз шли в ход отговорки: «Да мы не пожили для себя», или «Успеем еще», «Я пока не готов стать отцом», или «Ребенок (ты не представляешь) – это столько проблем!».

Сейчас все эти постные лица стояли перед глазами Киры.

«Почему я только теперь стала задумываться о своей жизни? Взрослею? Подхожу к тридцатилетнему рубежу? Умнею? Наконец-то перестану прятаться в раковину от своих проблем и просто плыть по течению? Хочу стать матерью? Хочу чего-то достичь в жизни? Боже мой, сколько вопросов и пока ни одного стоящего ответа. Ясно одно, я хочу что-то изменить в своей жизни, не знаю, каким способом, но сделать это обязательно надо...» – размышляла Кира, сидя в своей «Мазде».

Было начало апреля. Самый любимый Кири́н месяц.

Март давал ей психологическое ощущение, что уже весна, но еще нет теплой погоды, нет зеленой, проклюнувшейся травки, веселых трелей птиц и теплого, ласкового солнца. Все эти признаки весны дарил именно апрель – месяц с таким красивым, мелодичным названием, несколько на французский манер.

Кира опустила стекло и посмотрела на двор дома Ольги. Снег уже сошел полностью, обнажив асфальт и землю, покрытую маленькими усиками зеленой травы. Было еще несколько неопрятно, грязно после переходного периода с зимы на весну, но воздух стал теплый, волнующий и вызывающий надежды на что-то хорошее. Совершенно не хотелось думать о том, что в свое время придет осень и все это так же благополучно умрет, как и пробудилось. Впереди было лето – пора коротких юбок, посиделок в открытых кафе допоздна, время отпусков и полной расслабухи от зимней депрессии. Все было впереди, и это не могло не радовать. На детской площадке резвились дети в разноцветных шапочках и легких одежках. Увеличившийся в два раза в размерах голубь усиленно ухаживал за серой голубкой. Эта картинка очень напоминала подобные ситуации из жизни людей.

«Это же надо так уметь, – удивлялась Кира. – Не имеет ни пышного хвоста, никаких других достоинств, а увеличивается до размеров индюка. Эта дура уши развесит, даст ему совершить то, что требует природа, и голубь сразу же станет тем, кто он есть на самом деле. Надо же, как нас, баб, дурят...»

Кира посмотрела сквозь голые, полупрозрачные кусты и обратила внимание на крупную серую ворону, занятую важным делом. Она держала в клюве прутик, а лапой усиленно приминала его, придавая необходимую гибкость для постройки гнезда.

«Все заняты делом», – вздохнула Кира, вспомнив о своем, девичьем. С последним гражданским мужем она рассталась полгода назад и сейчас находилась в свободном плавании. Встретив его не так давно в гостях у общих друзей, Кира с ужасом поняла, что это абсолютно чужой для нее человек, какой-то незнакомец, с которым она прожила два года. Она потеряла впустую два года жизни, потратила их на неизвестно кого. Они сухо поздоровались, и оба чувствовали себя весь вечер не в своей тарелке. Киру даже не тянуло к нему, и она не испытывала никаких ностальгических чувств.

«И не любовь это была... – с ужасом поняла она. – Неужели никого в жизни я и не любила по-настоящему?»

«Может, я поверхностный, неглубокий человек, неспособный на сильные чувства?» – думала сейчас Кира мрачно, и даже апрель бессилён был поднять ей настроение.

Глава 3

Ольга в это время стояла у окна и тоже смотрела во двор. Роман, вставший в середине дня, так как засиделся за работой ночью, вышел из спальни и обнял жену за плечи.

– Доброе утро.

Это был высокий и худой мужчина под сорок, с отсутствием волос на голове, но зато его голую грудь, мелькавшую в распахнутом халате, черная растительность украшала щедро.

– Привет, – не отрывая взгляда от окна, ответила Ольга. – Прости, я не приготовила завтрак, совсем заболталась.

– Кто приезжал? Небось Кира? – спросил Роман зевая.

– Она. Вот смотрю, машина ее никак не уезжает от нашего подъезда. Что она там делает?

Роман бросил рассеянный взгляд в окно.

– А... что ей еще делать? Болтает с кем-нибудь по телефону. Что ты так за нее переживаешь? Одинокая, без детей, с жильем, с дорогой машиной, у нее все хорошо. Лучше о себе подумай.

– Рома! – повернулась к нему Ольга. – Почему у тебя благополучие человека измеряется в квартирах и машинах? Я знаю бедных людей, живущих впятером в одной комнате в коммуналке и при этом очень счастливых...

– И много богатых людей, которые тоже плачут, – закончил за нее мысль Роман и поцеловал жену в лоб.

– Именно так! Главное – душевный комфорт!

– Для этого душа у человека должна быть богатая, внутренний мир развитый. – Роман пошел в ванную комнату, на ходу делая движения руками, которые должны были означать зарядку для мышц плечевого пояса.

Ольга, на секунду задумавшись, кинулась за ним следом.

– Постой! Что это ты пытаешься мне сказать? Что у Киры нет души?!

– Твоя Кира – легкомысленная стрекоза, порхающая по цветам жизни. Она не принимает ничего близко к сердцу, – ответил Роман не поворачиваясь.

Туалетная комната в квартире семьи Истоковых была выполнена в зеленых насыщенных тонах. И кафель на стенах, и раковина, и ванна. Такая малахитовая шкатулка.

– Это Кира-то легкомысленная стрекоза?! – выдохнула Ольга. – Ты что, Рома? Ты никогда мне так не говорил! Встал не с той ноги?!

– Успокойся, Оля, я говорю правду. Закрой дверь, дай мне принять душ, – попросил он.

– Я никуда не уйду! Я требую объяснений! – встала в дверях Ольга.

– О господи! – закатил глаза Истоков. – Ну что ж, как знаешь.

Он скинул халат и залез в ванну, закрыв ее пробкой и включив теплую воду.

– Ты же хотел принять душ? – заметила Оля.

– Я передумал. Я вовремя понял, что мне уже с утра понадобится релаксирующая ванна с пеной, – ответил Рома, выливая в прозрачную воду целый колпачок кокосового мыла. – А то у меня сегодня день не задастся, ведь я посмел сказать что-то не очень лестное о твоей подружке.

– Я не знала, что ты такой...

– Какой? – повернул к жене лысую голову Роман.

– Двуличный! Кире в глаза всю жизнь улыбаешься, а за глаза мне выдал такое! – пояснила Ольга.

– Я боялся такой твоей реакции. Ты же со своей Кирой носишься как курица с яйцом! Только и слышу: Кира, Кира, Кира, Кира. Мне иногда кажется, что я с ней живу. Ты не имеешь своего мнения и все время восторгаешься ею! Я иногда даже думаю...

– Да судя по тому, что ты несешь, ты, похоже, вообще не думаешь! – Ольга прислонилась к косяку, чтобы унять сердцебиение. – Ты ревнуешь меня к подружке? Я не верю своим ушам!

– Я не ревную, не говори глупости.

– Это ты несешь полный бред! – огрызнулась Ольга.

– Оля, что с тобой?! Мы из-за нее уже ссоримся! Ты никогда не говорила со мной таким тоном! – выглядывая из сверкающей всеми цветами радуги пены воскликнул Роман.

– Ты никогда мне не говорил ничего подобного, – ответила она.

– Мне холодно, закрой дверь, потом договорим, – буркнул Роман.

– Нет уж! Мы договорим сейчас, а то я перекрою воду в трубах, – возразила Ольга, заходя в ванную и

закрывая за собой дверь.

– Ты просто одержима своей Кирой.

– Поясни, почему ты ее так не любишь. Она – моя приятельница, мы понимаем друг друга с полуслова, с полувзгляда. Мы как одно целое, если Кира так тебя раздражает, то и я должна вызывать у тебя отрицательные эмоции. – Ольга вытащила из-под раковины складной пластиковый стульчик, на котором иногда сидела, паря ноги перед педикюром, и решительно уселась напротив мужа.

– Не говори чушь! Ты знаешь, что я тебя люблю! При чем тут ты и мое отношение к твоей подруге? Вы абсолютно разные! Ты завидуешь ее смазливой внешности? – спросил Роман.

Ольга звонко рассмеялась.

– Я понял! Ты такой же, как все! У нее не смазливая внешность, она просто красавица! С ней никто никогда и не дружил, кроме меня, из-за зависти и злобы. А я не знаю, что такое зависть, поэтому мы и подружились. Вот так вот! Меня никогда не смущало, что все парни обращали внимание только на нее, я видела в ней глубокого человека, а не смазливую девицу! И до сего момента я считала, что я счастливая женщина, раз столько лет живу с мужчиной, который, как мне казалось, всецело меня понимает! А ты, оказывается, носил камень за пазухой!

– Оля, остановись! Так мы черт знает до чего договоримся! Я не лгал тебе, я все тот же любящий мужчина! Давай прекратим этот разговор!

– Нет! Что ты имеешь против моей подруги?

Роман набрал воздуха в легкие и ушел под воду. Ольга закрыла кран, так как ванна уже была набрана до краев, и сразу же установилась мертвая тишина. Роман вынырнул с шумным выдохом.

– Ну, хорошо! Хочешь правду? Я за тебя переживаю, – сказал он.

– За меня? А при чем здесь я? – спросила Ольга.

– В своем вечном обожании Киры ты ничего не видишь и не замечаешь. Я боюсь, что она плохо на тебя влияет.

– Что?! – рассмеялась Ольга. – Рома, ради бога, ты о чем? Мне скоро тридцать лет, о каком влиянии ты говоришь? Я уже взрослый человек!

– Этот ее легкомысленный образ жизни... Сколько мужчин у нее было? Вдруг ты тоже захочешь приключений, смены партнера? И какие у вас могут быть общие интересы? Ты – семейный человек, Кира – свободна.

Ольга с нескрываемой теплотой посмотрела на мужа.

– Не знала, что у тебя такие комплексы. Надо было не держать это в себе, а давно высказать мне свои опасения. Все совсем не так, как ты себе представляешь. Не так уж и много мужчин у нее было, и она вовсе не гордится своим образом жизни и никуда меня не втягивает. Между прочим, Кира всегда очень хорошо отзывалась о тебе и о нашей семье. Она часто говорит мне, что я – счастливая женщина, раз встретила тебя, и должна держаться за свое счастье, а не размениваться по мелочам. Что? Не веришь? Кира представляется тебе легкомысленной стрекозой, пропевшей свое лето? Это совсем не так! Просто она не хочет показывать свою боль, поэтому и складывается впечатление, что у нее все хорошо. Но я-то ее знаю, знаю, как никто другой. У Киры, между прочим, очень трагичная судьба. Обещай, что не скажешь ей, она не любит, когда ее жалеют.

– Клянусь, – ответил заинтригованный Роман.

– Я и сама не все знаю, мы подружились с ней в институте, но кое-что я поняла по обрывкам из разговоров, а иногда в редкие минуты откровенности слышала и от самой Киры. Вот скажи, ты кто?

– Я? В смысле? Роман Дмитриевич...

– В смысле профессии, – перебила его Ольга.

– А... я – архитектор.

– Между прочим, не из последних специалистов в этой области, и я очень горжусь, что живу с талантливым человеком. А я кто?

– Ты у меня не менее талантливая скрипачка, – улыбнулся Роман, – музыкант с большой буквы.

– Да, я – ведущая скрипка в известном оркестре, езжу по гастролям, выступаю в филармонии, дарю людям радость наслаждения музыкой, и, самое главное, я занимаюсь любимым делом.

– Это так, и что? – Роман не понимал, к чему клонит жена.

– Вот ты бы хотел остаться без своего любимого дела, без музыки, воплощенной в камне?

– Нет, я бы не смог, – ответил Роман не раздумывая.

– А Кира смогла... И не нам судить, что жизнь ее без этого сложилась не так, как ты хотел бы, – ответила Ольга, вытирая пот с лица вафельным полотенцем.

– Я пока не понимаю...

– А я не знаю, с чего начать, – ответила Ольга, собираясь с мыслями. – Кира росла без отца, он погиб, когда ей было около трех лет. По поводу мамы я мало чего знаю, Кира всегда очень неохотно касалась этой темы. Знаю одно, что сейчас матери тоже нет в живых, но умерла она много позже отца Киры. Думаю, что там все было не очень хорошо. Кира никогда не приглашала меня в гости в студенческие годы. Первый раз я появилась у нее в доме, когда ее мамы уже не было в живых. Не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, но думаю, что она пила. Наверное, ты считаешь, что Кира неудачлива не только в личной жизни, но и на профессиональном поприще?

– Я знаю, что вы вместе учились в консерватории... – пожал плечами Роман, подливая в ванну холодной воды, но от поднимающегося пара все зеркала и кафельные поверхности уже покрылись испариной.

– Ну, да. А еще ты знаешь, что она никогда не работала по специальности. Так вот что я тебе скажу! Кира была самой талантливой скрипачкой у нас на курсе, а может, и в институте. Она – самородок. Она с отличием окончила музыкальную школу и была без экзаменов принята в консерваторию. Идеальный слух от природы был доведен в консерватории до совершенства. Кира бы сейчас гремела на весь мир! Я по таланту в подметки ей не годилась. И не думай, что я преувеличиваю. У нее дар от бога!

– И почему же она в таком случае не гремит на весь мир? – спросил Роман, выглядевший очень забавно с пенной на голове в виде хохолка. – Виною тому лень? Или увлечение парнями?

– А это уже совсем другая история, и лень здесь совсем ни при чем. – Ольга посмотрела на себя в зеркало. – В этой истории замешана ваша покорная слуга, и боюсь, что тебе она не очень понравится... Киру приглашали ведущие оркестры, дело близилось к окончанию института. Новый год на последнем курсе с моей легкой подачи мы решили встретиться на даче у моего знакомого. Мы с Кирой нарядились, как и положено девушкам, решившим отметить праздник в компании симпатичных парней. Еще раз повторю, это была сугубо моя идея и мои знакомые. Не смотри на меня так. Это случилось еще до тебя, и я не скрывала, что не была монашкой. Так вот, в положенный час к остановке троллейбуса, где мы договорились встретиться, подъехали красные «Жигули» одного из парней, второй сидел рядом. Мы с Кирой сели на заднее сиденье, и машина поехала на дачу, находящуюся в пятидесяти километрах от Москвы... А дальше начался ад. Мне и сейчас вспоминать тяжело...

– Не вспоминай, успокойся, на тебе лица нет.

– Нет уж... Сегодня вечер, то есть утро откровений. Прямо мороз по коже... Мы не сразу с Кирой поняли, что они уже приняли «на грудь», так сказать, разговелись перед Новым годом. Мы возмутились, но парни нас не слушали. Они утверждали, что все будет хорошо, что милиционеры тоже готовятся встречать бой курантов, дороги пусты и мы глазом моргнуть не успеем, как приедем на дачу. Да... да... так и говорили: «Снегурки, не волнуйтесь, все будет хорошо». Мы были молоды и глупы, ветер свистел в голове. Дороги в Подмоскowie действительно были безлюдные, но и не расчищенные. Мы быстро сбились с пути, заехали в какой-то лес. Парни начали ссориться, говорили, что один дурак не туда свернул. Время уже приближалось к двенадцати, машина шла на большой скорости. Заносы на дороге, плюс выпивший водитель, плюс наши стенания, что связались с идиотами... В общем, случилось то, что случилось. Водитель не справился с управлением, машина съехала с дороги, не вписавшись в поворот. Остановило нашу бешеную гонку крепкое дерево. Машина получила существенные повреждения. А из всех нас четверых пострадала только я. Так получилось, я неудачно сидела, это ирония судьбы. Я расшибла себе висок, поллица, и всю мою праздничную одежду залила кровь! Но это было не смертельно. Больше всего у меня пострадала нога... Их защемило, и они оказались сломанными. Странно, но я особо и боли-то не чувствовала, я вообще не чувствовала ног. Они ниже коленей просто онемели. Конечно, я находилась в состоянии шока, но очень хорошо помню события той ночи. Когда все выбрались из машины, а меня вынесли и положили на снег, ребята испугались, что меня угробили. Я от болевого шока была без сознания, кровью была залита половина туловища. Они знали, что им не поздоровится, если дознаются, что за рулем был нетрезвый водитель. И знаешь, что они сделали? В жизни не догадаешься... У меня это до сих пор в голове не укладывается. Эти два здоровых бугая совершенно спокойно бросили нас в лесу!

– Как это? – опешил Роман.

– Легко и просто. Оставили нас в лесу, как нежелательных свидетелей, и уехали. Все было именно так, как я сказала. Уехали... Они спасали свои шкуры, а напоследок сказали, что, если мы заявим в милицию об аварии, они ничего не подтвердят, и мы ничего не докажем. Мы остались вдвоем неизвестно где, по колено в снегу в двадцатиградусный мороз, несчастные и одинокие. Ты не представляешь, Рома, что мы пережили. Меня спасло то, что я плохо соображала от боли и была совершенно беспомощна. Уже сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что спастись у меня шанса не было. Минимальный шанс был у Киры, так как она была невредима и могла попытаться что-то сделать. А она, Рома, не бросила меня. Она взвалила

достаточно тяжелую девицу на свои хрупкие плечи и поволокла из леса по морозу... по снегу... без всякой уверенности, что мы хоть куда-то выйдем. Я же не могла пошевелиться и от этого жутко мерзла. Кира боролась за мою жизнь с самоотверженностью героини. Она натянула на мои руки свои варежки, чем и подписала себе приговор... Нет, конечно, мы спаслись! И ты это видишь, общаясь со мной, живой, здоровой и успешной. Звезда удачи тогда была на моей стороне. Кира выволокла меня на дорогу. Нам пришлось долго ждать попутку, но мы ее дождались и поехали в Москву, конечно же, в больницу... Два месяца в гипсе, полгода реабилитации... и ты получил свою жену, у нас с тобой все хорошо. А вот Кира...

– Что?

– У нее не было сотрясения мозга, не было порезов, то есть при аварии она не пострадала, я уже говорила об этом. Но, спасая меня, Кира сильно обморозилась. Руки, ноги... долгое лечение и осложнения. Парализация двух пальцев и онемение кончиков пальцев... Смертельно? Нет! Катастрофа? Да! Да! Да! Для музыканта уровня Киры – да! Мы до последнего дня надеялись, что чувствительность вернется, что все у нее восстановится, но нет... с каждым месяцем надежда таяла. Сейчас уже поздно думать, что что-то изменится. Восемь лет прошло.

– Она не смогла играть? – спросил Роман совсем другим голосом.

– Нет... дело не в этом. Играть она смогла бы и в более плачевном состоянии на твердую троечку. А вот играть так же гениально, как играла Кира Полунина до обморожения, она уже не смогла бы никогда в жизни. А кто будет есть в дешевой столовой, если привык питаться в дорогущих ресторанах? – сказала Оля, вставая и споласкивая лицо холодной водой. – Кира доучилась и сдала экзамен. Да, она играла с не ощущающей абсолютно ничего рукой. Ей поставили зачет с оценкой «хорошо» за ее бывшие заслуги. Ей впервые в жизни поставили «четыре», а ее преподаватель музыки Рафия плакала, не скрывая слез. Эта игра была абсолютно другой, неплохой, но не способна была задеть душу. Талант и гений были безвозвратно утрачены. Кира стала как все, и, конечно, для нее это явилось непоправимым ударом. Она – всегда связывающая себя только с музыкой, осталась вне ее. Она потерялась в жизни, выпала из нее... После этого Кира совсем растерялась, вот и пошли ее не очень удачные мужчины один за другим и неудачные браки тоже. Ей постоянно был нужен человек, к которому она могла бы прислониться, образно выражаясь, за спину которого могла бы спрятаться, потому что Кира пряталась от жизни, у нее отобрали самое дорогое. Она стала зависимой от своих мужей, потому что другой специальности не имела, а работать вне музыки она не знала как. Вот такая история... Я живу и работаю только благодаря Кире...

После рассказа Ольги в ванной воцарилась такая тишина, что было слышно, как лопаются мыльные пузыри. Роман встал, накинул на себя большое вафельное полотенце и вылез из ванны.

– Извини, я не знал, я в шоке... не предполагал, что все так было. Ужасная история...

– Просить прощения тебе надо не у меня, а у Киры. – Ольга открыла дверь и вышла в коридор.

– Мне стыдно! – Роман зашлепал босыми ступнями по полу, следуя за женой.

– Это то, что я хотела от тебя услышать, и надеюсь, ты говоришь совершенно серьезно, – сказала она и вдруг, сильно покачнувшись, чуть не упала.

– Дорогая, что с тобой? – кинулся к ней Роман, подхватил на руки и устроил в кресле. – Что с тобой? Ты такая бледная! Оля? Олечка, не пугай меня... что мне сделать? Что не так? Что принести?

– Да не суетись ты, все хорошо... сейчас отдышусь... Очень душно было в ванной...

– О чем ты говоришь? Как душно? Да ты же всю жизнь в сауну ходишь, такие температуры выдержишь! – Роман подсунул под ее голову удобную подушку.

– Так это раньше... Сейчас все изменилось. Ты не виноват, мне самой надо привыкать к новой жизни, – улыбнулась Ольга.

– Я не понимаю...

– Я жду ребенка, Рома, вот так вот, – ответила Оля и расплакалась.

И было от чего. Долгих семь лет они пытались сотворить это чудо, но безуспешно. Реакция Романа на ее сообщение была весьма предсказуемой. Сначала он не понял, потом не поверил, а затем стал радоваться и прыгать, как дитя.

– Ребенок! Ребенок! Господи, спасибо! Это просто чудо! Я знал, верил, я же тебе говорил, что все у нас получится! Ребенок... а ты не ошиблась?! – насторожился Роман.

– У меня есть медицинское заключение.

– А кто будет? – спросил ликующий Роман.

– Или мальчик, или девочка, – пожал плечами Ольга.

– Ну да. Ну да... Боже мой, как же я рад! Я до конца не могу поверить! Какое счастье! Любимая, почему ты молчала? Когда ты узнала?

– Вчера.

– Почему сразу не призналась?

– Я хотела это сделать в более торжественной обстановке, – пояснила Ольга.

– Мы так долго этого ждали. Спасибо, любимая, – целовал ей руки Роман. – А я-то, грешным делом, подумал, что ты и в этом берешь пример с Киры! Мол, не модно заводить детей или они доставляют много хлопот уже состоявшимся людям. Какой же я идиот! Почему я так ее воспринимал? Почему я обидел тебя? – искренне расстраивался Роман.

– Просто Кира всегда улыбается и не пускает никого в свою душу, и создается впечатление, что она легкомысленная, непостоянная и поверхностная, – ответила Ольга, незаметно вытирая слезы.

– Прости меня! Я – идиот, никогда больше не буду так говорить о твоей подруге. – Роман уткнулся ей в колени лысой головой. – Зачем она приходила?

– Так... поболтать... Наконец она внутренне созрела для того, чтобы что-то изменить в своей жизни. Она решила выйти на работу в качестве секретаря. Кира уверена, что у нее получится. Кира достаточно хорошо знает компьютер, знает очень хорошо английский язык, так как целый год прожила в Лондоне со своим первым мужем. Пусть она не работала, а лишь сидела в роскошной съемной квартире, но, являясь очень коммуникабельным человеком, она общалась и с соседями, с друзьями и коллегами мужа, которые приходили к ним в гости. В общем, язык она выучила довольно-таки прилично. А тут мои знакомые как раз спросили, нет ли у меня на примете хорошо образованной женщины на должность помощника руководителя фирмы. Я, конечно, сразу же подумала о Кире.

– Помощник руководителя, звучит несколько двусмысленно, – откликнулся Роман.

– Да у нее были уже попытки начать карьеру, неудачные из-за приставания босса. Но одно дело искать работу самой, с улицы, так сказать, и совсем другое – идти по знакомству. Я мужчину, которому нужен помощник, лично не знаю, даже не видела никогда, но, со слов моих знакомых, он очень порядочный человек, и это вселяет надежду, что Кире наконец-то повезет! Она встанет на ноги, поймет, что может найти себя не только в музыке. И тогда у нее все будет хорошо.

Роман встал и подошел к окну.

– Ее машины уже нет, она поехала на встречу. Бог ей в помощь.

И его жена поверила, что сказал он это искренне.

Глава 4

Кира уверенно вела машину к тому самому кафе, где ей назначил встречу потенциальный начальник. Водила автомобиль она уже давно, поэтому ездила без нервозности и ненужного лихачества. Одной рукой Кира держала руль, в другой – тонкую сигарету и вовсю дымила в открытое окно. Кира никак не могла бросить эту вредную привычку, она сама ненавидела себя с сигаретой, старалась курить без свидетелей.

«Как же далеко от Москвы он назначил мне встречу, может, там и располагается его фирма „Аист на крыше“? – думала Кира, периодически включая поворотники и перестраиваясь из одного ряда в другой. – Неужели мне придется ездить туда каждый день? А что делать? Хорошо, хоть машина у меня есть. Ладно, ничего, некоторые люди из Подмосковья каждый день в Москву на работу мотаются, а я буду наоборот. „Аист на крыше“ – интересное название для фирмы. Что оно может означать? Первое, что приходит на ум: это как-то связано с детьми... Я никогда не работала с детьми, но неплохо к ним отношусь, кстати, и они тянутся ко мне... Так что, думаю, это не страшно... Кира, уйми свое воображение! Уже планы строишь, может, это какой-то строительный бизнес, не имеющий к детям никакого отношения. Да и на работу меня еще не приняли, а я уже размечталась... Главное, чтобы это был не стриптиз-бар или массажный салон».

Погода совсем разгулялась, словно уже и лето заявило о своих правах. Она выкинула окурочек в окно и размотала шарф на шее. Какое-то смутное беспокойство поселилось у нее в душе. Кира, как музыкант, была очень эмоциональна и чувствительна. Иногда она вроде беспричинно начинала волноваться, предчувствуя что-то плохое. Самым печальным было то, что ее предчувствия часто оправдывались.

«Сейчас-то в чем дело? – занервничала она. – Хотя я переживаю, что у меня не получится опять... Да еще оделась так... Не перегнула ли я палку, может, Ольга права? Допустим, шефу как женщина я не понравлюсь, я бы даже предположила, что очень не понравлюсь, но где гарантия, что такое „чмо“ он возьмет на работу? Захочет ли Эдуард Рудольфович Томилин видеть столь непривлекательную женщину каждый день? Не перестаралась ли я?» – еще больше разволновалась Кира. Взгляд ее упал на яркую вывеску интернет-кафе. Она быстро оценила обстановку на дороге и резко остановила машину. Неприятности ее начались уже на входе в заведение, так как охранник не захотел ее пускать, с сомнением рассматривая одежду.

– Вы... сюда... зачем?

– Это кафе, я иду пить кофе, – ответила Кира, только сейчас понимая всю нелепость своей затеи – одеться так, чтобы изуродовать себя и не вызвать у будущего шефа никаких эротических мыслей.

– У нас кофе стоит сто рублей, – строго продолжил охранник.

Кира покраснела и решила брать наглостью, потому что ничего другого ей не оставалось.

– А в чем дело? Почему вы меня не пускаете?! Я не могу выпить кофе? Или вы думаете, что у меня нет ста рублей? Вам показать кошелек? – Кира достала из кармана своего страшного, «замшелого» пальто ключи с сигнализацией от автомобиля и нервно сняла и снова поставила его на охрану. Этот ход подействовал, видимо, охранник подумал, что если у этой весьма странно одетой женщины хватило денег на иномарку, хватит и на кофе.

– У нас интернет-кафе, – подчеркнул он первое слово, отступая в сторону с недовольной физиономией. Вообще Кира замечала, что у всех охранников обычно напряженные, недовольные и неприветливые лица. Целью их было вычленив нехорошего человека из толпы, скрутить его и получить за бдительность премию. А если люди вели себя адекватно, это не могло не раздражать охранников, ведь им не выпадал шанс показать всем, что они не зря едят свой хлеб.

– Я с удовольствием посижу в «Яндексе», – ответила ему Кира, чем ввергла его в шоковое состояние.

Никак нельзя было подумать, что эта тетка может что-то понимать в компьютерах.

Кира разместилась за экраном монитора и решила больше не портить себе настроение и не смотреть в злые, настороженные глазки, следящие за ней. Она заказала кофе, пачку сигарет – свои у нее закончились – и круассан с горьким шоколадом. Она вошла в Интернет и набрала искомую фирму «Аист на крыше». Из предложенного Кира выбрала то, что посчитала нужным, отсеяв рассказы об аистах от опытных орнитологов, и вошла в раздел. Поднос с кофе, круассаном и легкими сигаретами приземлился у нее на столике. И уж совсем лишним было то, что официантка зачем-то добавила:

– Туалет у нас за углом.

– Спасибо, я не хочу! – оторвала взгляд от экрана Кира.

– Я в смысле... руки помыть, – смутилась девушка и испарилась.

Кира вцепилась в компьютерную мышь и погрузилась в чтение. Уже через десять минут она узнала, что

фирма «Аист на крыше» сугубо благотворительная, организована неким Эдуардом Рудольфовичем Томилиным. По всей стране фирма искала слепых детей из детских домов, детей, которые никогда не усыновлялись из-за врожденного дефекта и пропадали потом в домах инвалидов или всю жизнь работали руками на каких-то несложных, рутинных операциях. В этом частном интернате детей развивали в художественном, эмоциональном плане. Из-за отсутствия зрения у них были обострены все остальные органы чувств. Эти дети часто обладали абсолютным музыкальным слухом. Именно музыкальное развитие и было уклоном в «Аисте на крыше». Ребенок через музыку учился выражать свои эмоции и чувства и становился намного богаче духовно. Так маленькие, никому не нужные инвалиды постепенно обретали смысл жизни.

У Керы внезапно защемило сердце и затуманились глаза. Видимо, это отразилось у нее на лице. К ее столику подошла официантка и, словно желая реабилитироваться, услужливо спросила:

– Вам плохо? Вам не понравился наш кофе?

– Да... то есть нет, то есть да... Кофе мне понравился, но мне бы сейчас граммов сто коньяку, хотя... что я несу? Я же за рулем... Девушка, принесите мне еще двойной эспрессо...

– Хорошо, – сказала официантка, кивнув.

Кира вернулась к «Аисту на крыше».

Это движение было очень нужным и нашло свой отклик в сердцах тысяч людей. Многие родители, дети которых в силу разных причин потеряли зрение, или просто люди, не отказавшиеся от своих слепых детей, очень хотели приводить своих отпрысков на занятия музыкой со специальными педагогами, имеющими опыт общения со слепыми. Чтобы они осваивали музыку и просто общались друг с другом, а также находили друзей.

Кира безжалостно нажала на кнопку компьютера, оповещающую о выходе из сети.

«Нет, нет и нет... Снова музыка... слепые дети и музыка! Это катастрофа... нет, нет и нет! Постой, меня же берут на должность секретаря, а не учителя музыки. Но даже этого я боюсь... Какая метаморфоза. Я не хочу близко подходить к этому делу, не хочу слышать слово „музыка“! Что же мне делать?! Нет, я не спятила, я понимаю, что мне надо было раньше обратиться к психотерапевту. Но я не обратилась, и это мешает мне сейчас пойти на работу в „Аист на крыше“ и даже издали слышать звуки музыки».

Кира залпом выпила горячий кофе, засунула в рот, не заметив этого, сразу две сигареты и, положив на стол пятьсот рублей, вышла из кафе. Она стояла и тяжело дышала, как боксер после ринга.

«Да что же это со мной? Просто приступ паники какой-то... я с ума сошла... Нет, хорошо, что я пробилась эту фирму, а то приступ случился бы со мной в кабинете этого Эдуарда Рудольфовича. Что бы он подумал обо мне? Ничего себе, пришла по знакомству. Мало того, что одета как нищенка, еще и с „приветом“. Все, решено! Я звоню ему и отказываюсь... я, мол, передумала, мне предложили другую работу, очень сожалею и, черт побери, ни слова про музыку!»

– Вам плохо? – высунулся из дверей интернет-кафе охранник, от чего Кира потеряла равновесие и упала с лестницы в три ступеньки. Охранник, и сам испугавшись, кинулся ей помогать.

– С вами все в порядке?

– Издеваетесь? Какой же здесь порядок? Оставьте меня в покое, я вам ничего не должна! – закричала Кира, вставая с асфальта и потирая ушищенное место.

Она даже не замечала, что две сигареты у нее во рту разошлись в разные стороны, словно язык у змеи. Что именно подействовало на охранника, неизвестно, но он мгновенно испарился из ее поля зрения.

– Тьфу! – выплюнула сигареты Кира и, хромя, поспешила к своей машине. Уже за рулем она, чувствуя, что ее знобит, несмотря на теплую погоду, набрала телефон Эдуарда, чтобы отменить встречу. Ей было стыдно, неудобно, страшно и дискомфортно, но свое психическое здоровье ей было дороже. Первым разочарованием для девушки было то, что телефон вызываемого ею абонента был временно недоступен, а вторым – что во время падения у нее порвались колготки и лопнула резинка на сапоге-стрейч на левой ноге. Голенище сапога безвольной тряпкой повисло у нее на ноге, являя миру рваные колготки.

«Да что же это такое? Почему он не берет трубку? Может, едет в метро? О чем это я? Там нет метро! Ну и денек сегодня! Вот развернуться бы и поехать домой, так бы и сделала, если бы не одно „но“. Не могу, чтобы о знакомой Ольги подумали, что она такая хамка. Человек приедет на встречу, будет меня ждать, а я не явлюсь безо всяких объяснений...»

После еще двух неудачных попыток связаться с основателем «Аиста на крыше» Кира посмотрела на часы и, поняв, что времени до назначенной аудиенции остается в обрез, вдавила педаль газа.

Глава 5

«Какая же тмутаракань! Разве можно в таких забегаловках назначать приличным девушкам встречу?» – надула губы Кира, останавливаясь у совершенно непрезентабельного вида автомастерской с автомойкой и кафе, расположенном во втором отсеке страшного здания. Вокруг на несколько километров не наблюдалось никакой жизни. Киру удивляло, кто вообще мог обслуживаться в этом заведении?

Уверенность, что она откажется от предлагаемой работы, росла в ней с каждой минутой. Казалось, Кира специально накручивала себя для того, чтобы с более спокойной совестью заявить о своем отказе.

«Интересное дело... автосервис, а стоянки для машин фактически нет», – думала Кира, ставя свой автомобиль у дороги и направляясь к кафе.

«А я еще спрашивала, как его узнаю? Смех, да и только! Такая глухомань! Да тут только и будем мы вдвоем!»

Кира вошла в кафе и мгновенно ослепла от всепоглощающего мрака после яркого дневного света. Девушка посмотрела на свои часы с подсветкой и осталась довольна тем, что фактически не опоздала.

«Подумаешь – десять минут! Еще хорошо, что я ориентируюсь в картах автомобильных дорог, а то могла бы вообще не найти это гнилое место! Тут даже голубей нет, хотя дались мне эти голуби?!»

Кира проморгалась и двинулась на свет, исходящий от зоны барной стойки. Обстановка в кафе была более чем скромной. Обычные прямоугольные столы со стульями, даже не отгороженные друг от друга перегородками и ширмами. Уюта никакого. К этому добавлялось отсутствие окон и хорошего освещения. Несмотря на то, что забегаловка оказалась фактически полупустой, было сильно накурено. Хотя чему удивляться? Здесь и вытяжки-то нет никакой. Кира попыталась всмотреться в лица посетителей, но видела только их контуры, словно посетила театр теней. Вспомнив, что бармен должен быть в курсе дела, Кира смело подошла к нему и спросила:

– Простите, я могу видеть Эдуарда Рудольфовича Томилина? У нас тут назначена встреча, и вот я... – сказала Кира, несколько растерявшись.

Можно было предположить, что бармен не знает не только Эдуарда Рудольфовича, но и как его самого зовут тоже. Он был очень удивлен, и это отразилось у него на лице.

– Встречу?! Здесь?! Эдуард?! С вами?!

– Все понятно! Я не туда приехала! – сразу же сообразила Кира.

– А куда вам надо было приехать? – спросил парень.

Кира назвала адрес, бармен почесал затылок.

– Это то место...

– А Эдуарда Рудольфовича вы знаете? – спросила Кира.

– Знаю... – озираясь назад, не очень уверенно ответил парень.

– Ладно, извините, все, что ни делается, делается к лучшему... Значит, он забыл о нашей встрече и вас не предупредил. Извините, – еще раз сказала Кира и на ощупь пошла к выходу.

Не успела она дойти до своей машины, как ее окликнули:

– Простите, женщина!

Кира на дневном свету не сразу поняла, что это бармен. Она не стала ему говорить, что терпеть не может, когда ее называли женщиной. Он часто-часто моргал ресницами, словно обиженный ребенок, только что получивший нагоняй.

– Простите меня, девушка! Я же совсем забыл, Эдуард Рудольфович предупреждал меня о том, что у него здесь будет встреча с женщиной. Просто он опаздывает и убьет меня, если я вас не задержу. Не подождете ли меня?

– Вас? – удивилась Кира.

– То есть его, – улыбнулся парень, кося глазами.

«Обкуренный, что ли?» – подумала Кира и со вздохом пошла обратно. Только она обрадовалась, что чудом избежала неприятного разговора, так нет, удача явно была не на ее стороне.

Они вернулись в душное кафе. Бармен усадил ее за один из столов и даже зажег свечку, что, впрочем, света особо не добавило.

– Что будете есть? Пить?

– А что вы посоветуете из еды? – вопросом на вопрос ответила Кира, сомневаясь, что в этой забегаловке бывает какая-то еда.

– Картофель фри, бутерброды...

– Давайте, – согласилась Кира, – и кофе... Это реально?

– Вполне, – ответил парень и ушел за стойку бара.

Кире долго пришлось ждать картошку на прогорклом масле, бутерброды на слегка подсушенном хлебе и плохо сваренный кофе. Парень еще раз попросил ее подождать.

– И сколько мне ждать? – спросила Кира, доставая сигареты.

– Скоро... уже очень скоро.

Действительно, через десять минут в кафе вошел полный высокий мужчина в кожаной куртке и кожаных штанах. Почему-то Кира сразу же поняла, что это к ней, и не ошиблась. Бармен с мужчиной переглянулись, и парень кивнул головой на Киру.

«А этот господин Томилин не так уж хорошо воспитан, как мне показалось по телефону, заставить даму ждать сорок пять минут», – подумала Кира, выдавливая из себя подобие улыбки.

– Эдуард Рудольфович?

– Да, это я. Приношу извинения, что заставил вас ждать, – ответил мужчина, присаживаясь напротив Киры.

– Да ладно... – пожал плечами она.

– Дела, знаете ли, дела... – туманно ответил Эдуард, разваливаясь за столом и с интересом разглядывая Киру. – Вы по поводу работы?

– Да.

– А что вы умеете делать? Какое у вас образование?

– Я? Ну, я думала о работе секретаря и уверена, что с этой работой справлюсь. Знаю компьютер... английский язык... А образование у меня... консерватория, хотя, конечно, все равно высшее... – робко сказала Кира.

– Что?! – неожиданно громко прокричал Эдуард и разразился смехом. – Консерватория?! Нет, дорогуша, ты мне не подходишь!

Кира от возмущения подпрыгнула на месте.

– Да я хотела сказать вам то же самое!!

– Вот и поговорили! – улыбнулся Эдуард.

Кира полезла в сумочку за деньгами, но Эдуард остановил ее широким жестом.

– Не стоит! Я заплачу!

– Мне не надо подачек, – гордо ответила Кира и, оставив деньги на столе, выбежала из кафе.

Она с ходу запрыгнула в машину, отъехала от места встречи примерно на километр и остановилась. Ее просто раздирала обида, она сегодня столько натерпелась ради этой встречи, которая прошла просто-таки невероятно быстро.

«Он сделал все, чтобы у меня была именно такая реакция, и я повелась... только не знаю, что делать дальше? Я ведь поняла, что говорю не с Эдуардом Томилиным, с первых же слов. Меня, человека с идеальным слухом, нельзя обмануть. Даже если учесть, что по телефону голос человека изменяется, голос этого типа ни капли не походил на тот... в трубке. Это для большинства людей два мужских голоса, услышанные через временной промежуток, да еще оба незнакомые, звучат одинаково. Но не для музыканта. Я обладаю слуховой памятью. Эти голоса абсолютно разные, – подумала Кира, нервно стуча пальцами по рулю. – Что мне делать? Позвонить в милицию? И что я им скажу? Мол, мне мерещится, или я точно знаю, но нет ни одного доказательства? Вот ведь попала... Может, мне все это кажется? Я сама себя накручиваю? А как я буду жить с этими сомнениями? Черт! Ведь с Эдуардом что-то случилось! И, скорее всего, плохое!»

Кира вылезла из машины и побрела назад, собираясь с мыслями. За городом было еще прохладно, не то что в Москве. Дорога была ужасная, и Кира брела по ней, спотыкаясь и понимая, что идет навстречу неприятностям.

«Совершенно ясно, что мой приход для бармена был полной неожиданностью. Не говорил ему Эдуард ни о какой встрече, но он его явно знает... Бармен выпытал, по какому поводу я ищу Томилину, а когда я ушла, наверняка позвонил знакомому бандиту, не знаю, как его там... но по-другому этого типа не назовешь. Я в своей жизни не сталкивалась с благотворительностью, но слепым детям помогают явно люди не с такими злыми, настороженными глазами, будто желающие вмазать кому-то в челюсть. Так... бармен звонит бандиту и сообщает, что вышла неувязочка и Эдуарда разыскивает какая-то тетка. А значит, она может поднять тревогу, начать его искать. Это явно не входило в их планы. Шеф дал распоряжение бармену задержать подозрительную тетку, то есть меня, так сказать, до выяснения всех обстоятельств. Похоже, для них главное успокоить меня, чтобы я не заподозрила исчезновения Эдуарда и не стала его искать. Кем хотел представиться этот бандит? Что, если бы я знала Эдуарда в лицо? Он бы придумал что-нибудь еще... Сказал бы, что Эдуард очень занят, а он, например, его помощник, коммерческий директор или еще кто-нибудь... А

я сама облегчила ему задачу, спросив:

– Эдуард Рудольфович?

Бандит принял эту игру и представился Томилиным. Поняв, что я явилась всего лишь по поводу трудоустройства и мне ничего не известно, он успокоился и повел себя весьма нагло. Он изображал хозяина фирмы, не принимающего сотрудника на работу. А уж то, что я имею консерваторское образование, почему-то рассмешило его... Однако зря, именно это образование и сыграло с ним злую шутку, так как я поняла, что он лжет, – размышляла Кира, завидев впереди знакомый дом. Она остановилась. – Допустим, все так, как я предположила, то есть не очень хорошо... Что мне это дает? Явно над господином Томилиным было совершено насильственное действие... а вдруг его вообще убили? Вот ведь влипла! Что я хочу узнать? Сейчас и меня отправят вслед за ним. Стоят ли того страдания из-за неизвестного человека? Умом я понимаю, что нет, а ноги сами несут в опасное место. Зачем меня тянет на подвиги? Жесть какая-то! Засиделась без работы, застоялась. Обещаю себе клятвенно, что, как только увижу хоть одну зацепку, которая реально сможет заинтересовать милицию, сразу же ее и вызову, а сама подобру-поздорову унесу отсюда ноги. Все!»

Кира немного воспрянула духом после такого решения. Хоть вокруг были леса, около этого автосервиса было абсолютно пусто. «А ведь мне не подойти незамеченной», – подумала она, боясь приближаться к дому. Она свернула с дороги и спряталась в кустах, заметив у дома какое-то движение. Со зрением у Киры было все в порядке, и она четко увидела, как из мойки выехал роскошный джип. Машина остановилась, и из нее вышел небезызвестный бармен, крутя ключи на пальце. Он поставил машину с торцевой стороны дома и, постоянно озираясь, вернулся в кафе. Пустой черный джип гордо сиял в своем одиночестве, словно бельмо в глазу. Некрасивое, неотремонтированное здание и шикарная, блестящая на солнце машина совсем не подходили друг другу. Неудивительно, что в голову Киры закралась крамольная мысль.

«А чья это машина? Вряд ли на ней ездит бармен... Можно подумать, что эта тачка принадлежит тому бандиту, который выдает себя за Эдуарда, если бы я не видела, когда выбегала из кафе, припаркованный старый „Москвич“, только что подъехавший. Потому что его, когда бармен возвращал меня назад и уговаривал дожидаться Эдуарда, тут не было. В этом Кира была уверена. Значит, именно бандит примчался на „Москвиче“, а вот „Мерседес“ мог принадлежать... Эдуарду», – решила Кира, стараясь не думать о том, зачем его мыли.

«От крови, от крови отмывали, от чего же еще...» – зудел в голове противный голос.

– Ну, это мы проверим! – вслух сказала Кира. – Труп будет весомым доказательством для милиции. Тьфу! Типун мне на язык... Надо исходить из позитивной точки зрения. Эдуард еще жив! Жив! Я надеюсь на это. Где он может быть? Ответ очевиден, если его джип здесь, Эдуард тоже здесь. Он, наверное, приехал сюда на встречу со мной или с кем-то еще, а заодно и меня сюда пригласил. Тут они на него и напали, машину в мойку, а Эдуарда куда? В подвал, в сарай... да мало ли куда... Меня настораживает то, что, если все достаточно серьезно, они захотят избавиться от Эдуарда и сделают это скорее всего ночью. Потом вывезут труп в лесок или утопят в какой-нибудь речушке, и ищи ветра в поле. Исходя из этого предположения, найти Эдуарда я должна до ночи. Как? Вернуться в кафе я не могу, они сразу же заподозрят, что я что-то знаю, и тогда я уже точно никому не помогу. Подкрасться незаметно не получится, дом просматривается со всех сторон. Мою машину они знают... Я могу попасть туда только в чужой машине, причем я в ней должна быть спрятана... Архисложная задача, но надо что-то делать. Уж не везет мне сегодня, так не везет.

Глава 6

Кира стояла на обочине шоссе, тяжело дышала и рассматривала проезжающие мимо машины. Она искала женщину-водителя, и уже три раза отрицательно махала руками притормаживающим иномаркам, за рулем которых находились мужчины.

Наконец остановился красный «Пежо» с молодой платиновой блондинкой за рулем. У девушки были надутые силиконом губы, стрелки до ушей, румяные щечки, кожа, сожженная в солярии, и ярко-розовая одежда.

– Я видела, что вы не сели в «Вольво». Почему? – с вызовом спросила девушка. – Почему вы остановили меня?

– Я не доверяю козлам-мужикам! Только женщина может меня понять, – ответила Кира, искренне надеясь, что у нее получится уговорить эту девушку осуществить свой безумный план.

Девушка с «тюнингом» на лице задумалась, а потом открыла дверь Кире.

– Садитесь! Я солидарна с вами, мужикам доверять не стоит. Куда ехать?

– Мне сейчас бы свернуть с шоссе и доехать до заброшенной автомойки. Умоляю вас, помогите! Вопрос жизни и смерти! Ехать совсем недалеко, километров пять.

– Да успокойся ты, подвезу я тебя, у меня тусняк часов через пять только начнется. Скажи, куда повернуть и что случилось? Меня Настя зовут. – Глаза девушки зажглись огнем любопытства.

– Кира, – представилась она, пытаясь нормализовать дыхание и унять сердцебиение. – Муж мой... Толя изменяет мне с какой-то девкой прямо у себя на работе. Он там при автомойке в кафе работает. Мне врет все время, но я-то знаю. Уже из дома для этой твари стал таскать и духи мои, и даже трусики...

– Подонок... – Настя вцепилась руками с длинными прозрачными ногтями с объемными сердечками, что, кажется, называется «аквариумным эффектом», в руль и со всего маха въехала в какую-то рытвину. – Черт!

– Вот сейчас я и хочу застукать его на месте преступления, – продолжала Кира.

– Поймать за яйца, – по-своему перевела ее Настя.

– Вот именно! Тогда он не посмеет мне нагло врать, глядя в глаза!

Настя лихо проехала мимо машины Киры, подтвердив справедливость анекдотов про блондинок.

– Смотри, кто-то прямо у леса шикарную тачку бросил, совсем народ без мозгов! У меня уже три автомобиля увели, а ведь я их не в лесу бросала, а на Тверской. На минуту в бутик кости кинешь, выходишь – тачки нет! Грибники, что ли? Не боятся машину оставлять...

Кира, скрывая улыбку, отвернулась к окну. Она не стала нагружать Настю ненужными ее хорошенькой головке знаниями, что грибы в апреле не собирают.

– А вообще, Кира, я тебе вот что скажу, плюнь ты на него! У моей подружки такая же фигня была, она его бросила и гуляет напропалую, вот это жизнь! Каждый день тусуется с новыми парнями и не думает о своем козле!

– Настя, тебе сколько лет? – спросила Кира.

– Двадцать!

– Понятно...

– А тебе сколько? – зачавкала жвачкой девушка.

– Почти тридцать, – ответила Кира.

– Да? – с ужасом посмотрела на нее Настя. – Тогда другое дело, особо-то парней уже не найти... Тогда лучше все взвесить...

Кира снова отвернулась к окну, чтобы не рассмеяться в голос – для этой девушки тридцать лет являлись глубокой старостью.

– Нет, я все решила! – тряхнула головой Кира.

– Хочешь его застукать? О'кей!

– Вон видишь дом впереди? – засуетилась Кира.

– Угу.

– Притормози, я пересяду назад и пригнусь, – попросила Кира.

– Зачем? – удивилась Настя.

– Толик же меня знает! Ты заедешь на мойку, я там тайком выберусь и спрячусь в доме. Ты заберешь машину уже без меня.

– Гениально! – Настя остановилась, и Кира быстро переметнулась назад.

– За вынужденную мойку я заплачу, – пообещала Кира, сворачиваясь между спинкой переднего и задним сиденьем.

– Еще чего! У меня денег тьма! Да и так машину пора помыть, а то я все забываю, – ответила Настя.

– Мне неудобно... – начала Кира, но была резко прервана Настей:

– Разговор закончен! Копейки не возьму! Посмотри, на кого ты похожа! Да на тебе лица нет! Брать с тебя деньги – это преступление! Мы должны друг другу помогать, а не только волосы драть друг у друга за парней. А насчет денег не переживай. Ты, наверное, думаешь, что я такая еще соплячка, сорю деньгами папы или богатенького любовника? А между прочим, все до копеечки заработано мной, и родителям своим я помогаю! Я зарабатываю и решаю, где бабки тратить и когда.

– А чем ты зарабатываешь? – вдруг заинтересовалась Кира, понимая, что деньги у девушки немалые, а возраст-то небольшой.

– Стриптиз! – ответила Настя и рассмеялась. – Шучу! Я профессиональный игрок в бильярд, уже много турниров выиграла. Иногда удается сорвать хороший куш. Кира, подъезжаем...

– Ты только дверь заднюю оставь открытой, не забудь.

– Обижаешь! Удачи тебе, Кира!

– Спасибо, Настя. Сегодня ты сделала доброе дело, – ответила Кира, сжимаясь в комок.

Остальное действие разворачивалось уже без нее. Настя вышла из машины и закрыла дверь. Как и с кем она договаривалась о мытье авто, Кира не видела, но ее одиночество длилось недолго. Еще бы! Ведь особой очереди на мойке она не наблюдала. Настя вернулась за руль и тронулась.

– Ну, давай, Кира! Не замочись там сильно! Я договорилась, что машину сначала помоеет механизм, а потом домоеет вручную человек, так что тебе надо покинуть ее после первой части...

– Марлезонского балета, – закончила Кира.

– Что? – не поняла Настя.

– Да это я так... о своем...

– А... ну, все... пока, еще раз удачи! – Настя во второй раз покинула машину.

Кира почувствовала дикий страх, так себя, наверное, чувствует человек, попавший в клетку с хищниками, когда помощи ждать абсолютно неоткуда.

Глава 7

Кира услышала, как что-то загудело и включилось, затем машину стало слегка раскачивать, и струи воды забарабанили по крыше, окнам и бокам автомобиля.

Она сама несколько раз оставалась в своей иномарке на мойке, хоть это и не разрешалось по инструкции, просто ради прикола. Поэтому Кира не стала ждать, когда в работу вступят щетки и валики. Сквозь их стройный ряд вряд ли можно прорваться живой и невредимой. Нельзя было медлить, Кира резко открыла дверь и побежала прочь, прямо сквозь водяную стену. Она не ожидала, что у воды будет такой напор, Кира не могла двигаться, ее прижало к машине спиной, и она вдруг поняла, что из-за своей дурасти может нелепо погибнуть. Ведь даже крик «помогите!» не будет услышан из-за шума работающих механизмов. Огромным усилием воли Кира заставила себя оторваться от «Пежо» и вырваться из водяного ада. От воды, которая пропитала ее тело и одежду насквозь, Кира не сразу раздышалась и вернулась в реальный мир. Ползком по стенке она выбралась из ангара через служебный ход на улицу и немного отдышалась. Только здесь Киру стало интересовать, не заметили ли ее. Несмотря на то, что Кирина план осуществился не так легко, как она первоначально предполагала, он все-таки прошел на ура. Ее не заметили, и она оказалась там, где хотела оказаться.

«Что делать дальше?» – подумала Кира.

Она решила осмотреться и найти какой-нибудь вход в подвал или подсобное помещение, где могут укрывать человека.

Выждав немного, чтобы Настя уехала в чистой машине и с чистой совестью, Кира двинулась исследовать здание. Тянуть дальше было нельзя, так как уже наступил вечер. Оказаться абсолютно мокрой в апреле – не самое приятное ощущение. У Киры зуб на зуб не попадал, но она упорно выполняла свою миссию. Остановило ее на время, как ни странно, ведро помоев, вылитое прямо на Киру из распахнувшейся двери, явно из кухни бара. Кира прижалась к стенке из старого кирпича, подавляя крик. Ее спасло то, что выливший воду сам не выглянул. Тут же из раскрытой двери Кира услышала любопытный разговор. Голос бармена сказал:

– Ну, что? Жрать ему отнести? Я тут собрал обеды...

– С ума сошел? – ответил грубый голос, который Кира сразу же узнала.

Этот голос принадлежал Лжеэдуарду, тому, с кем она разговаривала за чашечкой омерзительного кофе.

– На хрен его кормить? Я ему уже все ногти вырвал и всю кожу окурками спалил – бесполезно! Не даст он нам денег. Отпускать его нельзя. Валить надо... просчитался я, он оказался крепким орешком.

– Влад, ты с ума сошел! Зачем нам «мокруха»?! – испугался бармен.

– Идиот, а ты что думаешь, если мы его отпустим, он не донесет на нас? Да нам за его похищение, вред здоровью, насильственное удержание и вымогательство, считай, светит столько же, сколько и за «мокруху»! А так завалим его, отвезем в лесок, зароем, машину уже сегодня перегонят, нужные ребята перебыют номера. Я на что рассчитывал. Если бы этот идиот отдал то, что я у него просил, мы бы с тобой были б уже в Швейцарии с поддельными документами. Но козел слишком любит своих слепых уродов, чтобы отнять у них деньги. – Вадим смачно сплюнул. Голоса несколько затихли, и Кира придвинулась поближе к двери, вся обращаясь в слух. Но не услышала больше ни слова.

«Ушли...» – подумала она и решила заглянуть внутрь черного хода. Если бы Кира была более внимательна, она обязательно увидела бы маленькое окошко, в которое за ней наблюдали.

Кира заглянула в темный проход и сразу же встретилась с двумя парами злых глаз.

– Вот сука! Вот стерва! – выдохнул бармен. – Она знает Эдуарда, она обманула нас! Обвела нас вокруг пальца!

Кира после минутного замешательства не нашла ничего лучшего, как рвануть от них со всех ног. Двое здоровых мужчин догнали ее достаточно быстро, скрутили руки за спиной, нанесли пару чувствительных ударов по ребрам и обматерили на чем свет стоит.

– Стерва! Тварь! Вынюхиваешь? Ищешь своего Эдика? Ну, что ж... сейчас вы воссоединитесь со своим красавчиком, ты, консерваторка, что-нибудь споешь ему напоследок! – кричал Вадим.

– Куда ее? – спросил бармен.

– Тащи к нему... Вместе их грохнем, деваться-то некуда, – спокойно и рассудительно ответил Вадим.

«Я во всем оказалась права, только теперь-то мне от этого не легче...» – здравомыслие не покидало Киру даже в такую минуту.

Эдуарда они прятали не в самом здании, а в небольшом сарае, расположенном метрах в тридцати от

дома. Киру чуть ли не за волосы туда отволокли и, громыхнув ключами и замком, кинули внутрь, совершенно не заботясь о том, как она приземлится.

– Эта зараза какая-то мокрая и вонючая, ну, что ж... Они составят замечательную пару, – это были последние слова, что услышала Кира, несмотря на все ее сопротивление и мольбы о пощаде.

Внутри сарая были только сено и человек, скрученный по рукам и ногам. Дверь за Кирой закрылась, и она уставилась на связанного мужчину.

– Здравствуйте, – не очень уверенно сказала Кира. Глядя на мужчину, она тряслась в ужасе.

Лицо его больше напоминало отбивную. Роста он был, по всей видимости, немало, плечи широкие, но руки были вывернуты назад.

– Эдуард? – уже второй раз за день допытывалась Кира, словно в этом заключался смысл ее жизни.

– Кто ты? – спросил избитый мужчина.

– Я? Кира! Я ехала к вам на встречу по поводу трудоустройства... Помните? – радостно представилась она.

– О боже... я так надеялся, что вы не приедете или они скажут, что меня нет. Зачем вы им? – вздохнул настоящий Эдуард.

– А я и не хотела! – радостно ответила Кира. – А затем решила прийти, чтобы сказать, что не буду у вас работать. Вот такой казус!

– Девушка...

– Кира.

– Кира, зря вы приехали... очень зря. Боюсь, что ничем не смогу вам помочь. Как-то сейчас не до принятия на работу...

– Может, я на что-то сгожусь? – предположила Кира.

– Да что может сделать такая хрупкая девушка? – спросил Эдуард.

Кира была благодарна, что он не спрашивает, почему она приехала устраиваться на работу в таком странном виде. Да еще где-то искупалась прямо в одежде в помоях.

– Я не сразу оказался в таком беспомощном положении, – ответил Эдуард на ее испуганный взгляд, – они подло напали со спины, оглушили меня и потом, уже здесь... они... я... – Эдуард сбился с мысли, закашлялся и сплюнул кровью. – Как же, Кира, ты попала сюда? Сволочи, затащили девчонку...

– Это долгая история, когда-нибудь я ее вам расскажу. Эдуард, вы не волнуйтесь, выглядите вы паршиво. Моей целью было найти вас, а не оказаться в плену. И нам бы с вами надо пошевелиться, я тут интересный разговор подслушала... порешат они нас, Эдуард, ох порешат, и ведь совсем скоро... на улице-то уже темнеет.

Кира кинулась к Эдуарду и дотронулась до его веревок.

– Я попытаюсь развязать вас.

– Милая девушка, чем? – спросил он.

– Я не люблю, когда меня зовут пупсиком, котиком, дорожкой...

– До этого я еще не дошел, – попытался пошутить Эдуард.

– И милой девушкой тоже, – закончила она, – меня зовут Кира.

– Очень четкое и решительное имя.

– Вот именно. Обратите внимание на мои длиннющие ногти.

– Вы хотите меня ими поцарапать? – притворно испугался Эдуард.

– Нет, они иногда ломаются, и поэтому я всегда ношу с собой профессиональную пилочку с алмазной заточкой. Вот она! Ап!

Кира вычленила одну из веревок в путях бизнесмена и принялась орудовать пилочкой. Даже веревки были в запекшейся крови. Кира еле сдерживала слезы, чтобы не расплакаться, она видела спину Эдуарда, сожженную окурками.

«Сволочи! Подонки! Пытать человека, отнимать деньги у слепых детей», – думала Кира, с особой ожесточенностью пиля веревку. Да, эти мысли придавали ей силы, и путы пали.

Кира помогла измученному Эдуарду освободиться от веревок, он еле сдерживался от стонов. Немного придя в себя, он сел, прислонившись спиной к доскам.

– Что дальше? Что дальше? – озиралась по сторонам Кира.

– Здесь только сено, я уже все осмотрел, – ответил Эдуард, – они не сразу меня довели до беспомощного состояния, хотели договориться по-хорошему.

– Черный джип твой? – спросила Кира.

– Мой, – кивнул Эдуард.

– Ключи?
– Отобрали...
– Неудивительно. А если я сшибу замок и мы добежим до машины, ты сможешь завести ее без ключей?
– спросила Кира.

На разбитом лице Эдуарда выделялись огромные темные глаза с немым вопросом в них.

– Кира, ты начиталась детективов? Или насмотрелась триллеров? Я не добегу – это раз, у меня сломана нога, мы не собьем замок, нечем – это два, и три – я не заведу машину без ключей.

– Печально... Мужики какие-то пошли... безынициативные, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказала Кира.

В этот же момент они услышали звук приближающихся к сараю шагов. Спина Киры мгновенно стала мокрой.

– Убивать идут...

Она отползла к двери и свернулась в клубок, словно это могло скрыть ее от посторонних глаз. Судя по всему, Эдуард был высокого роста и приличной комплекции, но сейчас ему это вряд ли поможет. Кисти рук у него изуродованы, нога сломана, ждать от такого мужчины победы в рукопашной схватке с двумя как минимум здоровыми дядьками, даже если бы он был суперменом, не приходилось. И в вину ему это было не вменить.

Дверь открылась, и в сарай, нисколько не боясь, вошел господин Вадим.

– Ну что, крысы? Еще живы? Ну, это недолго. Ах ты, гад! Развязался? Тебе эта тварь помогла? Своими-то костяшками без ногтей вряд ли ты смог бы... Ну, ничего, сейчас я тебя...

Закончить свою «умную» мысль Вадим не смог, так как взвыл от жуткой боли и, преломив колени, упал на земляной пол. Эдуард не совсем понимал, что происходит, потому что за спиной поверженного врага появилась странная девушка Кира с какой-то палкой в руке.

Самым примечательным было то, что она еще несколько раз стукнула Вадима по спине палкой изо всех сил и робко поинтересовалась:

– Интересно, я его не убила?

– Не двигаться, твари! – визгливо закричал бегущий к ним бармен. – Брось палку, иначе башку отстрелю!

Кире казалось, что она попала в нереальный потусторонний мир, так как в руке парня, недавно угощавшего ее бутербродами, действительно был пистолет.

– Вадим! Вадим, что с тобой?! – истерично закричал бармен, всматриваясь в темноту сарая.

Ответом ему была тишина, Вадим лежал ничком, без движения. Кто дергал за язык Киру, она и потом бы не сказала, но она с ужасом выпалила:

– Все-таки я его убила...

– Ах вы, гады! – запаниковал бармен, с ужасом понимая, что с огромной проблемой он остался один на один.

Выстрел раздался «громом среди ясного неба». Бармен стрелял в Эдуарда и промазал. Он прищурился, чтобы выстрелить второй раз, и неизвестно, стал бы этот выстрел последним в жизни бизнесмена, но бармен внезапно сложился так же, как до этого Вадим. И Эдуард фактически не удивился, что за его спиной тоже оказалась худенькая женская фигурка с палкой в руке. Эти женщины, словно из фильма о бессмертном горце, возникали из темноты со своими мечами, то есть палками.

– Да... дела у вас... – протянула девушка, – муж, любовник, хрен еще знает кто... Жест!

– Настя? – узнала ее Кира, не веря своим глазам. – Ты-то как здесь?

– Тусню нашу отменили, да и на душе у меня было неспокойно, тебя тут бросила одну в мойке... Вот я и вернулась! Кстати, не понравилось мне, когда увидела парня, бегущего сюда с пистолетом. Почему-то я подумала, что это твой муженек, решивший тебя пристрелить. Вот и прихватила свой кий. Кстати, сегодня я сделала еще два добрых дела, – щебетала легкомысленная блондинка, только что спасшая им жизнь.

– Каких? – спросила Кира, еще не до конца верившая в свое счастье.

– Вызвала пожарных, то есть милиционеров... или? Да какая разница! У них сейчас в службе спасения один телефон. И второе... вызвала эвакуатор для той иномарки, что бросили у леса. Я позабочусь о чужом имуществе, сберегу его для хозяев.

– О, нет... – проговорила Кира, закрывая лицо. Она-то уже мечтала об отдыхе дома после всех этих кошмаров. А домой быстро и с ветерком ее должна была доставить ее машинка, которую эвакуируют.

Эпилог

При такой знойно-жаркой погоде, какая установилась в конце июня, люди в городе должны были ходить исключительно в купальниках, и то ради приличия. Воздух был прогрет сверху солнцем и снизу – раскаленным асфальтом. Но Кира шла на деловую встречу и позволить себе явиться в непристойном виде не могла. В приемную она вошла в белой юбке до середины колена, черном в белый горох хлопковом пиджачке и черных лаковых босоножках. В руках она сжимала черную узкую сумочку. Она представилась девушке-секретарю, и та сразу же приветливо указала рукой на дверь босса.

– Проходите! Эдуард Рудольфович ждет вас. – Взгляд секретарши скользнул по Кириной идеальной фигуре, красивому лицу и светлым волосам, находящимся в творческом беспорядке.

– Спасибо! – ответила Кира и прошла в кабинет.

Она знала, что выглядит безупречно, что красива, сексуальна, решительна и еще черт знает что. Она хотела сразить его наповал, она думала об этом два долгих месяца.

То, что она произвела впечатление на Эдуарда, Кира поняла сразу. Его выдавали открытый рот, совершенно оторопевший взгляд, застывшая поза. Это было хорошо.

«Один – ноль», – подумала Кира.

Эдуард, по ее мнению, выглядел безупречно. Широкие плечи, мужественный подбородок, красивая линия шеи, лучистые умные глаза, губы, от которых просто нельзя было оторваться. Кира несколько подрастеряла свою решимость из-за того, что Эдуард произвел на нее такое сногшибательное впечатление. Дело в том, что она его видела третий раз в жизни, и оба первых раза он был не в лучшей форме. А сейчас – это был мужчина с обложки журнала.

Они смотрели друг на друга, не в силах нарушить молчание и атмосферу очарования и притяжения, что возникла между ними.

– Здравствуй, Кира! – Эдуард встал, направляясь к ней и раскрывая объятия.

– Здравствуйте, Эдуард, – сглотнула Кира, не ожидавшая столь теплого приема, так как расстались они не очень хорошо.

– Какие проблемы? Что привело тебя ко мне? – спросил Эдуард, все еще не в силах оторвать от нее взгляд. – Выглядишь потрясающе...

– Спасибо, я старалась. Вы... ты... тоже неплохо, – вдруг покраснела Кира, уткнувшись взглядом в его кадык, словно это был самый важный его орган. – Я пришла сказать, что согласна работать у тебя. Я буду учителем музыки! – ответила Кира.

Эдуард внимательно посмотрел в ее голубые глаза и ответил:

– Нет, я не возьму тебя на работу...

– Что?! – аж задохнулась Кира. – Ты же умолял меня выйти на службу!

– Это было тогда... ты упустила свой шанс, – ответил Эдуард, отворачиваясь и отходя за стол, словно там было безопаснее. – Помнишь, что ты сказала мне в больнице? Что звезда не может учить, другим звездам она будет завидовать, а посредственности ее будут раздражать. Что ты завязала с музыкой, не чувствуешь руку и не хочешь к этому возвращаться!

Кира мыслями вернулась в то время, когда она в своей странной, но уже высохшей одежде зашла в палату Эдуарда. Его только что привезли из процедурной, где наложили гипс на ногу и перебинтовали покалеченные кости. Выглядел он паршиво, но все же лучше, чем несколькими часами ранее в сарае. Кира разглядывала его обнаженный торс, глаза и несколько припухшее лицо.

– Привет!

– Кира... вы спасли меня... Со мной говорил следователь и сказал, что если бы не вы, ваша находчивость...

– Без ложной скромности отмечу, что вы вовремя и к месту назначили встречу со мной, – ответила она.

– Это точно, – рассмеялся Эдуард, хватаясь за челюсть, – черт...

– Больно? – участливо поинтересовалась Кира. – А с руками что? Надеюсь, вы играете на пианино?

– Играю... немного.

– Я прочла в Интернете про ваш «Аист на крыше», – сообщила Кира и рассказала вкратце, что ей известно.

– Все так и есть. Организация благотворительная, но зарплату сотрудникам я плачу приличную, так как основной бизнес у меня совсем в другой отрасли.

– А меня в качестве секретаря вы хотели взять в какую организацию? – спросила Кира, садясь на стул,

придвигая к себе пепельницу и закуривая.

– Я хотел взять тебя, Кира Полунина, на должность учителя музыки, – сказал ей тогда Эдуард и пояснил: – Я знаю твою историю о внезапном крахе мечты стать великим музыкантом из-за травмы, но ты повредила руки, не голову, и преподавать музыку сможешь. Слух-то у тебя остался!

Внезапно в голове у Киры прояснилось.

– Я неслучайно попала к вам на собеседование?

– Нет...

– Ольга? – догадалась Кира. – Кто она вам?

– Лично мне никто, но она дружит с моей сестрой.

– Понятно! Вот уж змея! Замолвила словечко! А мне ведь не призналась! Иди, говорит, поговори! Тьфу! Абсурд! Надеялась вернуть меня к музыке с помощью богатого красавца! Ну, Оля! Хитро, ничего не скажешь, всех провела!

Тогда-то Кира и высказала свое негативное отношение ко всему этому делу.

Эдуард совершенно спокойно отнесся к ее заявлению, извинившись за причиненное беспокойство.

Кира еще раз услышала, что сказал следователь о бандитах.

– Они оба живы, только у одного гематома спинного мозга, а у другого сотрясение, но они дают показания. Ты очень храбрая женщина, Кира.

– Скорее безрассудная.

– Почему же такая храбрая женщина боится себя?

– Она не хочет беречь старую рану, – ответила Кира. – Разговор закончен, наша встреча состоялась. Вы предложили работу, я отказалась, мы не совершили ничего предосудительного. Привет Ольге!

– Я ваш должник, – напомнил Эдуард.

– Да бросьте вы! Стечение обстоятельств, – отмахнулась Кира.

– Можно вопрос?

– Конечно! Мы вместе пережили такой ужас, что стали фактически родственниками.

– Настя возит с собой в машине кий, потому что профессиональный игрок в бильярд, им-то она и отутюжила бандита. А вот ты где в сарае нашла палку? Ее не было, я знаю точно. Она появилась из воздуха?

– Любите мистику? Смею вас разочаровать. У меня порвались колготки и лопнули стрейч-сапоги, и, чтобы они не сползли по ноге, я вложила в сапог эту деревяшку... А в минуту опасности вытащила ее. Ничего сверхъестественного!

– Конечно, все женщины ходят в сапогах, куда заложены палки, дощечки и другие вещи, – сказал Эдуард.

– Не все и не всегда. И я так не хожу... это тоже совпадение, – надулась Кира.

– А почему ты была в таком виде? Как сказать? Несколько странно... да еще мокрая, и как-то пахло...

– Не поверите, но я хотела, чтобы мой будущий босс не видел во мне женщину...

– Ее трудно было разглядеть, – согласился Эдуард.

– Чтобы никто ко мне не приставал, оценили бы мои профессиональные качества, которых не так уж и много, – призналась Кира.

– Как все просто... и как гениально, – сказал Эдуард, целуя ладонь Киры.

Кира помахала ему тогда ручкой и ушла. После она чуть не поссорилась с Олей, требуя объяснений.

– Я хотела как лучше, – твердила Ольга.

– Я и не сомневаюсь! Мы с твоим другом чуть не стали пищей для пиявок.

И вот теперь, два месяца спустя, Кира заявила в кабинет Эдуарда с совершенно противоположным предложением.

– Как вы можете мне отказывать? – спросила она.

– Я не могу допустить на работу с детьми такую женщину, как ты. Ты – эгоистка, ты любишь себя в музыке, а не музыку в себе. Я не могу допустить, чтобы дети привязались к тебе, а ты только и будешь думать, что несчастна и как бы куда уйти. Это не игрушки.

– Я твердо решила!

– Извини, Кира!

– Я все осознала, эти два месяца стали для меня очень долгими, вы можете положиться на меня! – уверяла она.

– Что сподвигло тебя на такое решение? – поинтересовался Эдуард, со смехом в глазах наблюдая за ней.

Кира чувствовала себя школьницей на экзамене.

– Я скажу честно... Я узнала о вас и о вашей организации еще больше. Я знаю, что от вас ушла жена, когда родился слепой ребенок. Вы воспитываете дочь один, и это дело вы затеяли ради нее. Я понимаю вас и восторгаюсь. Вы делаете что-то очень важное, а я ничего. Я сдалась. Пора признать, что без музыки мне не жить, я только существую. Пусть я сама не смогу нести музыку в массы, но я смогу научить ей детей.

– Чтобы они выступали? – спросил Эдуард.

– Чтобы облегчить им жизнь, а уж будут они выступать или нет, это их право и их выбор, – ответила Кира. – Мне нужна эта работа. Я смогу. Я справлюсь. И я хочу.

– Хорошо... возьму тебя на испытательный срок, – сдался Эдуард, – но не могу гарантировать неприкосновенность со стороны босса, теперь-то он видит тебя во всей красе.

– Шутите?

– Самую малость. Ты выходишь на работу с понедельника...

Кира вышла на крыльцо здания, где располагался офис Эдуарда, и улыбнулась «озверевшему» солнцу. Она достала пачку сигарет и вдруг вспомнила о своем обещании при твердом стимуле бросить курить.

– Куда уж тверже... Я буду работать с детьми и должна быть для них примером. – И она выкинула пачку в мусорный бак.

На душе у Киры было так же солнечно и тепло, а сердце предательски стучало в предвкушении того, что она будет часто видеть Эдуарда.

– Пожалуй, с ним бы я тоже согласилась на испытательный срок, – хмыкнула она и поспешила к машине.

Марина Серова

Рождественская шутка

Даже слушать ничего не хочу, – кипятилась Ленка, – немедленно собирай свое барахло, и едем на дачу. А лучше ничего не собирай. Там есть все необходимое, а на сборы уйдет время. Ты и так Новый год просаботировала. Виданное ли дело – отключить телефон и работать в новогоднюю ночь! Учти, из всех друзей я одна обиделась на тебя не смертельно. Таня, если молодая и красивая блондинка отказывает себе в развлечениях ради работы, это диагноз. И тебя надо срочно лечить. Если не поедешь по доброй воле, позову ребят, свяжем. Не помогут ни твой черный пояс по карате, ни пистолет. Собирайся, я сказала! Я еле-еле детей к бабушке сбагрила, чтобы с тобой оторваться, а ты...

Я и сама не против была уехать на Рождество за город, поэтому ломалась больше из-за лени, чем из-за нежелания праздника. Новогодняя ночь выдалась горячая, в последующих за ней событиях тоже пришлось принять участие, так что я действительно заслужила отдых.

– Будут только свои, – предупредила мой вопрос Ленка, – никаких шумных мероприятий не намечается. Если хочешь, посадим тебя перед камином, сунем в руку кружку с глинтвейном и не будем обращать на тебя внимания.

Картинка вырисовывалась соблазнительная, причин сопротивляться не было, и уже спустя полчаса мы на моей верной «девятке» выехали за пределы Тарасова.

* * *

Хорошо, что Ленка выгнала меня из дома сегодня. Гости собирались приехать только завтра, у меня были целые сутки для того, чтобы побыть в тишине. Если это только возможно с такой подругой, как Ленка. Вот и сейчас она скатилась по деревянной лестнице со второго этажа и бросила на кресло перед камином кучу ярких вязаных вещей:

– Выбирай, одевайся, едем.

– Господи, куда, – взмолилась я, – ты же обещала, что подаришь мне три дня свободы и покоя!

– Так на свободу и едем! Смотри, какая сказка за окном – мороз и солнце! Покоя – завались! Сама же мечтала покататься на лыжах.

Правда мечтала, вспомнила я и с благодарностью посмотрела на подругу. Она права. Надо иногда забывать о работе и отдаваться простым человеческим радостям. Особенно если это работа частного детектива. Для меня нашлась пара вполне сносных лыж, мы оделись и по проселочной дороге добрались до леса. Дорожные службы работали на совесть, сугробы по краям дороги поднимались до уровня человеческого роста. Странно, в Тарасове – чахлые серые сугробики, а за городом – такая роскошь.

Снег покрывал тонкий наст, лыжи стояли на нем уверенно, но стоило моей подружке потерять равновесие и упасть, как она провалилась по пояс. Я помогла подняться хохочущей и барахтающейся Ленке и встать ей на лыжи. Эти простые действия заняли у нас минут десять, но настроения не испортили. В лесу было фантастически красиво, я уже и не помню, видела ли когда такую красоту в живом виде или только на страницах календаря. Я немного отстала, зачерпнула горсть пушистого искрящегося снега и лизнула – вкусно.

Подруга уверенно бежала в глубь леса, я не отставала – она говорит, что знает эти места, не заблудится. Немного смущало отсутствие лыжни, но это в пригороде лес расчерчен ровными парными полосами, а здесь – деревня, дачи. Среди деревьев мелькнул бревенчатый домик, и Ленка резко остановилась.

– Смотри, – махнула она палкой в сторону жилья, – и в такой глуши живут люди. Как, интересно, они за продуктами выбираются – дороги-то нет. Тоже на лыжах?

– А может, там и не люди вовсе, – равнодушно пожал плечами, ответила я, – дороги действительно нет, всяких сараюшек – тоже не видно. Вполне возможно, что мы с тобой наткнулись на избушку Бабы-яги.

Ленка захихикала, но как-то неуверенно. Мне тоже было немного не по себе: зимний день короткий, и хотя было еще не поздно, но деревья уже бросили синие длинные тени, а искрящийся еще недавно снег стал просто бесконечно белым и скучным. Пора домой.

– Давай пойдем, – заканючила вдруг Ленка, – я никогда не прощу себе, если не побываю в настоящей избушке Бабы-яги. Ну, чего ты ведешь себя, как зрелая серьезная женщина?

Я представила, как мы будем битый час с ней препираться, потом она меня уговорит, а к тому времени стемнеет, так что возвращаться придется в сумерках, и согласилась. Борьба с духом авантюризма, напавшим на подругу, обычно заканчивалась моим полным поражением.

* * *

Вблизи домик казался нежилым. Никаких следов у входа, ни намека на дым из трубы, пудовый замок на двери. К собственному удивлению, я испытала легкое разочарование: как бы ни сердилась я на Ленку, а в глубине души тоже ждала чего-то необычного.

– Вот видишь? Баба-яга, наверное, в райцентре маникюр к празднику делает, можно идти домой.

– Ничего ты не понимаешь, – с легким презрением отозвалась подруга, – это для нас, правоверных христиан, Рождество – праздник. А для нечисти всякой – кошмар и сущее наказание. Смотри, а замок-то не заперт, только накинута. Зайдем?

– Лен, ты с ума совсем сошла? – возмутилась я. – Ты в любую квартиру в городе заходишь, если она не заперта?

– Это в городе, – заупрямилась подруга, – а в лесу совсем другие правила, я знаю.

Не слушая меня, она вынула из петель дужку замка, расшвыряла ногой снег перед дверью, благо крыльцо было высокое, иначе дверь замело бы до середины, и потянула на себя ручку. Дверь неохотно, но подалась, и Ленка проскользнула внутрь. Мне ничего не оставалось, как снять лыжи и последовать ее примеру. Я обернулась, внимательно оглядела лес и осторожно заглянула в избушку. Как и следовало ожидать, она была пуста.

* * *

– Танька-а, – протянула подруга, – смотри, что тут! Здесь такое творится!

Через крохотное окошко струился неяркий зимний свет, освещая ничем не примечательную обстановку: дощатый пол, покрытый домоткаными половиками, две простые деревянные кровати, застеленные незамысловатыми лоскутными одеялами, стол, сложенный из широких досок, лавка вдоль одной из стен, русская печка, сундук. Аскетично, но все необходимое есть, ничего, что мебель не вполне современная: в избе, которая стоит посреди леса, подобная обстановка очень даже гармонично смотрится. Все вроде просто и логично, кроме одного: и кровати, и стол, и лавка, и печь словно сделаны для детской комнаты и рассчитаны на ребенка пяти-шести лет. Ленка носилась по комнате, хватала разные предметы, совала мне их под нос, бросала на место, бралась за другие и с умилением верещала:

– Ну, не прелесть ли? Посмотри, как все натурально сделано, будто тут действительно живут малыши. Смотри, керосинка. Ты умеешь зажигать керосинку? И я не умею. Давай зажжем свечи! – Она чиркнула спичкой и зажгла свечу, стоящую на столе.

– Лена, мне не нравится все это, – ответила я.

– Да брось, – отмахнулась подруга, – не занудствуй. Ты же видишь, прекрасная стилизация под домик каких-нибудь сказочных героев. «Маша и медведь» читала? В Ярославской области построили музей Бабы-яги, а чем Тарасов хуже? Вот и у нас расстарались. Только непонятно, кто тут живет. Ой, смотри, какая прелесть! – Лена держала в руках крошечную пару ярких вязаных носочков. – Под кроватью валялись. Ну надо же, до чего реалистично!

Я не разделяла ее восторгов. Во-первых, интерьер был явно не музейный: этими вещами пользовались, в этом доме жили, любой человек без труда отличит бутафорию от реальности. Во-вторых... кем бы ни были обитатели этой избушки, они вряд ли обрадовались бы нашему наглому вторжению. Ну ладно, довольно долго я шла на поводу у подруги – отдохнули, развлеклись, пора домой.

– Все, ты как хочешь, а я ухожу, – решила я и открыла дверь избушки.

Не ожидая приглашения, в нее ворвался ветер с роем колючих иголок снега. Кажется, пробыли мы в домике совсем немного, а за это время в лесу стало почти совсем темно. Темно и ветрено. О том, чтобы найти свою лыжню, не было и речи. При ярком свете дня еще можно было как-то сориентироваться, а сейчас...

– Ой, как уже поздно, – встала за моими плечами Ленка, – правильно ты говорила, домой пора. Только как мы теперь пойдем-то? Темно.

– Как пришли, так и пойдем, – разозлилась я.

Расслабилась, пошла на поводу у легкомысленной Ленки. Ей простительно, она может позволить себе считать окружающий мир сказочно прекрасным, а я-то чего? Подруга за моей спиной всхлипнула:

– Нам теперь все? Кранты? Мы замерзнем тут, как полярики? Это все я виновата! – И она разрыдалась.

Всю мою досаду как рукой сняло. Некрасиво, частный детектив Татьяна Иванова, вымещать злость за свой непрофессионализм на беззащитной подруге, это именно я должна была позаботиться о своевременном возвращении домой. Я гладила ее по голове и думала: в принципе, ничего страшного не случилось. Мы не так уж и далеко от деревни, поэтому утром, когда рассветет и закончится метель, легко найдем дорогу. В конце концов, не в Сибири же мы, а леса в окрестностях Тарасова не такие уж и дремучие. Вспомню уроки выживания в экстремальных условиях, что-нибудь придумаю. Возле печи я заметила сложенную поленицу – значит, в печи можно будет развести огонь и смерть от холода нам не грозит. Воды в лесу – залежся, вернее, засыпся, кое-какие продукты здесь есть, а если явятся хозяева, то, кем бы они ни были, простят непрошенных гостей. Есть же негласные кодексы гостеприимства в таких вот лесных пристанищах, я много об этом слышала.

Я отстранила от себя подругу и присела перед печью. Раньше мне никогда не приходилось разжигать огонь в печи, но не думаю, чтобы это было сложнее, чем развести костер. Я настрогала тонких щепок с одного из поленьев, сложила их шалашиком и поднесла спичку – огонь занялся быстро, словно только ждал приглашения, по комнате быстро разлилось тепло. Ленка перестала всхлипывать: когда рядом трещит огонь, хочется верить, что жизнь не закончена.

– А мне что делать? – не дожидаясь команды, сдалась она под мои знамена.

– Для начала накинь щеколду, – отдала я команду, – а потом посмотри в буфете что-нибудь на ужин.

За моей спиной звякнула щеколда, Ленка засопела и через пару мгновений радостно воскликнула:

– Здесь сало и пшенка! А макарон почему-то нет. Сало я даже с хлебом не ем, а пшенку без молока варить не умею. И как мы теперь без еды?

Я молча сунула ей в руки небольшое ведерко и отправила за снегом. Пшенка так пшенка. Лучше, чем ничего. Эта печка, как я и надеялась, была предназначена не только для обогрева, поэтому прошло чуть больше часа, и каша сварилась. Странно, но ни наш совместный кулинарный «талант», ни скудость ингредиентов никак не повлияли на конечный результат: каша была не просто вкусной, а просто потрясающе вкусной! Даже Ленка, которая совсем недавно утверждала, что не ест пшенку, без раздумья положила себе вторую порцию.

Сытость и тепло прогнали остатки тревоги; немного помучившись с керосиновой лампой, мы получили теплый и довольно яркий свет, за окошком завывал ветер, а мы были в полной безопасности. Мы сели на пол возле печи и молча смотрели, как трещат березовые поленья.

– Нет, это все-таки несказанная удача, что я вывела нас на этот домик. Страшно представить, что бы мы делали, если бы пурга застала нас в лесу, – гордо констатировала Ленка.

Мне не хотелось с ней спорить. Здесь было так тепло, хорошо, уютно, что совершенно не хотелось что-то доказывать, в чем-то обвинять, зачем-то обижать. Глаза слипались. Интересно, как мы будем спать? Лисичка на лавочку, хвостик под лавочку? Кроватки-то действительно сделаны на малышей. Ладно, как-нибудь перетерпим ночь. Главное, что одеяла теплые, хоть и маленькие. Я потянулась и провозгласила:

– Утро вечера мудренее. Всем спать.

И в этот момент в окошко кто-то громко и уверенно постучал.

* * *

– Не открывай, – взвизгнула Ленка, – не открывай, пожалуйста!

– И не собираюсь, – шикнула я на нее и нащупала «макаров» у себя на боку.

А еще сомневалась, брать или не стоит! Взяла только для того, чтобы не оставлять в доме – мало ли что. С оружием я чувствовала себя гораздо увереннее.

– Вдруг там медведь, – шептала Ленка, – или йети какой-нибудь.

– Медведи не стучат, – успокоила я ее, – они сразу в дверь ломаются. А йети на женщин не нападает, он их только в свое убежище уносит и заставляет детей от него рожать. Так что жизни твоей ничего не угрожает.

Я уже оценила обстановку: окошко маленькое, даже человек не пролезет (вот ротозейки, надо было занавесить его чем-нибудь: теперь, при свете керосинки, мы здесь как на ладони). Дверь и крючок довольно крепкие, можно пододвинуть сундук и оборону держать, пока не закончится пшенка. Стук повторился. Я задула керосинку. Теперь мы были почти на равных – небольшой свет в домике давали лишь тлеющие в

печи угли. Я осторожно подошла к окну и вгляделась в темноту. Едва различимо перед окном маячили два человеческих силуэта.

– Тетеньки, пустите, – услышала я вполне человеческий голос, – пожалуйста, замерзаем!

* * *

– Так, почему «тетеньки»?

– Чтобы разжалобить, – ответил первый, – если бы я сказал «девушки», это выглядело бы заигрывающе. А какой, к черту, флирт в такой ситуации? А «тетеньки»... В любой женщине живет материнский инстинкт, поэтому, даже если это слово сказано вполне зрелым мужским голосом, она не посмеет отказать.

– И вы были уверены, что мы вас пустим?

– Конечно. Я же сказал волшебное слово. Мама учила, что, если тебе говорят «пожалуйста», отказать никак нельзя.

– Это все Танька, – робко подала голос Лена, – я бы ни за что вас не пустила.

Я действительно долго не раздумывала, прежде чем пустить неожиданных гостей. То, что за окном могут стоять кровавые маньяки, было маловероятно: маньяки в такую погоду дома сидят. Беглые преступники? Извините, у нас не Сибирь. Это «по диким степям Забайкалья» шляются всякие там подозрительные личности с живыми консервами под ручку. В любом случае я могла постоять и за себя, и за подругу. А дать людям замерзнуть в двух шагах от спасения – преступно.

Нарушителями нашего спокойствия оказались двое молодых мужчин в лыжных костюмах. И их, так же как и нас, заманил этот сказочно-прекрасный лес и так же не выпустил вовремя домой.

– Хорошо, что у вас окно не занавешено, – радовался первый, представившийся Костей, – мы только на этот огонек и шли.

– Знаете, – добавил второй, Сережа, – завтра ведь Рождество. Вот бредем мы, понимаем, что влипли, и вдруг – этот огонь. Даже жутковато стало: а вдруг выйдем на поляну к Братьям Месяцам? В такие моменты забываешь о реальности, а спасение ожидаешь, как сказку.

Ребята с удовольствием доели остывшую кашу, запили оставшейся водой и стали располагаться на ночлег. Я с сожалением вздохнула: поспать вволю сегодня, видимо, не удастся. Какое бы ни вызвали доверие наши товарищи по несчастью, расслабляться нельзя. Ничего, на этих прокрустовых ложах все равно не разоспишься – ни вытянуться, ни раскинуться.

* * *

Где-то ближе к утру я все-таки уснула. Уж больно уютно сопели трое, спавшие в избушке, уж больно усыпляюще шелестела за окном вьюга. Проснувшись я от Ленкиного визга и сразу поняла: началось. Все-таки безрассудно было пускать незнакомых мужиков. Я резко вскочила, привычно проверила «макаров» и приняла боевую стойку, не успев оценить обстановку. Наши «враги» очумело хлопали глазами на полу – там, где я вечером бросила им лишние одеяла. Ленка стояла в дверях и продолжала кричать:

– Гномики! Гномики, Танька, там гномики!

После того как мне удалось ее успокоить, мы узнали причину ее испуга. На рассвете подруга проснулась и, проклиная большую чашку чая из неизвестных трав, выпитую вчера, решила рискнуть выйти из дома. Она с трудом отодвинула занесенную за ночь дверь и проскользнула в образовавшуюся щелку. Светало, но это был не тот летний яркий и светлый рассвет, а тяжелый, мрачный, сумеречный. Девушка зябко повела плечами и огляделась – в сугроб лезть ох как не хотелось! Но надо. Она уже почти решилась, но тут боковым зрением уловила резкое движение справа. Ленка обернулась и оторопела: по направлению к лесу двигались две тени. От испуга она не смогла отреагировать адекватно своей натуре – завизжать и броситься спасаться. Ленка замороженно смотрела им вслед, отмечая необычные детали: и то, что фигурки двигались не на лыжах, и то, что рост и пропорции их не соответствовали нормам развития взрослого человека, и то, что у одного из них по ветру развевалась довольно длинная борода.

– Что, и колпачки были, – усмехнулся Сергей, – красненькие такие?

– Я не разглядела, – всхлипнув, призналась Ленка, – шапочки точно были, а какие – непонятно. Ведь еще же не совсем рассвело.

Я накинула куртку и вышла. Метель действительно закончилась. Больших бед она не принесла, домик наш не замела, но лыжни не было и в помине. Зато весь снег в окрестностях домика был истоптан

маленькими следами. Следы вели от леса, темнели под окошком, топтались на крыльце. Я присела и посветила себе карманным фонариком: четкого отпечатка подошвы не имелось, следы были округлые, словно снег придавили мягкой лапкой. Все ясно, валеночки детского размера. Я вернулась в дом, где ребята отпаивали водой все еще всхлипывающую Ленку. Впрочем, их внимание пошло ей на пользу, и всхлипывала она больше из кокетства, чем от пережитых эмоций. Я рассказала про обнаруженные следы.

– Да это сельские пацаны проказничают, – тут же отозвался Сергей, – скучно им тут, вот и развлекаются, как могут.

– А борода? – подняла голову Ленка. – У пацанов бороды не бывает.

– Ты просто перепутала бороду и шарф, – пояснил Костя, – сама же говоришь, что было темно. И страшно.

– А-а, – протянула Ленка, – тогда понятно. Только уж больно на бороду похоже. Надо же, какие в деревне дети необычные. Строят себе вполне жилые дома посреди леса, глубокой ночью по сугробам бродят. И совершенно не проваливаются в снег!

«И годков им не более шести», – добавила я про себя.

– Слушайте, братцы, – прервал затянувшееся молчание Костя, – чего-то вы приуныли. Посмотрите сами: ночь прошла, пурга утихла, нам ничто не угрожает. Сейчас подкрепимся и все вместе пойдем к селу.

– Ага, а кто знает, где это село? – задала вполне резонный вопрос Ленка.

– Я знаю, – уверенно ответил Костя, – ну, не село, а направление. К тому же этот лес не такой уж дремучий, здесь на каждом квадратном километре по пять трасс проходит, пройдем не больше часа и выйдем на дорогу.

– То-то вы не на дорогу, а к нашему домику вышли, – фыркнула Ленка.

– Это было ночью, в пургу, к тому же нас вел не здравый смысл, а зов сердца, – почти серьезно ответил Сергей, и Ленка не нашла в себе сил опровергнуть это утверждение.

Мы договорились не тянуть – кто знает, как поведет себя зима, поэтому отправиться решили сразу после завтрака. Костя тщательно обследовал жилище и под половиком нашел люк с медной, спрятанной в дереве ручкой. Это оказался подпол. Костя, не раздумывая, спустился и радостно завопил снизу:

– Живем, братцы! Тут можно оборону держать до лета.

Действительно, в подполе находился просто какой-то стратегический запас: домашняя тушенка, крупы, сахар, варенье – все, что необходимо для сносного существования, на одной из полок даже стояли несколько бутылок домашнего красного вина.

– А ведь сегодня Рождество, – напомнил довольный Костя, – и у нас есть все, чтобы сделать рождественскую ночь незабываемой. Лес, бревенчатая изба, печка, вкусная еда, даже гномики, которые суетятся возле дома, – это ли не сказка?

– Я их что-то побаиваюсь, – призналась Лена, – гномики не гномики, а ведут они себя как-то...

– Так сказка должна быть немного страшной, – поддержал друга Сергей, – иначе это не сказка, а преснятина, мыльная опера. Лично меня ужасные монстры в виде гномиков очень даже устраивают. Защищать вас от настоящих чудовищ мне не по плечу, а вот гномиков расшвыряю одной левой, пусть только попробуют заявиться!

– Заманчиво, – вынесла свой вердикт я, – но еще на день мы здесь не останемся: сегодня приезжают наши друзья, а мы – исчезли. Это, по меньшей мере, негостеприимно.

– Татьяна, ну что вы все держитесь за правила, – умоляюще протянул Сергей, – если всю жизнь делать все так, как надо, то и вспомнить потом будет нечего. Ну, позвоните им по телефону, объясните ситуацию, если ваши друзья стоящие люди, они вас поймут.

Кстати, надо действительно предупредить ребят, опомнилась я, кто знает, когда мы отсюда выберемся.

Я достала мобильный, но почти сразу вернула его обратно в карман: связи не было.

Вчетвером выбираться из леса было разумнее, поэтому я все-таки убедила ребят не тянуть – темнеет уже к четырем, надо спешить. Ленка занялась приготовлением завтрака, а я вышла очистить лыжи от налипшего на них снега. Вчера мы так и оставили стоять их перед дверью. Через две секунды я вернулась.

– Ребята, а куда вы дели лыжи?

* * *

– Лена, вспомни точно, когда ты выходила на крыльцо, лыжи были или нет?

– Да не помню я, – в десятый раз повторяла моя подруга, – я на гномиков смотрела, а не на лыжи.

Костя и Сергей зря пытались выжать из нее хоть какие-то сведения. Я-то точно знала, что лыжи

пропали до того, как она вышла. Мы оставили их на крыльце возле стены. Следы моей подруги были довольно свежие, место же, где стояли лыжи, припорошило снегом. Значит, унесли их еще ночью. Я спала не больше часа, до этого времени никто не выходил из избушки. Вывод напрашивался один: их стащили те, кто следил за нами из леса. Выбраться по сугробам было реально, но затруднительно. Вот тебе и сказка, вот и романтика, вот и Рождество.

– Один человек из всей честной компании умный, – вставил вдруг свое слово Сергей, – только я догадался занести свое добро.

Он вытащил спрятанные за печкой лыжи и, как жезлом, стукнул ими о деревянный пол:

– Специально в теплое место поставил, чтобы просохли хорошенько.

Посоветовавшись, мы решили, что Сергей немедленно отправится за подмогой в село, а нам придется терпеливо его ждать. Если уж шестилетки легко пробираются к избушке, значит, взрослому мужчине, да на лыжах это будет совсем не трудно. В лесу совсем рассвело, небо опять было чистое, и снег, как и вчера, невинно серебрился, обтекая впадинки и выпуклости. Только мне уже не хотелось зачерпнуть его в горсть и хрустеть им, как в детстве. Зимний лес перестал быть ручным и безобидным, хотя ночные страхи у моих товарищей по несчастью исчезли, а Ленка даже отчаянно флиртвала с Костей, собирая Сергея в дорогу. Вообще-то я сама с удовольствием бы отправилась вместо него, ненавижу бездействие, но ребят распирало мужское героичество, и мне пришлось сдаться.

Скоро Сергей уже резво бежал к лесу, а мы от нечего делать собирали на стол: праздник так праздник. Надо же чем-то время занять. Впрочем, я чувствовала себя лишней в этой суете, никогда не страдала комплексом рачительной хозяйки, поэтому решила оставить Ленку и Костю вдвоем, а сама вышла на крыльцо. Раз представилась такая возможность, надо хоть чистым воздухом вволю надышаться.

Следы маленьких валенок на снегу уже потеряли четкое очертание, легкий ветерок сгладил края, но я не волновалась за Сергея. Мы договорились, что он пойдет по следам – они наверняка очень быстро выведут его к деревне, снегопада нет, ветерок легкий, почти незаметный, так что следы еще долго будут оставаться четкими. Я проследила глазами цепочку, уходящую к лесу, и на самом ее конце увидела Сергея. Он возвращался. Но не плавно скользил на лыжах, а бежал, утопая в снегу, падая, барахтаясь, поднимаясь и снова падая. Уже издали было видно, что одна из палок потеряна, шарф размотался и волочится, одним концом цепляясь за ветки деревьев. Я молча наблюдала его приближение, пока не заметила, что смотрю на это позорное драпанье не одна. За спиной Сергея спокойно стояли три красивых серых зверя.

* * *

– Сначала я просто шел по следам, – отдышавшись, доложил Сергей, – они зачем-то остановились возле елки, залезли под ветки. Я поднял одну, посмотрел – копали. На всякий случай разворошил ногой снег и увидел вот это, – он положил на стол льдинку неправильной формы с налипшим на нее снегом.

– Удивительно, как ты смог среди зимы, да в лесу, найти такую глыбу льда? – не удержался от сарказма Костя.

– Не иронизируй, – усмехнулся Сергей, – смотри внимательно.

От тепла снег на льдинке стал таять, сама она оплывать и постепенно принимать форму толстенького, остро заточенного карандашика.

– Горный хрусталь? – догадалась я.

– Очень похоже, – поддержал меня Сергей.

– Ой, мы – первооткрыватели, – обрадованно воскликнула Ленка, – надо срочно регистрировать патент, пока всякие сюда не понабежали!

– Лена, – урезонила ее я, – кристалл нашел Сергей, мы тут совершенно ни при чем, и нашел его не на земле, а в снегу, значит, его просто потеряли те, кто бродил ночью возле нашего дома.

– Ну, потеряли так потеряли, я и не спорю. Какой красивый! Всю жизнь о таком мечтала. В конце концов, как они смогут доказать, что нашли его именно мы?

– Знаете, – задумчиво проговорил Костя, – а ведь я филолог по образованию и давно интересуюсь скандинавскими сказками. По легенде, гномы просто помешаны на камнях. И жестоко мстят тем, кто пытается завладеть их богатством.

Все замолчали, никто не нашелся, что сказать на это заявление. Я взяла в руки кристалл, поднесла к глазам – действительно натуральный. Лед и снег стаяли полностью, и минерал уютно грелся у меня в руке, тускло мерцая влажными гранями. Хотя и это можно объяснить – не алмаз же, в конце концов, довольно-таки дешевый кристалл, можно найти в любой сувенирной лавке. Ребята заигрались, потеряли. Можно было

бы подождать их возле елки, наверняка вернутся искать. Можно было бы, если бы не волки.

Сергей уже рассказал нам, что волков он увидел почти сразу после того, как поднял камень. Они стояли недалеко и смотрели спокойно и с любопытством, не проявляя, однако, признаков агрессии. Сергей тут же понял, что это не собаки. Только хозяева леса могут так уверенно разглядывать пришельца. Он решил прибегнуть к безотказному способу, которым легко вспугнуть собак: нагнулся, сделал вид, что поднимает камень с земли, и размахнулся. Волки даже не проследили глазами воображаемую траекторию полета камня – сначала один, а потом и другие лениво затрусили по направлению к Сергею.

– Никогда не ожидал от себя подобной прыти, – нервно хохотнул парень, – удрать от стаи волков – это достойно олимпийского рекорда.

Никакого рекорда это не достойно, с усмешкой подумала я, – если бы звери хотели, они не дали бы ему сделать и шага от той ели, разорвали бы на месте. Они просто не выпускали его из леса, гоня обратно к избушке. Поведение зверей было нелогично и необъяснимо, а я не терпела неразгаданных загадок. Дети, таскающиеся по зимнему лесу, откормленные в неположенное время года хищники. Да, в последнее время они не нападают на человека, но и не наблюдают за ним с такой вопиющей наглостью. А если они действительно просто не выпускали его из леса? Должно же быть этому какое-то объяснение. Должно.

* * *

Ребята вышли на разведку, Ленка уныло сидела перед печкой, обняв руками колени, я стояла у окна. Разгадка наверняка близка, но решать ее здесь, в этом изолированном пространстве, было слишком сложно. Вероятно, в селе знали и об избушке, и о малолетках, шастающих по лесу, и о том, что в чаще водятся наглые сытые волки. Мне срочно надо было добраться до села или решить эту задачу, тут я ощущала себя марионеткой в руках неведомых шутников и безмерно бесилась от этого.

А чего я, собственно, боюсь? Волки, судя по всему, не агрессивные и не кровожадные от голода, иначе они не отпустили бы Сергея. На худой конец, у меня есть «макаров», до темноты еще много времени, а до деревни идти самое большее – час. Следы «гномов» четко виднелись на снегу, и я решила поторопиться: мы не подумали о том, что дети действительно могут вернуться за кристаллом, а в лесу – волки, какими бы они ни были неагрессивными. Это на взрослого человека звери могли не рискнуть напасть, а на ребенка... Где-то я слышала, что многие особи, гиены например, никогда не нападут на существо, выше себя ростом, поэтому спасением от них может послужить простой камень, на который можно забраться, сымитировав лишние десять сантиметров роста. Мы, конечно, вполне могли бы просидеть здесь с недельку: нас уже хватились, и не сегодня завтра начнут искать и найдут, конечно. Достаточно будет опросить жителей деревни и выйти на ребятшек, которые топтались возле избы. Но пока это произойдет, ребятня может серьезно пострадать.

Сергей и Костя, разумеется, будут против того, чтобы я одна шла через лес, они же не знают про «макаров», а я не собираюсь их ставить в известность. Ленка тоже начнет делать круглые глаза и шептать, что неэтично оставлять ее одну с двумя мужчинами. Значит, надо удрать тайком.

– Леночка, – елеиным голоском произнесла я, – раз уж Рождество нам придется встречать в лесу, давай готовить праздничный стол. Не знаешь, что можно сделать из всей той роскоши, что хранится в погребе?

Подруга оживилась:

– Тань, ты думаешь, что мы не умрем? Что все еще можно поправить?

– Умрем, если немедленно не пообедаем. И где там мужики? Нам что, самим себе глинтвейн готовить?

Сейчас Ленка займется сервировкой, Сергей будет внимательно смотреть, как в кастрюльке нагревается вино с приправами, Костю заставим подтопить печку. Все займутся своими делами, а я встану на лыжи – и в лес. Думаю, собрать бригаду охотников я успею уже сегодня, наверняка у кого-нибудь из дачников найдется снегоход, так что вернуться успею затемно. Я быстренько нацарапала пару слов для Ленки, чтобы не испугалась, и положила записку под кристалл, который подруга пристроила на подоконнике. Хрусталь красиво преломлял яркий свет, разбрасывая разноцветные крапинки. Я немного подержала его в руках – на солнце он стал почти теплым. Потом сообщила подруге, что иду за ребятами, и вышла. Их надо было скорее загнать в избу и заставить что-нибудь делать.

– Где Сергей? – спросила я у одиноко стоящего на крыльце Кости. – Мы с Ленкой глинтвейна требуем. Рождество, в самом деле, или не Рождество?

– А Сергея нет, – как-то потерянно отозвался он, – Сергей в лес ушел.

Как рассказал нам Костя, Сережа относился к тем людям, которых легко взять «на слабо». Когда ребята вышли на воздух, Костя, верный своей привычке над всем подшучивать, начал дразнить друга: и за волков

он зайца принял, и кристалл у детишек отобрал. Сергей и так был взвинчен происходящим: еще бы, он улепетывал на глазах у девушки, а эти твари стояли спокойно и смотрели вслед, будто усмехаясь. К тому же он действительно испугался. Поэтому и разозлился. Оттолкнул Костю, встал на лыжи и быстро скрылся за деревьями.

– Я пытался догнать его, – виновато разводил руками Костя, – но сразу по пояс в снег провалился. Лыжи наст выдерживает, а вес человека – нет.

– И вес гномиков, – подала голос Ленка, – вес гномиков он тоже выдерживает. Вы забыли, что они пришли не на лыжах? Если бы это были люди, они и шага не ступили бы, а они не просто нарезали круги вокруг дома, но и убегали от меня как ошпаренные.

– Лена, – менторским тоном сказала я, – сколько раз тебе повторять? Это были не гномики, а дети! Дети тоже легче, чем мы, поэтому не проваливались в снег.

– А борода? У детей не бывает бороды.

– Тебе показалось.

– А волки? Костя считает, что Сергею тоже показалось, а ты утверждаешь, что волки были. К тому же кристалл. Где гномы – там и самоцветы, это не только филологу, но и любому ребенку известно, если у него родители не алкаши и иногда читают ему сказки.

«Кристалл!» – вспомнила я, пока никто не увидел, надо убрать записку, раз уйти не получилось. Я подошла к окну. Лист бумаги, на котором я писала, был мокрый насквозь, а наверху, в маленькой лужице, оплывал острый кончик ледяного толстенького карандаша.

* * *

За окном смеркалось. Мы с Костей молчали, Ленка капризным голосом читала всем нам нотации.

– Конечно, отпустили парня на растерзание, теперь его точно либо волки, либо гномы грохнут, а у нас больше ни лыж, ни лишнего мужчины не останется. Что делать будем? И этот тоже хорош – не понимает, что одному в лесу с волками опасно? Ему-то ладно, его, может, легкая смерть ждет, а нас гномы за камень теперь точно уже никогда не выпустят, ладно бы он еще не растаял, его вернуть было бы можно, а так – кто нам поверит? И это еще надо проверить, волки настоящие, или оборотни какие-нибудь. В рождественскую ночь в лесу и не такое встретишь, от говорящих зайчиков до какого-нибудь Деда Мороза допрыгаться можно, это я вам точно говорю!

Я вполуха слушала, как монотонно бубнит подруга, и размышляла: Сергей – темная лошадка. То, что он все-таки ушел, не побоявшись волков и зимнего леса, еще не говорит о том, что он не замешан в этой истории. Костя – обаяшка и душа компании, часто из таких именно и получаются преступники и маньяки. Пока мне совершенно ясно только то, что кристалл подменили – несколько минут назад я держала его в руках, он был теплым, шершавым, твердым. И почти сразу – лужица. Сергей подменить его не мог, значит, Костя. Интересно, для чего это все?

«Макаров» я захватила, а гадальные кости, которые могли бы помочь мне в этой ситуации, оставила. Да и глупо было бы брать их в лес. Я безнадежно хлопнула по карману, на что немедленно отозвалась Ленка.

– Кости ищешь? Вот, а не веришь в сверхъестественное! Сама-то без них – никуда, а надо мной смеешься. Она на костях гадает, – ответила Ленка на невысказанный вопрос Кости, – кидает их на тряпочку и смотрит, что выйдет.

– Правда? – оживился парень. – И часто бывают совпадения?

Я бросила укоризненный взгляд на подругу: не то чтобы я скрывала эту свою – слабость? увлечение? суеверие? – просто не хотела подпускать к себе так близко незнакомых людей. А Ленка уже тараторила, рассказывая принцип гадания. Ладно, она все равно ничего в этом не понимает. Я отвернулась к окну и постаралась отключиться от ее болтовни. Света мы еще не зажигали, так что со стороны леса меня не было видно. Судя по всему, нам опять предстояло ночевать здесь, и подготовиться к ночи следовало обстоятельно. Только бы не уснуть! Я и так почти не спала прошедшие сутки, глаза слипаются и пощипывают, тени какие-то мелькают... Я тряхнула головой и сосредоточила внимание: в лесу снова началось движение. Я совершенно четко увидела трех серых лохматых зверей и две маленькие фигурки между ними: пятерка спокойно, не торопясь, уходила в темень леса. Дети! Это же дети, они не знают, как могут быть опасны волки!

Я отбежала от окна и бросилась к двери, распахнула ее, соскочила с крыльца, запуталась ногами в чем-то мягком и упала в снег. Я подняла голову, попыталась крикнуть и вдруг увидела, что один из детей оглянулся, и гримаса не то злорадства, не то радости появилась на его морщинистом лице. Длинная белая

борода старика была слегка припорошена снегом.

* * *

За мной на крыльцо выбежали Ленка и Костя. Они тоже видели лицо маленького старичка, видели, как величественно и бесстрашно удалялась в лес компания волков и человечков. Узел, оставленный на крыльце, мы занесли в дом, а сломанные лыжи Сергея так и остались лежать на крыльце. Узел, о который я и споткнулась, представлял собой изрядно потрепанную куртку, в нее были завязаны теплые спортивные штаны, джемпер, вязаная шапочка и кожаные перчатки Сергея. Все было беспощадно располосовано не то ножом, не то другим острым предметом, на джемпере атели свежие пятна, шапочка тоже была испачкана в красном.

Костя потрогал пальцем и, поморщившись, лизнул.

– Кровь, – с удивлением констатировал он, – это кровь, братцы.

Ленка медленно осела на вязаный половичок, я бросилась к двери, набросила крючок, потом занавесила окно одеялом. В доме мы в относительной безопасности. Как бы ни был причастен Костя к исчезновению кристалла, навредить Сергею он не мог, так как находился все это время возле нас. Кем бы ни были карлики и волки, существа они из плоти и крови, так что в трубу не просочатся и сквозь стены не пройдут. Взять они могут нас только огнем и измором, но с измором ничего не получится, рано или поздно нас найдут, а с огнем... Я буду обороняться.

Забавно: я смогла расследовать столько тяжких преступлений и никогда не ощущала себя столь незащищенной. Незащищенной не в физическом смысле: я могла постоять за себя и друзей. Меня пугало то, что я совершенно не владела ситуацией и не понимала, что происходит, насколько это опасно, кто контролирует происходящее и кто в этой ситуации друг, а кто – враг. Сейчас, пожалуй, именно я оказалась в положении жертвы, именно мне требовалась помощь профессионала.

Какого черта? Если это чья-то дурная шутка, то я прекращу ее сейчас же, даже если мне и придется рискнуть. Я воспользовалась тем, что Костя хлопотал возле Ленки, отбросила крючок и вышла в темноту зимнего вечера. Нет лыж? Пойду по сугробам. Над селом ночью всегда мерцает бледное пятно света, так что увижу я его очень скоро. Стреляю метко, патронов у меня хватит на всех, так что, если меня задумают удержать, пусть пеняют на себя. Сколько у нас врагов? Пятеро? А патронов в обойме? Восемь? Великолепная арифметика. В мою пользу. И раз не получается расплести этот узел с помощью логики, будем рубить плеча.

Наст на снегу стал заметно плотнее, чем вчера, и проваливалась я не на каждом шаге, а через один, поэтому медленно, но продвигалась к лесу. Небо было чистое, и хотя чернота уже окутала лес, но луна только недавно пошла на убыль и светила ярко, снег же с готовностью отражал свет и насколько мог усиливал его. Тени из-за кустов вынырнули неожиданно, но я была к этому готова. Гораздо хуже было, если бы никто так и не показался. Мои враги не лес и зимняя ночь, а те, кто прячется за этой темнотой и холодом.

Их было трое, три красивых сильных зверя, и на мгновение мне стало их жалко убивать. Но выбора не было. Волки тихо и уверенно скользили прямо на меня. Я прицелилась и выстрелила. Сухой щелчок прозвучал оглушительно в тишине ночи, но это не был звук выстрела, это был звук осечки. Я нажимала и нажимала на спусковой крючок, хотя сразу поняла, что меня подставили, как последнюю дурочку. Неужели все-таки Костя успел опустошить обойму, пока я спала? И что теперь будет с глупой, доверчивой Ленкой? И как ему удалось подчинить себе волков? И какую роль играют во всем этом маленькие человечки? Неужели я так и не узнаю этого?

Как всегда в минуту опасности, я разозлилась и заорала, сама толком не понимая, что говорю:

– А ну, сидеть, суки задриpanные! Сидеть, говорю вам!

«Задриpanные суки» немного подумали и послушно уселись на снег.

– А теперь пошли вон отсюда, пока я вам хвосты не повыдергивала! Пошли вон! – зарычала я на пределе своих голосовых связей.

Звери поднялись, развернулись ко мне хвостами и медленно стали удаляться.

Пока я соображала, что, собственно, это значит, ближайшее дерево зашевелилось, и из-за него вышел громадный бурый зверь. Он шел на меня молча, поднимая лапы, и молчание это было страшнее, чем самый грозный рык. Я отступила, постаралась, насколько это было возможно, натоптать вокруг себя снег и, когда чудовище было от меня в трех шагах, подпрыгнула и ударила его ногой. Позиция моя была неустойчивая, в челюсть я ему попала, но и сама потеряла равновесие, упала и ударилась головой о пенек, скрытый в снегу. Прежде чем я потеряла сознание, я успела услышать, как медведь зло выругался:

– Дура! Больно же!

* * *

Ленка, как всегда, ревела в три ручья, Костя суетился у печки, пытаясь вскипятить воду, Сергей в костюме медведя без верхней части, раздобытом, скорее всего, в сельском клубе, осторожно двигал туда-сюда нижней челюстью, а по дому суетились два гномика: старик с белой бородой и немолодая тетка.

– Надо было предупреждать, – причитала Ленка, – мы договаривались, что вы ее только немного разыграете, и это будет весело. А какое уж тут веселье? Если она умрет?

– Никто не умрет, – отозвался Костя, – кроме Сереги. Это еще хорошо, что мне патроны удалось вынуть, а то не только ему, но и живности кранты бы пришли. А для твоей подруги говорящие зайчики и снегири с гроздьями рябины в клювиках были бы неинтересны, так что без претензий.

Тут гномиха заметила, что я открыла глаза, и сокрушенно произнесла:

– Вы уж не обижайтесь, девушка. Эти лоботрясы не говорили нам, что собираются делать, просто попросили уступить займку и пару раз нарисоваться с нашими волчками. Сереге вы челюсть свернули, а Косте я сама сверну, когда вас домой доставим. Надо же, нас, порядочных людей, извергами такими выставляют!

Костя и Сергей оказались друзьями детства Ленки. Родились они в семье цирковых лилипутов, и родились вполне нормальными, здоровыми ребятами. Еще когда циркачи были в хорошей спортивной форме, муж заочно учился в Московском лесном институте и к выходу на пенсию, а она у циркачей приходит рано, окончил факультет лесного хозяйства. Уже в цирке они хлебнули столько повышенного людского внимания, что мечтали о тишине и безлюдии леса. Постоянно жили в селе, а изба, на которую мы набрели, была их летней резиденцией и дачей. Глупая Ленка, обиженная на меня за то, что я проработала всю новогоднюю ночь, попросила друзей устроить для меня розыгрыш, но в чем он будет состоять и как закончится, не знала. Сама она должна была только вывести меня к избушке и подыгрывать братьям. Ну, ничего, я еще разберусь с этой интриганкой, со злостью решила я, и с этими... клоунами.

«Эти клоуны» во главе с подругой стояли возле лилипутской кровати, в которую им удалось меня втиснуть, и с мольбой смотрели мне в глаза.

– А волки? – спросила я.

– Волки настоящие, но ручные. Их мать два года назад застрелили, вот мы их и воспитали, – улыбнулась карлица, и веселые морщинки разбежались из уголков ее глаз.

Наталья Солнцева

Браслет скифской царевны

Старый год умирает. Он отцвел, отыграл, спел свою песню, и теперь ему остается только уйти. О нем почти не вспоминают. Все предвкушают наступление Нового года, готовят праздничную встречу, полную нарядных елок, искрящегося снега, огней, шампанского, музыки, веселья, надежд и счастливых пожеланий.

Но старый год еще не сказал последнего слова. Он приберегает его до самого конца, до «мига вечности», когда куранты пробьют полночь, когда старое умрет, а новое родится. Прежде чем это произойдет, жизнь и смерть сольются в любовном экстазе – и неизвестно, кто выйдет победителем. В полночь так легко все перепутать.

Странные мысли одолевали Олега Бердянина, бывшего завязтого искателя кладов, а ныне обыкновенного продавца в магазине бытовой техники. Предпраздничная суета, блеск елочных украшений, бегающие огни на улицах возбуждали его напряженные нервы, вызывали головную боль.

Сеть магазинов принадлежала его отцу, состоятельному бизнесмену Трофиму Бердянину.

– Иди администратором для начала, – уговаривал Олега отец. – Потом директором тебя поставлю. Возьмешься за ум наконец.

Тот отнекивался, как мог:

– Дело нужно узнавать изнутри, с самых низов. Начинать, так с продавца.

– Ты же торговый институт закончил, – недоумевал Трофим Иванович. – Зачем тебе продавцом работать?

Олег заупрямился, и родитель уступил. Не стоит давить на парня, он не окреп еще – только пара месяцев, как таблетки глотать перестал. Однако не бывает худа без добра! Если бы не несчастный случай в Крыму, так бы и продолжал сын бродяжничать, с рюкзаком на спине по степям топтать да по горам лазать. Ради дурацких поисков каких-то сокровищ Олег на третьем курсе чуть не бросил учебу, да родители не позволили: настояли, чтобы перевелся на заочное и получил-таки диплом.

Как только сходил снег, их единственное чадо с группой таких же одержимых кладоискателей отправлялось в многодневный поход по разным «историческим» местам: то остатки городского вала где-то на Смоленщине откапывать, то подмосковные пещеры исследовать, то старый скит в лесу по бревнышку разбирать. А вдруг отшельники с собой старинную утварь прихватили да где-нибудь спрятали?

В комнате будущего наследника бердянинского капитала – не баснословного, но вполне солидного – лежали потрепанные карты, ветхие от времени книги и всякая всячина, которую домработница периодически порывалась отнести на помойку: бронзовые ручки, наконечники стрел, глиняные черепки, ржавые железки, стекляшки, темные куски дерева и даже камни, якобы из подземных гробниц.

– Это болезнь, – твердила мать, роняя слезы. – Перерастет, одумается. Поймет, что у нас денег и так достаточно. Я виновата! Возила его к деду в Керчь, тот и отравил ребенка своими байками. Боспорское царство, Пантикапей, Херсонес, скифские могильники, античные храмы. Мальчик с детства заразился дедовой страстью к древностям!

– Разве дело в деньгах? – возмущался Олег. – Ничего вы не понимаете! Это же вещи, к которым прикасались люди, жившие тысячи лет назад! Они дышат тайной!

– Какая там тайна? Ну, жили, воевали, торговали, молились... и умирали. Все то же, что и сейчас. Ты уже вышел из юного возраста, сынок. Пора настоящим делом заниматься!

Но «заниматься делом» Олег не спешил. Ездил на Керченский полуостров, жил в доме покойного деда, познакомился с местными «черными археологами», которые за определенную плату водили его по заветным местам и делились информацией. Пока не попал в больницу с черепно-мозговой травмой. Хорошо, что жив остался!

Отправились они вдвоем с товарищем на холм, где раньше велась добыча камня, разбили неподалеку палатку и ходили вокруг да около, ища лаз, ведущий внутрь холма. Не обнаружив такового, принялись копать. Было это в начале лета, зарядили дожди, но молодые люди, увлеченные поисками, продолжали рыть... Пока намокшая толща земли вперемешку с камнями не обрушилась на них. Товарищ отделался легким испугом, синяками и ссадинами. Придя в себя, он выбрался из-под завала весь в грязи и в крови, с трудом вытащил Олега. Тому повезло меньше: большой камень угодил в голову, и он пролежал без сознания несколько часов в палатке, пока товарищ не привел людей из близлежащего селения.

– Ну, где твой покойничек? – лениво осведомились подвыпившие мужики.

– Может, он жив еще! – уговаривал их перепуганный парень. – Кладите на брезент, несите! Осторожно надо!

– Какой жив? Синий уже, и пульса нет, – заявил один из «спасателей», опустившись на корточки и щупая грязное запястье Олега. – Не дышит.

– Как не дышит? Дышал вроде... Или не дышал? Я не проверил... сразу за помощью побежал. Торопился очень! – Товарищ сел прямо на мокрую землю, обхватил голову руками и застонал: – Что же теперь будет?

– Дышит, кажись... – пробормотал мужик, который сидел на корточках. – Давай брезент!

Всю дорогу до сельского медпункта лил дождь. Мужики вымокли до нитки и устали ругаться. Ноги разъезжались в жидкой грязи, скользили. Тело Олега казалось невероятно тяжелым, безжизненным.

В медпункте фельдшер оказал пострадавшему первую помощь и отправил по раскисшей дороге в больницу. Только там товарищ Олега вспомнил про мобильный телефон. Можно же было позвонить! Но трубка оказалась разбитой.

Через неделю Олега увезли в Москву на дополнительное обследование, сделали томографию. К счастью, обошлось без хирургического вмешательства. Мать от переживаний слегла, и ухаживала за ним его девушка Инна. В августе Олега перевели в отделение реабилитации, а осенью выписали. Голова болела страшно, но лечащий врач успокоил: «Остаточное явление. Постепенно это пройдет. Я назначу таблетки».

Олег медленно возвращался к нормальной жизни, чего нельзя было сказать о его памяти. Он забыл, как искали лаз, не помнил, как произошел обвал, в его сознании всплывали лишь смутные отрывочные эпизоды: холм... палатка... котелок на костре... дождь... грязь... камни... мокрая земля... темнота...

После работы отец присылал за ним машину с водителем – Олег попробовал было сам сесть за руль, но почувствовал себя плохо и не рискнул ехать по запруженным транспортом городским улицам. По дороге они забирали Инну из института. Молодые люди прогуливались по парку или ужинали в кафе, а водитель терпеливо ждал, чтобы развезти их по домам. Вечером на Олега страшно было смотреть – под глазами синяки, бледный, в испарине от подступающего приступа головной боли. Мать сразу укладывала его в постель, несла лекарство. Врач не обманул – день ото дня Олегу легчало, он все реже принимал таблетки и вскоре совсем от них отказался.

– Жениться тебе пора, – советовал отец. – Вон хоть на Инне. Пригожая, воспитанная, ласковая, любит тебя без памяти!

– То-то и оно, что *без памяти*...

– Девочка из хорошей семьи. Учится в медицинском, свой доктор будет.

– *Без памяти* – не хочу...

Отец сделал вид, что ответ Олега ничуть его не удивляет. После больницы мальчик сам не свой, говорит невпопад, думает непонятно о чем. Да и как не думать? С памятью у него действительно не все ладно. Трофим Иванович поговорил с врачом тет-а-тет, попросил быть предельно откровенным. Доктор уверял, что оснований для беспокойства нет:

– Такое бывает. Потеря памяти у вашего сына касается небольшого промежутка времени, непосредственно связанного с травмой. Это защитная реакция на страх и боль – сознание как бы изолирует тяжелый инцидент, чтобы к нему не было доступа. Потом память может восстановиться.

– А если прибегнуть к помощи гипноза?

– Зачем? Я против гипнотического воздействия, – решительно заявил врач. – Это подавляет волю пациента. Воспоминания должны вернуться естественным путем. Какая-нибудь деталь или похожие обстоятельства могут этому поспособствовать.

– Нет уж! Не дай бог...

Олег выздоравливал. Он повеселел, поправился, перестал подолгу лежать на диване, уставившись в потолок. Голова побаливала, но не так сильно. Он уже сидел за компьютером, начал переписываться с кладоискателями, интересоваться находками других.

– Опять за свое взялся, – шептала Трофиму Ивановичу жена. – Боюсь я за него!

– Женить надо сына, тогда дурь быстро из мозгов выветрится. Молодая баба в постели куда приятнее, чем рюкзак на плечах.

– Я бы с удовольствием! Чем Инна не невеста? Покладистая, неизбалованная. Только Олежек о свадьбе не заикается. И вообще, у них отношения какие-то дружеские. Без страсти, без трепета любовного.

– А мы с тобой как женились? Про любовь-то нас никто не спрашивал. Познакомили, сосватали. Ты мне приглянулась. Скромная, молчаливая, да и грудь у тебя была – глаз не отведешь.

– Тише ты! – смущалась жена. – А грудь у меня и сейчас ничего...

Трофим Иванович обнял ее, поцеловал в вырез кружевной сорочки.

– Мне кажется, я тебя в первую брачную ночь полюбил – раз и навсегда. Я ведь не изменял тебе, даже в молодости.

– Ладно, не ври!

Бердянины засыпали, счастливые, как бывают счастливы люди, довольные собой и жизнью. Если Трофим Иванович и лукавил насчет нерушимой верности законной супруге, то самую малость. Были грешки, но такие мимолетные и незначительные, что о них и вспоминать не стоило. Жена ни разу не пожалела, что когда-то выбрала молодого и робкого служащего Сбербанка. Робость его касалась только женщин и ни в коей мере – работы. Она жила с Бердяниным, как за каменной стеной, ни о чем не тужила. Грехи же господь велел прощать для облегчения души.

Когда отец вновь заговорил с Олегом о женитьбе, то получил резкий отказ.

– Оставь, папа! Мне бы с собой разобраться! С головой у меня что-то творится – хочу вспомнить и не могу. Знаешь, какие у меня мысли?

– Тебе не нравится Инна? – пожал плечами Трофим Иванович. – Найдем другую.

– При чем тут Инна?

Олег хотел кое-что добавить, но замолчал, вздохнул и махнул рукой. Отцу лучше не знать.

– После Нового года поговорим, – строго произнес Бердянин-старший. – Ты где праздновать собираешься? С нами или с молодежью в ночном клубе?

– Я, наверное, в Керчь поеду...

* * *

– Не пуцу! – встала на дыбы мать. – Что там делать зимой в дедовой мазанке? Не хватало только воспаление легких подхватить! Там же никаких удобств, печку топить надо, мыться в тазике.

Насчет «мазанки» она, конечно, сгущала краски. В прошлом году Трофим Иванович выделил деньги на ремонт старого дома – под руководством Олега строительная бригада поменяла крышу, окна и двери, перестелила полы, привела в порядок дымоход и провела воду, так что условия для проживания стали вполне приличными. Красная черепица, белые, увитые виноградом стены, высокий светлый забор, закрытый со всех сторон уютный дворик делали дом типично южным, крымским – располагающим к лени и отдыху. До моря было далеко, но ветер с залива приносил его запах – солоноватый, с привкусом йода.

Олег нашел спасительный аргумент.

– Я возьму с собой Инну, – заявил он. – Мы проводим старый год и встретим новый вместе. Я хочу, чтобы моя болезнь осталась в прошлом, ушла с последними мгновениями перед полуночью... туда же, откуда пришла.

Трофим Иванович вспомнил слова врача и неожиданно встал на сторону сына. Вдруг *похожие обстоятельства* пробудят уснувшую часть его памяти, вернут ясность и покой душе? Сам керченский воздух, корявый орех у забора, посаженный руками деда, зимняя степь, камни, развалины античного Пантикапея... Все это может оказаться тем ключиком, который откроет «черный ящик» в сознании Олега. Очень кстати, что девушка будет рядом – накрывать праздничный стол, смеяться, смотреть в глаза, манить своей красотой и молодостью. Ночи, проведенные в старом доме под свист норд-веста и треск дров в печи, сблизят их, подтолкнут к тому, чем из века в век занимаются мужчина и женщина, оставаясь наедине. Природа возьмет свое, как ни крути...

– Пусть едут, – положил конец причитаниям жены господин Бердянин. – Морской воздух Олежке на пользу. Может, с Инночкой у них слюбится-сладится. Дело молодое! Поженим их и вздохнем с облегчением.

Вечером, лежа на широкой кровати с изголовьем, инкрустированным розовым деревом, госпожа Бердянина – дочь керченского учителя истории, приехавшая когда-то в столицу поступать в педагогический институт, – вспоминала свое детство. Ей ведь тоже отец рассказывал на ночь необыкновенные сказки: про царя Митридата, золотую маску, найденную в некрополе Пантикапея, курганы, полные сокровищ, и скифскую царевну Томирис.

...Была она тонка, изящна и прелестна, как дикий степной цветок, – с маленькими алыми губами, нежной кожей и шелковистыми волосами, черными, как вороново крыло. Ее родила царю скифов роскошная и своенравная гречанка, которую он силой взял в жены. Томирис стала его любимицей. Девушку холили и лелеяли, наряжали в драгоценные ткани и украшения, привезенные из заморских городов. Когда она шла, ее сопровождал мелодичный звон бесчисленных золотых бляшек, нашитых на одежду и вплетенных в волосы. На голове царевна носила остроконечную шапочку, на шее – блестящие ожерелья, на руках – браслеты, на

ногах – мягкие сапожки из искусно выделанной кожи. Но все украшения затмевала ее дивная, пленительная красота.

Царь подыскивал дочери достойного жениха. Одного за другим отвергал он претендентов на руку и сердце Томирис. Девушка удалась внешностью и характером в мать, а властной надменностью – в отца. Ее белое, как луна, личико кривилось в презрительной гримасе при виде мужчин, которых прочили ей в мужья. Она понимала, что рано или поздно ей придется сделать выбор, но оттягивала этот момент всеми возможными способами.

Мать-гречанка внушила ей мысль, что быть женой варвара, грубого и невежественного скифа, – незавидная доля.

– А если его убьют в бою или он умрет от тяжелой болезни, тебя задушат и положат в его могилу. Ни молодость, ни красота, ни принадлежность к знатному роду не спасут тебя от неминуемой смерти, – нашептывала мать.

И Томирис содрогалась от ужаса, представляя, какая участь ее ждет. По щекам катились прозрачные слезинки, когда она смотрелась в бронзовое зеркало с ручкой, покрытой золотой фольгой. Ее томил неясные предчувствия, сердце замирало от предвкушения любви, которой она еще не познала. Неужели ей суждено умереть молодой? Скифы воинственны и заносчивы, они проводят жизнь в седле, с луком за спиной и акинаком на поясе. Погибнуть в бою – честь для воина. А что будет с его женой, никого не волнует...

С тоской следила царица за полетом птиц в необъятном синем небе, завидовала ветру, свободно веющему над выжженной солнцем степью. Ах, как бы ей хотелось стать этим ветром – вольным и быстрым, непокорным, летящим, куда ему вздумается!

– Что мне делать? – спрашивала она у матери. – Как быть?

Однажды в тихую летнюю ночь печальная гречанка вывела дочь из шатра и показала ей извилистую туманность Млечного Пути.

– Только эта дорога уведет тебя отсюда. Как и когда – не знаю. Скоро...

– Откуда тебе это известно? – удивилась Томирис.

– Я умею гадать по звездам. Давным-давно, в юности, я готовилась стать жрицей в храме Гекаты. Но богиня отвернулась от меня...

Она сняла с руки браслет, с которым никогда не расставалась, и протянула дочери.

– Возьми его, надень на левое запястье и никогда не снимай.

Над степью стояла неподвижная прохлада. Пахло дикими травами. Стрекотали цикады. Красная луна томно взирала на свои владения. В ее свете камни браслета таинственно мерцали, словно тусклые звезды.

Томирис вернулась в шатер, зажгла масляный светильник и принялась рассматривать подарок. Сколько она себя помнила, этот браслет всегда был на руке матери. Он казался обычным, разве что более тонкой работы, чем другие украшения из золота. Его поверхность сплошь унизывали жемчужины, ониксовые и сердоликовые бусины, а по краям располагались красивые фигурки мужчины и женщины, сплетенные в объятиях...

Госпожа Бердянина уснула, и окончание истории перешло в ее сновидение, наполнив его топотом скифских коней, вереницей кибиток и степной пылью...

– Ты стонала во сне, – сообщил ей наутро господин Бердянин. – Что-то болело?

– Сердце...

За завтраком она все еще вспоминала свой сон: царица Томирис на погребальном ложе в багровом свете факелов поворачивает лицо и обращает на нее взгляд, тянет руки. Вместо глаз у нее – зияющие в черепе провалы, а вместо рук – кости скелета. Браслет слетает с запястья и катится по полу прямо к ногам Бердяниной...

– Что с тобой?

Жена вздрогнула и схватилась за сердце. Трофим Иванович кинулся за лекарством.

– «Скорую» вызвать?

– Не надо... сейчас пройдет...

Она положила таблетку под язык и, прерывисто дыша, откинула голову на высокую спинку стула.

– Это я виновата! – простонала она. – Зачем мы отправляли Олежека к папе в Керчь? Там он попал в плохую компанию, связался с этим хулиганом Жекой!

– Во-первых, твой отец души во внуке не чаял, а во-вторых, там море, целебный воздух, фрукты. Кто ж знал, что все так обернется? Кстати, Жека – вовсе не хулиган, как ты выражаешься, а обыкновенный парнишка из рыбацкой семьи. Работага. Культуры ему, может, и не хватает, но в остальном – нормальный мужик. Не забывай, что этот Жека спас нашего сына!

– Да... ты прав...

Тиски в груди госпожи Бердяниной разжались, и она перевела дух, порозовела, почувствовав себя лучше.

* * *

За неделю до отъезда Олегу позвонил из Керчи тот самый Женя Крамаренко, с которым они попали под обвал.

– Ты как, старик? Поправился?

– Почти. Если бы не ты... В общем, я твой должник.

– Брось! Какие счета между друзьями? – смутился Жека.

– Ладно, разберемся. С наступающим тебя! Есть шанс встретиться.

– Слу-у-ушай, было бы здорово! – обрадовался приятель. – Приглашаешь к себе в Москву?

– Наоборот, хочу в Керчь смотаться на праздники. Люблю зимнее море. Вместе Новый год отметим. С меня угощение, выпивка – попируем! С девушкой тебя познакомлю. Тебе столичные девушки нравятся?

Крамаренко промолчал.

– Что затих? Другие планы? Жаль...

– Да нет... – спохватился Жека. – Я с удовольствием. Тут такое дело... У тебя все в порядке?

– В каком смысле?

– Ты с нашими переписываешься? По электронной почте? Ну, кто куда ездил, что копали, какие у кого новости?

Олег оглянулся, нет ли поблизости матери, прикрыл трубку рукой и понизил голос:

– Переписываюсь. Только мне странные сообщения приходили уже три раза. Не пойму, что за фигня?

Крамаренко сглотнул – громко, судорожно:

– Тебе... тоже?

– Что значит «тоже»?

– *Это случится в новогоднюю ночь. Готовься...*

У Олега зануло в висках, закружилась голова. Он глубоко вдохнул и опустил на стул. Сидя разговаривать удобнее.

– Блин, Жека, это твоя работа? Признавайся. Ты меня разводишь!

– Да ты что? Зачем м-мне! – волнуясь, приятель начинал заикаться. – Я сам с-сначала принял за разводняк, а потом... д-достали меня эти угрозы. Решил тебе п-позвонить, узнать...

– Почему именно мне?

Крамаренко на мгновение запнулся. Действительно, почему первым ему вспомнился Олег Бердянин?

– П-понятия не имею. Чутье!

– Больше такие сообщения никто не получал?

– Я ни от кого н-ничего не слышал. Правда, и сам рот держу на замке. Тебе вот только п-признался. Неохота паникером выглядеть. В-вроде бы бояться нечего, а мороз по коже идет. Как увижу эти с-строчки, аж скулы сводит. Даже не страх – жуть накатывает. Почту п-проверяю, и пальцы дрожат. Никогда такого не было!

– Мне ужасно не по себе, Жека, – выдохнул Олег. – Поэтому и еду в Керчь – подышать морем, развеяться. С тобой повидаться. Может, в последний раз...

– Иди ты! Ч-чего мелешь, старик? Ну, прикалывается кто-то, м-мало ли психов на свете? Не о смерти же речь идет?..

– А о чем? Что должно *случиться в новогоднюю ночь*?

Жека прочистил горло – чувствовалось, как он старается взять себя в руки.

– Не убить же нас с-собираются? Кому мы дорогу перешли, по-твоему?

– *Мертвым...*

– М-мертвым? – Крамаренко охрип. – Ты гонишь...

Но повисшее в трубке молчание говорило о том, что подобные мысли его уже посещали.

– Я пробовал узнать, откуда приходят сообщения... Никаких концов не нашел, – перешел на шепот Олег. – Если нас берут на пушку, то очень профессионально.

– Да к-кому мы нужны? Ты меня ошарашил, старик... Что за хрень? Не м-может такого быть...

Потоком слов Крамаренко пытался заглушить нарастающий ужас. Кладоискатели – люди суеверные, и байки про «мечь мертвецов» для них весьма актуальны. Бытует среди них множество поверий о проклятии,

которое хозяева клада или устроители могильника насылают на грабителей. В древности рядом с сокровищами нередко оставляли *бесплотного стража*, чтобы тот охранял ценности от чужих посягательств. Известны случаи, когда у «счастливого» обладателя найденного золота, драгоценностей или раритетной вещи начиналась черная полоса – на него вдруг обрушивались неудачи, болезни и даже смерть.

– Нам лучше д-держаться вместе! – истощив запас ругательств, выпалил Жека. – Ты правильно решил, старик! Приезжай. Мы им п-покажем! *Мертвецы*... Как бы не так! За лохов нас п-принимают, это ясно. Но мы не поддадимся. *М-мертвые* электронной почтой не пользуются, в их времена о таком с-слыхом не слыхивали!

Эта наигранная бравада не могла обмануть Олега. Он знал Жеку с детства как облупленного. У приятеля стучали зубы, а сердце ушло в пятки.

Олег поплотнее закрыл дверь в гостиную, где мать составляла список продуктов, которые следовало закупить на праздники. И спросил:

– Жека, с тобой ничего подозрительного не происходило в последние месяцы?

– П-подозрительного?

Вопрос поверг приятеля в шок. До сих пор он не связывал одно с другим. Но теперь...

– О, блин... Как ты д-догадался, старик? – занервничал Крамаренко. – Было происшествие! Сразу после того, как тебя в Москву увезли. Я искупаться решил вечерком, после работы. Отплыл от берега подальше, и вдруг все тело б-будто сковало, ни рукой, ни ногой не двинуть. Я, конечно, накануне п-принял на грудь, но не больше обычного. Ты понимаешь? К-короче, чуть не утонул. Чудом выплыл! Лежал на спине, старался страх унять... Потом мало-помалу отпустило. Ох, и с-струхнул я, старик! Тебе не п-передать.

После этого *случаи* посыпались, как из рога изобилия: то Жеку едва током не стукнуло, то он по рельсам шел и поезда не слышал. Хорошо, не один был, добрые люди крикнули: «Берегись, парень!» – и успел в сторону отскочить. То в порту груз оборвался, а Жека внизу стоял. Словом, что ни день – новая беда.

– Ты думаешь, это... – он задохнулся от ужаса.

– И завалило нас неспроста, – поддал жару Олег. – Я, когда очухался от своей болезни, за руль сесть попробовал. Сразу чуть в аварию не попал: еле от грузовика увернулся, а буквально через десять минут мотоциклист какой-то меня подрезал... Теперь только с водителем езжу. А недавно вышел на балкон с девушкой, и голова закружилась. Я на перила облокотился и чувствую – толчок в спину, будто кто-то сбросить меня хочет... С шестого этажа! Как удержался, не помню. Девочка перепугалась, подумала, я с собой решил покончить. Еле упробил ничего матери не говорить.

– Слушай, старик, д-давай, приезжай. Надо как-то защищаться. Меры п-принимать!

– Какие меры?

– Ну... в церковь ходим, п-покаемся... в этих, в грехах. С-свечки поставим. Авось отстанут от нас. Чтобы еще до Нового года успеть! Сечешь?

– Я тут к ясновидящему знаменитому ходил, – признался Бердянин. – Тайком от родителей. Денег ему дал, попросил в будущее заглянуть. Он шар хрустальный вертел, вертел... «Ничего не вижу! – твердит. – До тридцать первого декабря вижу, а дальше – темнота одна».

Жека закашлялся.

– З-заливает твой колдун, – неуверенно пробормотал он. – Я ему не верю. Но меры принять надо! Осторожность не п-помешает.

– А еще знаешь, что мне колдун сказал? «У тебя в памяти – черное пятно. От него все твои беды. Это „черная дыра“, как в космосе. Если тебя туда затянет – пропадешь!» Жека! Расскажи, что с нами случилось под завалом?

На том конце воцарилась тишина.

– Алло! Жека! Ты меня слышишь?

– Я все рассказал, с-старик... – выдавил Крамаренко. – Может, я тоже чего-то не п-помню?..

* * *

Вместо елки в дедушкином доме решили поставить крымскую сосну. Инна и Олег купили ее на вокзале, у красной от холода тетки в куртке с капюшоном поверх платка. Керчь встретила их северным ветром, снегом. С набережной море казалось свинцовым, на горизонте оно сливалось с таким же свинцовым небом. Волны с грохотом ударялись о берег, обдавая редких прохожих солеными брызгами.

Олег стоял спиной к морю, вглядываясь в молочную мглу, которая поглотила город. Древняя земля киммерийцев, тавров, греков, скифов и сарматов простиралась перед ним. Приезжая сюда, он чувствовал себя одним из них...

– Здесь каждый камень хранит следы исчезнувшей жизни, – сказал он.

– Идем! – взмолилась Инна. – Я замерзла!

Они добрались до домика белые, как два снеговика. Пока Олег открывал дверь, Инна отряхивалась.

– Надо принести дров, печку растопить, – хихикала она. – Ты умеешь?

– Конечно.

Он щелкнул выключателем – света не было. Ветер порвал провода, и новогоднюю ночь предстояло провести при свечах и керосиновой лампе.

Инна, поеживаясь, прошлась по дому. Столовая, две спальни, кухня и веранда, простая мебель, простые шторы на окнах. Везде пыль, холод. После ремонта убрали кое-как, на скорую руку. «Зато Олег рядом, – подумала она. – Никто мне не нужен, кроме него!»

Когда печка разгорелась, в маленьких комнатках стало тепло. Запахло дровами.

Инна готовила праздничное угощение. На печи! Уже приключение. Она уговорила Олега взять с собой кое-какие продукты, остальное купили в местном супермаркете.

– Где твой друг? – время от времени спрашивала она.

– Скоро придет. Он нас вчера ждал...

– Ты ему звонил?

– Не волнуйся, он знает, что мы уже здесь.

Накануне их отъезда из Москвы у госпожи Бердяниной случился сердечный приступ. Это была ее отчаянная попытка удержать сына возле себя. Но на следующий день, когда матери полегчало, он все-таки уехал. Ни ее слезы, ни укоризненные вздохи отца не смогли остановить Олега.

Инна отправилась с ним. Ей очень нравился Олег – рослый, красивый парень, не пустозвон, как другие. Работает продавцом в магазине, хотя у его родителей денег куры не клюют. Не распускает руки, не говорит пошлостей и в любви признаваться не спешит. Сразу видно – серьезный человек. А то, что увлекается раскопками и кладами, – даже романтично. Она могла часами слушать его рассказы о пиратских сокровищах и тайниках венецианских купцов в горных пещерах.

– Олег, помоги! – попросила Инна, устав бороться с тушеной индейкой. – Режь вот здесь... Уже девять часов скоро, а у нас стол не накрыт. Неудобно перед человеком. Обещали праздник, а сами приехали в последний момент. Ни убраться толком не успели, ни елку украсить.

Олег со странным равнодушием стоял у окна, наблюдая, как хлопья мокрого снега устилают мостовую. Если Инна о чем-то попросит – он сделает; нет – он так и будет стоять, словно от этих хлопьев зависит его судьба.

– Олег, ну что с тобой? Голова болит?

Он поворачивался, смотрел на нее, как будто в первый раз видел, и молча отворачивался к окну.

Гость пришел в начале десятого, внес оживление в их маленькую компанию. Они с Олегом обнялись, похлопывая друг друга по спине. Жека сразу положил глаз на Инну.

– Симпатичная деваха! – шепнул он приятелю, пока та ходила в кухню за салатом. – Во!

И показал большой палец.

– Дерзай... – безучастно предложил Олег.

Чисто выбеленные стены дома, аромат сухой полыни и сосны, смешанный с запахом моря, уютный полумрак, горящие свечи, бутылки шампанского и виски, теснящиеся на столе, обилие закусок, присутствие молодой очаровательной девушки так не вязались с опасностью и тем более возможной смертью, что друзья расслабились, повеселели. Жека, поглядывая на Инну, хвалил все блюда подряд.

– Вкусно!

У него разыгрался аппетит, он опрокидывал рюмку за рюмкой заморского напитка. Когда еще придется попробовать? На его зарплату не разбежишься.

– Вы чего кислые такие? – подбадривал он Олега и девушку. – Весь наступающий год испортить хотите?

Олег пил мало.

– Ему нельзя, – смущенно объяснила Инна. – Разве что капельку, по случаю Нового года.

Телевизора в доме не было, и Олег включил в соседней комнате радио, чтобы не пропустить бой курантов. Жека с улыбкой примерял подаренные часы и свитер из шотландской шерсти. Мрачные мысли отступили на второй план, страхи рассеялись. Угроза казалась надуманной, смешной.

– Давайте выпьем за то, чтобы все *черное* унес с собой старый год, – предложил Бердянин. – И войдем в

первую ночь Нового года чистыми, как падающий за окнами снег.

Инна и Крамаренко потянулись к нему с бокалами – чокаются. Стекланный звон живо напомнил Олегу праздники, когда во главе стола сидел дед, лукаво щурил глаза. Вместо десерта старик «угощал» внука сказочными историями.

– Жека! – попросил Олег. – Расскажи мне про обвал.

Приятель аж поперхнулся. Сколько можно повторять одно и то же? Так и беду накликаешь недолго.

– Не буду... Я тебе уже все рассказал! Много раз!

– А я тебе – не все...

Крамаренко потемнел лицом, нахмурился. Ну вот, хорошего настроения как не бывало. Опять придется переживать прошлые ужасы.

– Может, не надо?

Инна вдруг захлопала в ладоши:

– Надо! Надо! Олежка, ты что-то вспомнил?

– Знаешь, что мы с Жекой искали в безымянном кургане? Склеп царевны Томирис.

– Откуда там склеп? – возразил тот, обращаясь почему-то к Инне. – В том холме – заброшенная каменоломня... Я ему говорил! А он свое твердит: дескать, его дед находил поблизости обтесанные камни. Значит, внутри – захоронение. Если бы холм был курганом, насыщенным древними скифами, об этом было бы известно. Добывая камень, люди давно наткнулись бы на склеп!

– Не обязательно. Хотя... Может, они не только обнаружили могильник, но и разграбили его. Или подобрали то, что осталось от более ранних грабителей. Это как с пирамидами.

Крамаренко пожал плечами:

– Допустим, ты прав. Но мы ничего не нашли! Ни керамического осколка, ни бусины, ни деревяшки. Только землю и камни.

– Что за царевна Томирис? – заинтересовалась Инна.

– Была такая дочь у царя скифов. Она полюбила греческого воина, который попал в плен к кочевникам. Не желая выходить замуж за варвара, Томирис решила бежать вместе с пленником. Безлунной ночью она похитила у отца лучших коней, и беглецы ускакали в степь. На рассвете их хватились: царь приказал догнать и вернуть девушку, а пленника казнить. Напрасно жена-гречанка умоляла грозного варвара пощадить дочь и ее возлюбленного – царь кипел от гнева и не хотел ничего слышать. Скифы пустились в погоню. Они, в отличие от беглецов, отлично ориентировались в степи. Заметив настигающих их лучников, Томирис вскрикнула, ударила пятками коня, тот понесся, как ветер... И тут в него угодила скифская стрела. Конь рухнул на всем скаку, подмяв под себя наездницу. Царевна умерла мгновенно: у нее была переломана шея...

Олег замолчал. Инна не сводила с него глаз.

– А что случилось с греческим воином?

– Неизвестно. Легенда повествует только о безутешном горе царя и пышном погребении, которое он устроил любимой дочери. Ее нарядили в лучшую одежду и золотые украшения, рядом положили чудесные вещи, которыми она сможет пользоваться в загробном мире, ее зеркальце и драгоценные кубки. Отовсюду, из самых дальних земель потянулись траурные скифские повозки – они везли землю, чтобы насыпать над последним пристанищем Томирис погребальный курган. С тех пор немало воды утекло, и величественный курган, под которым спит царевна, превратился в пологий холм...

– Откуда твой дедушка узнал эти подробности?

– Он был учителем истории и любил крымскую землю, которая хранит множество тайн.

Где-то в глубине дома раздался хлопок, потянуло холодным воздухом, две свечи из трех погасли. Жека вскочил, насторожился.

– Ветер! – сказала Инна. – Наверное, дверь открылась. Пойду, проверю.

– А что, дверь оставалась незапертой все это время? – запаниковал гость.

– Кажется, я закрывала...

Девушка вышла. Олег полез в шкафчик за спичками – не нашел. Было слышно, как бьет в стекла снег и шумно дышит Жека. Свеча почти догорела, грозя вот-вот погаснуть. В коридоре раздались тихие шаги и звон...

– Радио замолчало! – вдруг осознал гость.

– Должно быть, Инна выключила.

– Черт...

Крамаренко незаметно перекрестился и еще на всякий случай сплюнул три раза.

– Там кто-то ходит, – прислушиваясь к подозрительным звукам, сказал Олег.

– Д-деваха, кто же еще?

У Жеки уже зуб на зуб не попадал.

– Похоже, что-то уронила...

– П-позови ее!

– Зачем? Сама придет... – Олегу внешне удавалось сохранять спокойствие, хотя его всего трясло. Он перешел на шепот: – Пока ее нет, я тебе главное расскажу. Мой дед всю жизнь искал могильник скифской царевны. Не из-за золота... По преданию, Томирис носила на руке браслет, подаренный матерью. С ним ее и похоронили. То было не простое украшение, а ритуальный предмет из храма Гекаты – браслет «Млечный Путь». Трехглавая богиня, помимо всего прочего, покровительствовала влюбленным и помогала им воссоединиться в вечности.

– К-как это?

– Не знаю. Курган стал предметом упорных поисков. Он, вероятно, не раз подвергся ограблению, но «Млечный Путь» как в воду канул. Зато смельчаки, рискнувшие добраться до склепа, плохо кончили: кто умом тронулся, кто спился, кто руки на себя наложил.

Крамаренко побледнел и затрясся:

– Ах, ты, жулик! С-скрыл все от меня! Говорил, п-проверим, может, чаша серебряная попадется или з-золотая бляшка. Дескать, дед упоминал этот холм как возможный м-могильник!

– Если бы ты знал правду, то не пошел бы со мной?

Жека отвел плутоватые глаза. Зачем отрицать? Конечно, пошел бы. Азарт бы выиграл, кладоискательский зуд. Нипочем не утерпишь!

Олег придвинулся к нему поближе, обнял за шею и прошептал в самое ухо:

– Я еще кое-что вспомнил! Царевна Томирис – моя невеста.

Приятель отшатнулся, но Бердянин крепко держал его за шею. Тот дернулся и ощутил холодное прикосновение бритвы, которая оказалась между пальцев Олега.

– Артерия... – усмехнулся он. – Одно движение, и ты мертв. Где браслет, парень?

– Т-ты... больной! – пискнул Жека. – У тебя к-крыша поехала! Отпусти... я же т-тебя из-под завала вытащил, за м-мужиками в село б-бегал! Если бы не я...

Откуда-то потянуло холодом, скрипнула дверь, и сквозняк погасил последнюю свечу. В крошечной тьме кто-то скользнул в комнату, провел по лицу обомлевшего Жеки чем-то легким и бесплотным. Он задохнулся от страха.

– Где мой браслет? – будто издали произнес женский голос.

– Вы м-меня на понт б-берете... – сдавленно простонал гость. – Инна! Это же т-ты! Вы... п-психи! Оба!

– Убей его! – прошептал женский голос. – Он вор!

Жека истерически икнул. Сцена напоминала Олегу эпизод из «Кавказской пленницы», где укутанная в белое покрывало девушка насмерть испугала своим появлением незадачливого жениха. Он с трудом сдержал смех.

– Когда ты разгреб землю, то увидел зажатый в моей руке браслет...

– Я... я п-подумал... ты выглядел, как м-мертвый... не д-дышал... – взвыл приятель. – Я д-думал, ты умер... и взял б-браслет... Ты не д-дышал... не д-дышал...

– Убей его! – повторил голос.

И Олег, к своему ужасу, ощутил непреодолимое желание полоснуть бритвой по шее товарища детских игр. Что это с ним?

Животное чувство самосохранения подсказало Жеке: лучше подчиниться.

– Эй... эй... не н-надо... не д-делай этого... – забормотал он, покрываясь холодным потом. – Я... отдам... отдам! Б-браслет в целостности и с-сохранности. Я хотел... в-вернуть его тебе... к-когда ты выздоровеешь... Он... в-всегда со мной. Я п-принес его... ч-чтобы отдать!

Капелька крови выступила из пореза на шее и потекла за воротник.

– П-погоди... Я п-принес его!

* * *

Крамаренко купил к зиме сапоги с меховыми отворотами: он предпочитал обувь, куда можно заправлять камуфляжные брюки – армейский стиль. Браслет оказался там, внутри отворота, бережно завернутый в полотно и пришитый к меховой подкладке грубыми черными нитками.

Инна и Олег сидели на корточках, рассматривая золотое украшение. На полу стояла керосиновая лампа.

Из-за двери комнаты, где закрыли Жеку, связав ему руки и ноги скотчем, раздавались приглушенные вопли.

– П-психи! – бесновался тот. – Шизики! Вас л-лечить надо!

– Вот эти жемчужины и камешки символизируют звезды Млечного Пути... – говорила Инна. – Золотые фигурки мужчины и женщины – аллегория жизни и смерти. Своими объятиями они замыкают круг вечности...

– Откуда ты знаешь?

Она улыbnулась.

– Знаю... А ты, выходит, ничего не забывал?

– У меня был провал в памяти, но постепенно все прояснилось. Особенно после того, как ты рассказала про мой бред.

– Ты повторял: «Отдай браслет... отдай браслет...»

– Теперь мне кажется, что я даже без сознания все видел и слышал. Нас ведь не сразу засыпало. Сначала сверху сползла часть свода... Мой фонарь еще работал, и в его свете что-то блеснуло. Я протянул руку... и тут обрушился целый размокший пласт с камнями. Наверное, я рефлекторно сжал пальцы. Жека потом с трудом их разжал, чтобы взять браслет.

– Думаешь, она, Томирис, все еще лежит там в своих золотых одеждах?

Олег помолчал, вздохнул.

– Курган, скорее всего, давно разграблен. А браслет уцелел... Может, его грабители обронили. Может, кого-то завалило, так же, как меня, только он выбраться не смог. Так и лежал вместе с браслетом, пока не истлел. Вариантов много. Мне повезло! Если бы не дождь, земля бы не обвалилась, и я бы ничего не нашел...

За стенами домика дул норд-вест, швырял снег в окна. Шум моря, казалось, слышался во всех уголках города. Стонали деревья, звенели жестяные трубы.

– Почему ты так долго не признавался, что все помнишь? – спросила Инна.

– Зачем? Как бы я тогда вернул браслет? Жека должен был оставаться в уверенности, что мне память напрочь отшибло. Иначе он бы скрылся и замел следы! А так я его постепенно *подготавливал*, сообщения странные посылал по электронной почте. На воре шапка горит! Он с детства не отличался храбростью – зато хитрости хоть отбавляй. Поэтому он и браслет не продал.

– Боялся продешевить?

– И продешевить, и жизни лишиться. Жека ведь кладоискательством не первый год занимается, разбирается, что почем. Браслету цены нет! Он это с первого взгляда понял.

– Как бы там ни было, он тебя спас.

– Да, правда...

Олег поднял глаза на Инну. В бледно-желтом свете лампы она вдруг показалась ему совсем другой – не такой, как раньше. Оказывается, у нее тонкие черты лица, красивые губы, чуть раскосые глаза.

– Выпустите м-меня! – орал за стенкой Жека. – Вы оба с-сбрендиди! П-придурки! Я же в-все отдал! – Его голос стал жалобным. – С-старик! Ты обещал!

Олег взял девушку за руку – нежную и теплую, с изящной кистью и длинными пальцами.

– Почему ты согласилась мне помогать? – прошептал он.

– Хотелось встретить Новый год в необычной обстановке – с тобой, в доме твоего дедушки. Я думала, ты решил разыграть своего товарища. Ты же говорил, у вас так принято.

– Я лгал...

– Можно мне примерить браслет? – робко попросила Инна.

Ему стало страшно. Что будет, если она наденет украшение, которое ей не принадлежит? Царевна Томирис это не понравится.

– Новый год! – спохватился Олег. – Мы пропустили бой курантов и не открыли шампанское.

– Еще не поздно. У нас на кухне стоит бутылка в ведре со снегом. Холодильник не работает, вот я и...

– Неси ее сюда! – обрадовался он.

* * *

В поезде они уснули под монотонный стук колес. Снег продолжал идти. За окнами тянулись унылые серые поселки, белые равнины, голые деревья.

Браслет лежал в сумочке Инны, которую она крепко прижимала к себе. Ей снилась бескрайняя степь и поросший травой курган, где под толщей земли лежит царевна, одетая в золото, как живая... Еще миг, и

начнет вздыматься ее грудь, дрогнут мягкие ресницы, улыбка тронет красивые маленькие губы...

Олегу снилась бешеная скачка, погоня, дробный топот копыт и свист скифских стрел. Сбитый стрелой, он падает на пожухлую траву... Последнее, на чем останавливается его угасающий взор, – золотой браслет на руке Томирис... сверкающие разноцветные камешки и две сплетенные в объятиях золотые фигурки мужчины и женщины.

А сверху, невидимая, струится среди звезд светло-голубая лента Млечного Пути...

Гатьяна Устинова

Волшебный свет

*Я стою в ожиданье,
Когда вы вернетесь домой,
Побродив по окрестным лесам.
Очень долгим он кажется,
Ваш выходной,
По земным моим быстрым часам!*

Ю. Левитанский. Ожидание

Тата? Таточка, это ты?

Она чуть не уронила мобильный. Чашка с кофе, которую она элегантно держала на весу, на блюде не ставила, накренилась, и кофе выплеснулся на юбку.

– Черт, вот черт возьми!

– Таточка, к чему ты поминаешь черта?

Тата, кое-как приткнув чашку на стол, пятерней стряхивала коричневые пятна с тонкой светлой ткани. С каждым движением получалось все хуже и хуже, пятна расплзались и приобретали хвосты, как кометы.

– Тата, ответь мне! Я туда попала, или я не туда попала?!

Тата, плечом придерживая трубку, заскулила жалобно:

– Бабушка, почему ты звонишь с какого-то странного телефона?

В трубке помолчали, а потом сказали тоном оскорбленного царственного достоинства:

– Почему со странного? Я телефонную с совершенно нормального аппарата! По крайней мере, на вид он совершенно обычный!

– Кто?!

– Телефон, – пояснили в трубке. – А что ты имеешь в виду, когда говоришь, что телефон странный?

Тата шумно выдохнула и перестала отряхивать юбку. Теперь по дороге на совещание придется прикрывать пятно ежедневником, словно ей так удобно – носить ежедневник на бедре, как индийская женщина кувшин.

– Бабушка, что это за номер? Ты что, не дома?

– Ну, конечно нет, моя дорогая.

– Господи, куда тебя понесло?

В трубке фыркнули, но и фыркание было царственное:

– Сегодня рождение у Юлии Цезаревны, разве ты забыла?

Тата понятия не имела, когда именно день рождения у Юлии Цезаревны, лучшей бабушкиной подруги.

– Ты, конечно же, поздравить Юлечку, когда я передам ей трубку, но, Тата, я звоню по совершенно другому поводу! Ты помнишь, что сегодня пятница?

– Смутно, бабушка, – пробормотала Тата. Проклятые пятна на юбке не давали ей покоя, и она все косилась на них, прикидывая, как именно можно минимизировать потери. Может, перевернуть юбку задом наперед?

Нет, выйдет еще хуже. Тогда пятна будут сзади, что уж совсем... неприлично.

– Что значит смутно? Если ты смутно помнишь такие вещи, значит, тебе нужно принимать специальные капли для головы. Они продаются в аптеке. Я принимаю, и, слава богу, у меня с памятью все прекрасно.

– Прекрасно, – эхом повторила Тата.

– Так вот. О чем я говорила?.. Ты меня сбива, и теперь я не могу вспомнить, о чем говорила.

Решительно.

– Ты сказала, что сегодня пятница, бабушка.

– Ах да! Вот именно, сегодня пятница. О чем нам это говорит?

– И о чем нам это говорит?

– Это говорит о том, что вчера был четверг, а нынче нужно ставить куличи.

Тата взялась рукой за лоб.

Куличи! Вчера и вправду был Чистый четверг, и как это она позабыла? Ей срочно нужно принимать

капли для головы.

– Надеюсь, – продолжала в трубке бабушка, – мы все соберемся у тебя, как обычно. Ты, конечно же, всех обзвонила, Таточка?

– Конечно, конечно, бабушка! – лживым голосом поклялась Тата.

Вот почему для бабушки не имеет значения, что тебе сорок лет, что ты вроде бы успешная женщина, много повидавшая в жизни, кажется, даже на грани развода, мать двоих детей, требовательный начальник, исполнительный подчиненный, умница-разумница и просто красавица?!

Когда звонит бабушка, хочется одернуть передник, посмотреть, все ли в порядке с косами, не растрепались ли, вымыть руки, на всякий случай приготовить дневник и быстренько придумать, что бы такое соврать половчее, если бабушка станет спрашивать, ходила ли она вчера на музыку!..

– Тогда все в порядке, – величественно проговорила бабушка. – А я думала, ты забыла, и опять все заботы лягут на мои плечи. И я искренне надеюсь наконец-то застать дома твоего мужа. – Это было сказано с нажимом, с намеком, с дальним прицелом и еще черт знает с чем. – Если он не понимает, скажи ему, что это становится неприличным! Не заставляй меня ему звонить.

– Не надо ему звонить, – быстро сказала Тата, – что ты, бабушка!

– Юлечка, иди дорогая, Таточка хочет тебя поздравить с рождением.

– Таточка не хочет, – пробормотала Тата мимо трубки, чтобы бдительная бабушка не услышала, и тут же возлюбовалась, уже непосредственно в трубку: – Юлия Цезаревна, дорогая Юлия Цезаревна, я вас поздравляю с днем рождения! Живите до ста лет...

– Чего это ты мне так мало отмерила? – немедленно вспыхнула Юлия Цезаревна. – До ста! Что тут до ста осталось-то? Я и замуж не успею сходить!

Кое-как отделавшись от старух, Тата позвонила матери.

– Мама, сегодня пятница!

– Я знаю, она мне утром звонила. Она сегодня на именинах. Спрашивала, кто будет обзванивать родственников.

– А ты?

– Я сказала, что обзвоню.

Тата пришла в отчаяние.

– А я сказала, что я уже всех обзвонила.

– Врать нехорошо, – подумав, сказала мать. Она что-то смешно жевала, в трубке хрупало, как будто кролик пасся.

– Мама, ты жуешь, как кролик! А зачем ей дался мой муж? С этим надо что-то делать, потому что его точно не будет, и я даже не знаю...

Хрупанье прекратилось.

– Как не будет? Опять не будет? На Новый год не было, на Восьмое марта тоже не было, и опять нет?! Таточка, ты от меня что-то скрываешь! Говори сейчас же.

– Мама, – сказала Тата твердо. – Я ничего от тебя не скрываю. Просто у него много дел, ты знаешь. Сначала он в Милан улетел, потом в Улан-Удэ, а сейчас, кажется, в Югорске. Или нет, нет, в Ханты-Мансийске.

Мать помолчала.

– Тата, вы что, разошлись? – спросила она дрогнувшим голосом. – Ведь происходит что-то такое... ужасное, я же чувствую! И Тёма на себя не похож, и Тюпа!

Тёма и Тюпа – великовозрастные сыновья Таты – бабушке представлялись младенцами в люльках, которых надлежало укачивать, кормить с ложечки и оберегать от всяческих жизненных невзгод.

– Никто ни с кем не разошелся, – бодрым фальшивым голосом уверила врушка Тата. – Мам, я сейчас пойду отпрашиваться с работы и постараюсь вечером приехать пораньше. И как это я забыла про то, что вчера был Чистый четверг! И главное, почему всегда я? Почему у Шуры никто никогда не собирается? Пусть бы Шура пекла и отпрашивалась с работы!

Шурой звали двоюродную сестру.

– У Шуры? – переспросила мать. – В Марьино?

Это верно.

Собрать в Марьино всех родственников, коих в разные годы насчитывалось до двадцати человек, напечь на всех куличей, наделать пасхальных пирогов, творогов, окороков, да принять, да накормить, да уложить, да ухаживать весело, от души, так, чтоб Пасха на самом деле зажглась веселым, утешительным светом, – где это видано?! Да и не поедет никто в Марьино! Все давно привыкли собираться в Боженке, в огромном, старом и бестолковом доме Татиного мужа. Пожалуй, никто из родственников и не помнил, когда

собирались у бабушки на Тверской или в доме Татиных родителей в ближнем пригороде, где вокруг были только научные институты за заборами да свекловичные поля до горизонта!

– Таточка, – говорила тем временем мать, – я сегодня приеду и тебе помогу. Ты можешь с работы не отпрашиваться, моя девочка. Я тесто сделаю, и мы вместе начнем печь.

– Ну да, – неопределенно согласилась Тата.

Все это отлично, но теста для куличей требовалось примерно ведро, и им обоим было совершенно понятно, что мать в одиночку это ведро не одолеет, и все ее прекраснотушные предложения – просто так, чтобы дочь оценила ее готовность помочь, и больше ничего.

Конечно, никто не горел желанием отпустить ее с работы, да еще в конце недели, да еще перед Пасхой!

– Всего на полдня, – храбро улыбнулась Тата, когда Павел Петрович вопросительно поднял брови.

– Татьяна, – помолчав, внушительно заговорил Павел Петрович, пропустив мимо ушей упоминание про «полдня», – я, конечно, вас отпущу, но не могу сказать, что вы этой просьбой доставляете мне удовольствие.

– У меня там отгулов накопилось почти на две недели, – тут Тата улыбнулась обворожительной улыбкой, – и все материалы я сдала...

– Рекламная кампания набирает обороты, и мне хотелось бы, чтобы вы отследили ее ход, провели, так сказать, грамотный мониторинг, чтоб мы могли оценить рентабельность и внести коррективы в планы следующего квартала...

Тата слушала, кивала, время от времени записывала в ежедневник, который держала на бедре, – сидеть при этом приходилось изогнувшись, как индийской женщине во время нанесения рисунков хной на подошвы ног!..

Вот далась ей эта индийская женщина!..

Она слушала, кивала, записывала и думала все время об одном и том же – жизнь не удалась.

В последнее время это стало совершенно очевидно.

Муж, которого месяц нет дома.

Тёма и Тюпа – дети – совершенно отбились от рук.

Лялька – собака – пребывала в грусти.

Ей самой на днях стукнет сорок.

Опять весна на белом свете, а кажется, только что была предыдущая весна, и в этой серой череде как будто невыспавшихся, тревожных дней особенно ощущается скоротечность времени.

Опять весна, а вот же только что уже была весна, и скоро будет еще одна весна, и так пройдет вся жизнь, и ничего не останется, никаких шансов что-то поправить, изменить, прожить заново!

Почему весной особенно тревожно?..

– ...и при этом совершенно необходимо, – продолжал бубнить Павел Петрович где-то очень далеко, за поворотом сознания, – сохранить лидирующие позиции...

Тата знала, что он ее отпустит, но не откажет себе в удовольствии провести краткий лекторий, цель которого сводится к одному – тебе, матушка, в отгулы захотелось, а у нас тут работы невпроворот, ты это прочувствуй, прочувствуй хорошенько!

И как это она забыла про то, что вчера был Чистый четверг, а сегодня, следовательно, уже пятница?! Куличи нужно печь как раз в четверг, но Тата не придерживалась строгих православных традиций. Самое главное, чтоб куличи были и чтоб накануне Пасхи!

Конечно, начальник ее отпустил, и, чувствуя себя отчасти изменницей родине, отчасти предательницей корпоративных интересов, Тата вернулась к себе в кабинет и стала рассеянно собираться, прикидывая, что именно нужно купить по дороге. Получалось что-то очень много, а денег у нее было маловато.

В этот момент позвонил Тёма.

– Ма-ам?

– А-а?

– Здорово! Ты когда приедешь?

– Сынок, я сегодня пораньше. Меня отпустили с работы, я буду куличи печь. У нас в субботу гости.

– Вот е-мое! А какие гости у нас в субботу?

Тата вздохнула и завела:

– Родственники. Бабушка с дедушкой, прабабушка...

– С прадедушкой? – перебил непочтительный Тёма. – Наша прабабушка наконец-то завела себе прадедушку?

– Тём, – сказала Тата педагогическим голосом, – ну что ты говоришь?

– Я шучу, – пояснил сын. – Это такая шутка. Ты что, не въезжаешь?

– Еще тетя Шура, Аня, Сашка, Машка, дядя Володя...

– Е-мое!

– Лера, Сережа...

– Вот е-мое!

– Тём, мне надоело это дурацкое выражение!

– Мне тоже много чего надоело, – сказал сын угрюмо. – Особенно мне надоел этот придурок Тюпка!
Мам, зачем он все время лезет в мой компьютер?

– Наверное, хочет поиграть.

– Не, а почему в мой-то?

– А потому, что у него нет своего.

– Своего компьютера у него нет, а свои родители у него есть? – осведомился сын. – Эти родители могут, в конце концов, купить ему отдельный компьютер? Ну просто для смеха, чтобы он не лез в мой!?

– Тём, давай мы с тобой об этом дома поговорим. Мне сейчас нужно ехать и еще в магазин забежать...

– Не, а почему он в мой-то лезет?

– А своего у него нету!..

И тут ее сын заржал – радостным мальчишеским смехом. В этом он был похож на отца. Тот никогда не умел всерьез раздражаться по пустякам, мусолить обиду, дуться, злиться!..

Самая продолжительная ссора с мужем длилась, помнится, пятнадцать минут. Из них минут пять они препирались, потом разошлись по разным углам, а потом он пришел из своего угла и сказал, что так невозможно, что он так не хочет и не умеет, давай скорей мириться!..

– Ма-ам!

– А-а?

– А может, ты, наоборот, сегодня попозже приедешь? У тебя на работе нет заседания или совещания? Или этого, как его, педикюра?

– Нет, – сказала насторожившаяся Тата, – а что такое? Ты опять назвал полный дом дружанов и не предупредил меня?

– Назвал, – покаялся Тёма. – И не предупредил.

– Артём! Сколько раз я тебя просила!..

– Вообще-то я папе сказал, – сообщил сын делано безразличным тоном. – А он заявил, что будет тебе звонить и все передаст.

– Когда ты ему сказал?! Как?!

– Очень просто, по телефону! Он звонил, спрашивал, какие у меня планы на жизнь, ну, я ему и сообщил, что сегодня все придут – и Димон, и Влад, и Женька!

Тата помолчала, собираясь с мыслями.

– Он тебе звонил... сегодня?

– Ну да. Как только я из школы приехал. Я ему сказал, чтоб он тебе сказал, а он сказал, что скажет...

– А почему ты сам мне не позвонил?

– Ну, ма-ам, – протянул Тёма, – я же знаю, что ты будешь ругаться! А папа никогда не ругается.

В общем, все это шито белыми нитками.

Ее сын, как и все остальные в семье, чувствует неладное и пытается как-то нащупать почву под ногами. Ну, если родители не разговаривают, может, их хитростью заставить?! Пусть отец скажет матери про дружанов, что ли!.. Тёма его попросит, отец позвонит матери, и они о чем-нибудь поговорят, и болотная зыбкость, опасная для всякого, кто в нее наступает, станет чуть потверже и не такой страшной?..

Нет, Тёма взрослый и умный и прекрасно знает, что люди, бывает, разводятся, у них в классе половина родителей поразвелись, ну и что? Только к его, Тёминой, семье это не имеет никакого отношения. Не может иметь. У них все по-другому, и родители не такие, как все остальные, а особенные, молодые, красивые, продвинутые! И однажды Тёма видел, как они целовались. Он вышел на крыльцо позвать собаку и вдруг увидел их под падающим снегом – они стояли и целовались, как малолетние, и это продолжалось и продолжалось, и Тёма, улыбаясь тонкой улыбкой умудренного жизнью старца, вернулся в дом, аккуратно прикрыл за собой дверь и даже Тюпку не пустил на улицу, заманил своим драгоценным компьютером, чтобы ребенок не мешал родителям целоваться под снегом!

А потом все кончилось.

Отец все время в командировках.

Мать все время на работе.

Только Тюпка все лезет и лезет на компьютер, придурок!..

Пообещав, что будет ехать долго, как можно дольше, чтобы Тёма успел замести следы, Тата вышла на улицу и вдохнула немного весны.

Весна в Замоскворечье пахла талой водой, автомобильным выхлопом и чуть-чуть вербой, уже надувшей трогательные пухлые щечки. Одинокая захудалая вербочка как раз притулилась возле суперсовременного крыльца, выложенного темным мрамором и облагороженного с двух сторон голубыми елями в кадках. Тата спустилась с крыльца и понюхала вербочку.

Ордынка шумела машинами, копошилась людьми, сияла огнями магазинчиков и ресторанов, где рано зажгли свет, и во всем этом мире верба все равно пахла весной.

– Уже уходите, Татьяна?

Тата открыла глаза – оказывается, она их закрывала.

Он стоял у нее за спиной и улыбался.

Он пришел к ним на работу совсем недавно, встречались они всего раз пять, и он Тате... нравился.

Он хорошо улыбался, хорошо выглядел, кажется, много знал, и на Восьмое марта, праздник всех трудящихся женщин, неожиданно принес ей мимозы. Не те, что продаются в ларьках или даже роскошных цветочных магазинах вроде «Садов Семирамиды», а какие-то необыкновенные, невиданные, и вовсе не похожие на желтые метелки, а вправду похожие на цветы, пахнущие сладко и остро. Они никуда не помещались, эти необыкновенные мимозы, топорщились, вылезали из всех ваз, и их бархатные листочки деликатно цепляли Тату за ноги, когда она проходила мимо, наконец пристроив их в ведро, выпрошенное у уборщицы Марьи Сергеевны.

Они были похожи на весну, только не московскую, ордынскую, а на южную, победительную и самодовольную, сиявшую сотней желтых пушистых шариков!

И Олег был похож на весну.

– Вы уходите или только пришли, Таня?

Тата неожиданно сообразила, что рассматривает его почти неприлично.

– Я ухожу, Олег, – и она состроила официальную улыбку коллеги и старшего товарища. – Мне сегодня нужно пораньше домой.

Улыбку он не принял.

– А можно мне вас проводить?

Вот этого Тата не ожидала. В предложении «проводить» было нечто старомодное, из школьной жизни.

– Вы можете меня проводить только до машины, Олег. Вот, кстати сказать, и она.

Он посмотрел на ее машину, залитую с одного бока водой из лужи, и пожал плечами.

– Ну, можно ведь до нее дойти каким-то другим путем.

– Каким... другим путем?

– Вот так, – он кивнул головой куда-то в сторону. – Хотите, я вам покажу свой любимый магазин? Он здесь рядом.

– Магазин? – как попугай переспросила Тата.

Ей тут же представились ряды вешалок, а на них пиджаки и брюки. И еще, как она заходит, а Олег говорит ей – ну вот, это мой любимый магазин.

Или нет, нет, не так. Длинные прилавки с сосисками, колбасами и сырами в вакуумной упаковке, отдельно молоко и яйца в коробках. И Олег говорит – ну вот, это мой любимый магазин.

Ей, конечно, надо в магазин, и как раз, где продаются яйца, мука и масло, но Олег тут совсем ни при чем!..

– Олег, спасибо за предложение, но мне правда нужно ехать.

– Вы меня не поняли, – сказал он и засмеялся. – Вы простите меня, Таня, должно быть, я как-то неправильно выразился. Здесь, на Ордынке, есть чудесное место, где продается всякий хлам. Старинные светильники, абажуры, сталинские торшеры и прочая ерунда. Там работает мой приятель. Я иногда к нему захожу просто поболтать или посмотреть, что именно он нашел на очередной помойке. Давайте зайдем?..

Тату никто не приглашал на свидания, наверное, лет триста, а может, восемьсот. Последнее свидание – как раз восемьсот лет назад – закончилось полным фиаско, да и свиданием в полном, так сказать, всеобъемлющем смысле слова, это никак нельзя было назвать.

Позвонил бывший однокурсник и пригласил Тату в театр. Она долго собиралась, наводила красоту – однокурсник, шутка ли!.. Столько лет не виделась, и поразить его воображение своей не только не ухудшившейся, а значительно улучшившейся красотой очень хотелось.

В общем, Тата собиралась, собиралась, поехала, и уже непосредственно в приюте Терпсихоры, или, быть может, Мельпомены, однокурсник объявил, что у него всего час. Так что вскоре ему придется уйти, видимо, даже не дожидаясь конца действия.

И – самое смешное! – он так и сделал. В середине действия он встал, а сидели они в четвертом ряду, повернулся спиной к сцене, на которой страдал главный герой, и, извиняясь перед потревоженными

зрителями, стал пробираться к выходу.

А Тата осталась досматривать, красная, как рак, и глубоко несчастная. Ей казалось, что главный герой со сцены теперь смотрит только на нее, как на главную сообщницу негодяя, и с отвращением смотрит, и она готова была провалиться сквозь пол, напрямик в театральный подвал.

Так Тата и не поняла, для чего однокурсник все это проделал!.. То ли, увидав Тату, он так перепугался ее улучшившейся за годы разлуки красоты, то ли у него и вправду что-то случилось, только на свидания она больше не ходила.

Да, собственно, и не приглашал никто!..

А Олег пригласил? И это свидание или не свидание? Как понять?

Конечно, хорошо, что в сорок лет к делу подключается голова, и можно этой самой головой придумать правильное объяснение чему угодно, и разложить по полочкам эмоции, и разобрать по косточкам чувства, и не дать противоречиям стать совсем противоречивыми, а непониманию совсем непонятным.

Конечно, хорошо, что в сорок у тебя появится то, что в умных книгах называется «жизненный опыт», и этим самым опытом можно и должно воспользоваться, чтобы не попасть впросак.

Конечно, в сорок все не так страшно, как в восемнадцать!

Все гораздо страшнее.

Олег смотрел на нее и улыбался, и она пребывала в полном смятении чувств.

– Я безопасен, Тата, – сказал он наконец, почему-то назвав ее домашним милым именем. Из всех мужчин на свете до сегодняшнего дня ее так называл только муж. – Ей-богу!.. И в посещении антикварного магазина нет ничего предосудительного, клянусь вам!

Тата немедленно почувствовала себя идиоткой.

– Да ничего я не боюсь, – пробормотала она. – Просто у меня дел полно. Впрочем, если это не слишком долго...

– Совсем недолго!

И они пошли по тротуару, достаточно далеко друг от друга, но все же как будто объединенные ее согласием.

– Я рад, что встретил вас.

Она посмотрела вопросительно.

– Возле крылечка, – пояснил он весело.

Ему нравилось ее смущать. В ней странно и притягательно сочетались внешняя зрелость и беззащитная детскость, с ней хотелось играть в слова, в «гляделки», декламировать из романтических поэтов и рассказывать истории о том, как охотятся на львов в пустыне.

Ему казалось, что она во все поверит.

– Какое у вас славное имя – Тата.

– Татой меня зовут только дома, и это никакое не славное имя, а что-то вроде собачьей клички. У нас собаку зовут Ляля. Ее Ляля, а меня Тата! Очень удобно приучать животное откликаться, всего два повторяющихся слога. Это написано в любой книге по собаководству!

– Вас назвали в соответствии с книгой по собаководству?!

– Да нет, конечно, – сказала Тата с досадой. – Меня и вправду так зовут только дома, и я теряюсь, когда меня так называют...

– Посторонние?

Она кивнула.

– Откуда вы узнали, вот загадка!

– Это никакая не загадка. Вы однажды приехали вместе с какой-то дамочкой, очень красивой, кажется, вашей матушкой, и она все время назвала вас Татой. А я услышал, вот и все. И мне не хочется, чтобы вы считали меня посторонним.

Тата открыла было рот, чтоб спросить, кем же тогда она должна его считать, уж не своим ли, но решила не спрашивать.

– А мама у меня в самом деле красивая, – быстро сказала она, чтобы что-нибудь сказать. Ей было неловко.

– Говорят, если хочешь узнать, как женщина будет выглядеть в... зрелом возрасте, достаточно посмотреть на ее мать. И все станет ясно.

– Олег, я и сама в достаточно зрелом возрасте! Мне в апреле стукнет сорок. Или это был такой комплимент?

– Комплимент, – покаялся он. У него были веселые карие глаза с золотистыми точками.

Тата быстро посмотрела и отвернулась.

– А что? Вы не любите комплименты?

Она нехотя пожала плечами.

Как можно не любить комплименты или, напротив, их любить? Комплимент и есть комплимент – вроде сказано что-то приятное, и вроде это хорошо, и в то же время никто не обязан сказанному верить.

Хотя в умных книгах – «Наше счастье в наших руках!», «Как приручить мужчину», «Выиграй войну и обрети ЕГО!» – сказано, что комплиентам необходимо радоваться и в них надо верить.

Тата редко радовалась. И уж никогда не верила!..

Ну, вот она точно знает, что сегодня выглядит плохо, не выспалась, да еще чаю на ночь нахлесталась, потому что перед этим наелась винегреты с солеными огурцами и квашеной капустой, и вид у нее теперь, как у китайского подводника – глаза узенькие-узенькие, заплывшие-заплывшие, а щеки, наоборот, желтые-желтые и раздутые-раздутые, – и ботинки надела не те: во-первых, жмут, во-вторых, как-то на редкость неудачно пережимают ногу повыше щиколотки, от чего нога похожа на бледную перетянутую толстую сардельку, а навстречу ей в коридоре попадает Павел Петрович и говорит: «Вы сегодня особенно прекрасно выглядите, Татьяна Алексеевна!»

По мнению авторов умных книг, Тата должна возрадоваться, посмотреть на себя глазами Павла Петровича и не найти в себе ни одного недостатка, но она-то знает, что их тьма! И вряд ли Павел Петрович ослеп, оглох, потерял обоняние, осязание и разум, ибо только в таком состоянии можно все эти недостатки не заметить!

Нет, Тата не любила комплименты и не умела им радоваться!

И муж никогда ей не говорил, сколь она прекрасна.

Он был двадцать лет на ней женат, и двадцать лет его комплименты выглядели следующим образом: она спрашивала, хорошо ли выглядит. Он отвечал: «Ты очень красивая женщина».

При этом он мог смотреть в окно, в телевизор, в журнал или в Тюпину книжку, если Тюпа требовал, чтобы папа ему читал.

«Зачем мне на тебя смотреть, я и так знаю, что ты красивая!..»

В переводе на нормальный женский язык это означает – отстань от меня.

И Тата отставала. Приучила себя отставать...

Под ногами было скользко и как-то не слишком надежно, а Тата на каблуках, и теперь перед ней стоял практически неразрешимый вопрос – взять Олега под руку или не брать.

Не взять – можно животом плюхнуться в жидкую, размолотую ногами кашу.

Взять – не будет ли это слишком фамильярно и не подумает ли он чего!

Сорок лет – это прекрасный возраст женственности и осознания себя в этом мире. Тата решительно не могла понять, осознала она себя в своей женственности или пока еще нет.

По всей видимости, нет.

Тут – на мысли о женственности – она и поскользнулась, и Олег ее поддержал. Он поддержал ее совершенно естественно, и Тата сказала себе, что это нормально, не мог же он позволить ей плюхнуться! И руку свою на ее локте оставил тоже совершенно естественно, и Тата сказала себе, что это нормально, а вдруг она опять поскользнется!..

– Вы любите весну?

– А? Весну?

Она понятия не имела, любит весну или не любит. Как не имела понятия, любит ли она человечество в целом. Весной она любит весну, зимой любит зиму. Любит, чтоб на Новый год был снег, морозец и чтоб в Боженке на участке бенгальские огни втыкали в сугроб, и чтобы за нос щипало. В октябре любит запах дыма, опавших листьев, подмороженных яблок, которые, если надкусить, оставляют во рту холодный винный вкус. Летом любит, чтоб было жарко и чтоб можно было носить сандалии с открытыми пальцами – тогда виден красный лак на ногтях – и длинные льняные сарафаны, и чтоб теплый ветер непременно трепал подол! А весной...

Весной ей всегда тревожно, и ничего с этим нельзя поделать.

И сейчас ей тревожно от его руки, от его золотистых глаз, от того, что он рядом, такой высокий, незнакомо пахнущий, в распахнутой куртке!..

Зачем он спрашивает?.. И так все ясно.

– Я люблю Пасху, – сказала Тата, чтобы не отвечать про весну. – Мы всегда куличи печем. Это семейная традиция. Я как раз сейчас должна метаться по магазинам и покупать муку, изюм и масло. В куличи нужно очень много масла. И это очень долгая история – куличи, а я вместо этого, видите, с вами иду к вашему другу!

– Во-первых, я счастлив, что вы идете со мной к моему другу. А во-вторых, куличи можно и в булочной

купить. Зачем вы их сами печете?

– В магазине? – переспросила Тата и засмеялась.

Покупать куличи в булочной казалось ей дикостью.

Бабушка Татьяна Львовна говаривала, что чем покупать кулич в магазине, лучше тогда совсем без него!..

Еще Татьяна Львовна говорила, что весь смысл кулича в том, что пекут его с любовью, с радостью, предвкушая еще большую пасхальную радость, а вовсе не в том, чтоб в какой-то определенный день весны взять да и съесть кусок сдобной булки! Ее можно и просто так в любой день съесть, без всякой Пасхи!

А еще Татьяна Львовна говорила, что даже в войну, в эвакуации, когда ничего невозможно было ни купить, ни достать, как-то ухитрялись, меняли на молоко, муку и масло последние вещички или немудреное прабабушкино золото, полученное в наследство, только куличи все равно пекли. И не было за годы войны ни одной Пасхи без кулича!

А еще Татьяна Львовна утверждала, что для этого тайного и многотрудного дела все женщины семьи должны собраться вместе, все должны поучаствовать и все должны думать о любви. И только в этом случае кулич получится такой, каким ему должно быть, – пышный, легкий, пропеченный, с гляцевыми спинками запекшихся изюминок на высокой золотистой маковке.

И все это она рассказала Олегу, радуясь тому, что он слушает так внимательно, с таким искренним интересом, и ей даже жалко стало, когда он вдруг придержал ее за руку и сказал:

– Мы пришли.

С жестяной крыши над крылечком потоком лилась вода, прямо на голый обмороженный куст, каждая веточка была в ледяном панцире. По трубе скатывались оттаявшие льдины, вылетали на тротуар и рассыпались под ногами, как осколки битого стекла. В окошках, забранных чугунами старинными решетками, горел уютный свет и двигались какие-то тени.

– Заходите, Тата. Там внизу тоже интересно, но мы сначала пойдем повыше.

Оставляя мокрые следы на чугунной ажурной лестнице, почему-то напомнившей Тате пьесу Островского, они поднялись на второй этаж.

Олег открыл дверь. Меланхолично прозвонил колокольчик, и они оказались в тесно заставленной комнатухе с высоким сводчатым потолком.

– Да, да! – прокричали откуда-то. – Я слышу!

На стенах висели светильники в виде купидонов и виноградных гроздьев. С потолка низвергались люстры таких размеров, что нижние тонкие стеклянные лепестки почти касались темного паркетного пола. Какие-то эскизы навалены кучей в углу, а на столе с потертой кожаной крышкой валялись свернутые в трубку рисунки, стоял старинный чернильный прибор – одной крышки не хватало, и из чернильницы торчали карандаши, – и ноутбук примостился рядышком, и допотопный черный телефон на стене.

Тата думала, что он тоже продается, но в этот момент он вдруг позвонил – громким, требовательным, залихватским звоном!

Здесь было удивительно тепло и пахло пылью, сухими цветами и, пожалуй, полиролью.

– Нравится? – тихонько спросил Олег.

Тата покивала. Глаза у нее горели.

Она стала разматывать шарф, и Олег тихонько взял его у нее из рук и положил рядом со своим рюкзаком на кожаный обшарпанный диван, стоявший при входе.

Телефон позвонил-позвонил и перестал.

– Я же сказал, иду! – нетерпеливо повторил тот же голос, и теперь Тата поняла, что он доносится откуда-то сверху. – Я здесь! И звонят, и звонят!.. И идут, и идут!..

Со стремянки, широко расставившей латунные ноги в дальнем конце этой необыкновенной комнаты, у самого окна, спустился лохматый молодой человек в очках. В руках у него был купидон, держащий свечной рожок.

– Ага, – сказал молодой человек с удовольствием, – вот это кто!..

– Привет, – поздоровался Олег. – Тата, познакомьтесь, это Игорь, мой приятель. Мы вместе в институте учились. А это Татьяна, моя... коллега. Мы просто гуляли и решили к тебе зайти. Нам ничего особенно не нужно, так что ты не обращай на нас внимания.

– Как же мне не обращать внимания, когда ты приводишь ко мне таких красивых женщин, – лохматый Игорь поклонился Тате. Свитер болтался и шевелился на нем, как будто снятый с человека примерно раза в два больше. – Да еще без предупреждения!

– Здравствуйте! – весело поздоровалась Тата.

Почему-то этому очкастому, отвесившему ей комплимент, она моментально поверила.

– Значит, вы гуляете? И просто так зашли? Ни за что не поверю! Наверняка не просто гуляете и не просто зашли! Скажите, прекрасная Татьяна, может быть, вам все-таки что-нибудь нужно? Может быть, вы художник и оформляете дом какого-нибудь нувориша, и вам понадобилось нечто особенное? И мой друг вспомнил обо мне, бедном хранителе старины и любителе всякого хлама, и привел вас сюда?

Он трепался как-то так, что Тата моментально простила ему и «прекрасную Татьяну», и подозрение в том, что она «художник».

– Смотрите, какой чудный купидончик! – И он жестом фокусника сунул к самому ее носу бронзовую фигурку. – Обратите внимание, как он лукав и в то же время мудр! Стрела купидона никого не поражает напрасно, не так ли, мой бедный друг? – Это было сказано Олегу. – Нет, что ни говорите, а модерн был лучшим из направлений в искусстве!

– А по-моему, нисколько он не мудр, – заметила развеселившаяся Тата и взяла купидона, оказавшегося на удивление тяжелым, из рук лохматого и очкастого. – Да и вообще это просто бронзовая поделка, и хороша она только тем, что отлили ее в девятисотом году!

– В девятьсот восьмом, – поправил лохматый с удовольствием, сложил на груди костлявые руки и подбодрил: – Продолжайте, продолжайте!

– Точно так же, как этот купидон, хороши кобальтовые чашки Ломоносовского завода из сервиза моей бабушки! Лет через пятьдесят о них будут говорить, что это произведение искусства украсит собой любую коллекцию! Художники-реалисты середины пятидесятих годов двадцатого века нашли свой способ выразить протест диктатуре – посмотрите, как глубок этот синий цвет! А какова золотая окантовка! Ее ширина составляет ровно семнадцать миллиметров, и что это, если не намек на пролетарскую революцию семнадцатого года?

– Bravo! – одобрил лохматый и, обратившись к Олегу, добавил: – Не только красива, но и умна!..

И Тате это было приятно.

– Ну, хорошо же! – Лохматый взял у нее из рук купидона и сунул на заваленный всякой всячиной подоконник. – Шут с ними, с заводскими образчиками литья! А посмотрите вот на это! Вот про это вы никогда не сможете сказать, что это так же хорошо, как кобальтовые чашки вашей бабушки! Венецианское стекло, семнадцатый век. Подлинник, хотя, конечно, многое пришлось восстановить. – Он за руку подвел Тату к низвергающейся с потолка люстре. – Посмотрите, посмотрите! Тут ведь дело не в том, что цена ей – полмиллиона! А в том, как много она повидала на своем веку! Вы только представьте себе! Она висела в какой-то зале – судя по ее размерам, огромной зале. В каком-то доме – судя по ее богатству, в состоятельном доме! Под ней танцевали, принимали гостей, целовались, ссорились, мирились, на ее подвески капал воск многочисленных свечей! Под ней проходили лакеи, пробежали дети, проносили усопших!.. А теперь она здесь, у меня, и видит бог, как мне не хочется с ней расставаться!

– Вы ее продаете?

– Я надеялся, что не продам так быстро, – сказал лохматый почти печально. – Но покупатель уже есть, так что...

И он махнул рукой, словно сожалея о том, что получит полмиллиона за свою необыкновенную люстру.

В каморке лохматого они пробыли долго, при этом хозяин то и дело обращался к ним обоим сразу, как бы объединяя их, и на Ордынку Тата с Олегом вышли гораздо более близкими людьми, чем вошли в магазин.

На улице синели зыбкие весенние сумерки, сильно похолодало, под ногами хрупал ледок, и воздух стал колким, утратившим дневные запахи оттаявшего города.

– Господи, – спохватилась Тата, – какой ужас! Сколько времени?

– Без... – он посмотрел на часы, – без двадцати шесть.

– Как шесть?! Я давно должна быть дома! У меня куличи!

– Да-да, я помню, – согласился Олег. – Вы всегда их печете, потому что глупо покупать их в магазине. Так сказала ваша бабушка.

– Вы что, смеетесь?

– Ни в коем случае! Поужинать со мной вы, конечно, не согласитесь? Даже если я пообещаю вам заказать на десерт кулич?

– Мне срочно нужно домой, Олег, – твердо сказала Тата. – Спасибо за экскурсию, но сейчас мне правда нужно ехать!

Как-то так получилось, что они уже добежали до ее машины, а казалось, что до магазина шли довольно долго.

Тата глупо потрясла его руку, открыла дверь, пролезла на водительское место – лезть было очень неудобно, соседняя машина стояла слишком близко, и Тате пришлось извиваться, как индийской женщине

во время исполнения танца живота.

Он придержал ее дверь.

– Можно, я вам позвоню?

– Зачем? То есть, конечно, конечно, звоните, я всегда на месте, с девяти до шести.

– Можно я позвоню вам, Тата?

Она перестала метаться, отводить глаза и производить массу совершенно лишних движений. И посмотрела на него из машины – снизу вверх.

В конце концов, что ей терять?!

Ей сорок лет, и она знает о жизни все.

Ее муж пропадает в командировках, и она почти точно знает, что, вернувшись в очередной раз, он объявит, что вернулся в Москву, но не к ней, все кончено, у него теперь своя жизнь, у нее своя, и ей казалось, что она к этому почти готова.

Ее дети почти выросли, чуть-чуть, и она перестанет быть им нужна, у них и сейчас уже свои интересы.

Почему бы нет?..

И она разрешила:

– Позвоните, – и тут же устыдилась, что ломалась так долго и устроила из совершенно пустякового дела какую-то канитель.

Всю дорогу до Боженки она пребывала в задумчивости, вспоминала свое «свидание» в мельчайших подробностях, так же, не выходя из задумчивости, купила в сельском магазинчике все, что нужно для куличей, и, подъехав к воротам, решила, что все-таки позвонит.

Зачем так мучиться? Лучше задать вопрос и получить ответ.

Решительной рукой она достала телефон и нажала одну кнопку.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сообщил ей телефон. – Попробуйте перезвонить позже».

Телефону не было никакого дела до того, что решиться перезвонить трудно, и еще неизвестно, решится ли она.

Подумав, она набрала совершенно другой номер.

– Здравствуйте, – сказала она, когда ей ответил женский голос, – можно попросить Максима Владимировича?

Женский голос уверил ее, что Максим Владимирович ответить не может, зато Тата может оставить сообщение, и Максим Владимирович, когда сможет...

– Спасибо, – не дослушав, поблагодарила Тата, нажала «отбой» и еще немного посидела, не открывая дверь. Ей не хотелось выходить. Потом пропела: – О, сколько их упало в эту бездну, отверстую вдаль, настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли...^[2]

И полезла вон из машины.

На дорожке с одной стороны подтаяло, а с другой, наоборот, подмерзло, каблук у Таты подвернулся, и она чуть было не упала со всеми пакетами, которые тащила в обеих руках.

Когда она добралась до крыльца, дверь в дом распахнулась так, что со всего размаху ударились о стену и начала медленно закрываться, а в проеме показалась огромная ушастая башка. Башка покрутилась из стороны в сторону, акуля пасть растянулась в совершенно ангельской улыбке, и на крыльцо выдвинулась Ляля. Твердый, длинный, упругий хвост заработал, попадая по стенам и сотрясая их до самого основания.

– Марш домой! – велела Тата. – Заходи обратно, ты весь дом разнесешь своим хвостом!

Ой мамочки, сказала Ляля, как хорошо, что ты приехала, вот счастье-то! Дай я тебя поцелую!

И она прыгнула на Тату. От прыжка дом покачнулся, как во время землетрясения, и далеко-далеко, может, в подполе, а может, на соседней железнодорожной станции что-то упало и разбилось.

– Ляля, у меня руки заняты! Ляля, прекрати лизаться! Дай мне поставить сумки, и мы с тобой поздороваемся!

Ляле некогда было ждать. Она радовалась, как дитя.

Должно быть, небольшой трицератопс, заведя археоптерикса на верхушке каменноугольного древовидного папоротника, подпрыгивал так же жизнерадостно и живо, и стволы доисторических деревьев так же содрогались до основания.

Пятнистая зелено-коричневая, в цвет камуфляжа американского морского пехотинца голова размером примерно с две человеческие поддевала руку хозяйки, чудовищная пасть расплывалась в счастливой улыбке, лапы, напоминавшие те самые стволы доисторических деревьев, клацали по гладким доскам веранды.

– Ляля, дай мне войти!

Ну, подожди, приговаривала Ляля, глядя умильно и умоляюще, сначала поговори со мной! Где ты была

так долго?! Я тебя прямо заждалась! Вот смотри, я сейчас брякнусь на спину, а ты почешу меня немножко, пожалуйста, а? Прямо тут, на крылечке! Пока тебя никто не отвлек! Ты меня будешь чесать, а я тебе расскажу, как я жила весь этот длинный день! Ты же была на работе и наверняка очень соскучилась по своей собаке и думала о ней каждую минуту! Да? Да? Да?

Розовый язык такой длины, что было совершенно непонятно, как он помещается даже внутри такой гигантской пасти, высунулся, Ляля прицелилась хорошенько и...

– Ляля! Нельзя! Ты же знаешь, что я этого не люблю!

– Мам, ты чего орешь?

– Если бы хоть кто-нибудь вышел и помог мне с сумками, я бы не орала!

Тёма перехватил у нее пакеты. Он что-то жевал, был босиком и в одной майке, а на улице острый весенний морозец.

– Тёма, немедленно иди в дом! Ляля, на место!

– Дай сумки-то!

Ляля в это время прилегла на передние лапы, шевельнула задом, приготавливаясь, и скакнула на Тату. Но Тата была готова. Одновременно с Лялей она прыгнула в сторону, и могучая, литая, вся состоящая из мышц туша приземлилась на пол. Веранда затрещала и, кажется, заходила ходуном.

Пока Ляля с горестным недоумением оглядывалась и соображала, почему у нее не получилось обнять хозяйку и изо всех сил прижать ее к своей любящей груди, Тате удалось заскочить в дом.

Следом, толкаясь, влетели Тёма с Лялей.

– Тата, почему ты так поздно?! Ты же еще днем сказала, что выезжаешь!

– Меня с работы не отпустили, мама, – соврала Тата, а Ляля забежала сбоку и опять лизнула ее в лицо. Розовый горячий язык прошелся по всей хозяйкиной физиономии, от уха до уха.

Ну и на том спасибо. Обнять не удалось, так хоть вылизать! По крайней мере, теперь будет пахнуть хорошо, а то несет невесть чем – духами, сигаретами, гадость какая!

На пороге огромной кухни, переделанной из трех комнат старого дома, показалась бабушка в лиловом брючном костюме, с накрашенными губами и мундштучком. В мундштучке дымилась пахитоска.

Мать тут же сделала недовольное лицо и помахала рукой, разгоняя бабушкин дым.

– Тата, собака совершенно распустилась! Зачем ты разрешаешь ей лизаться?!

– Я не разрешаю, – буркнула Тата.

– Я прочитала в газете, что собаки – разносчики всех болезней! То есть нет такой болезни, которую не разносили бы собаки! А она у вас валяется, где хочет, да еще лижется! Немедленно ступай умываться! Иначе я не стану с тобой здороваться.

– Мама, когда вы приехали?

– Давно, – сказала мать и дернула плечом.

Из этого следовало, что, как всегда, ее бросили одну, наедине с ведром куличей и кучей детей, как будто она не человек, а прислуга, и никто не обращает на нее внимания, и помощи ни от кого не дождешься.

– Я тебе сейчас помогу, – заспешила Тата. – Ты тесто уже поставила?

Мать ничего не ответила. Значит, не просто обижена, а обижена всерьез.

Сейчас придется умолять, упрашивать, каяться, так или иначе мириться, ибо, не помирившись, нельзя печь куличи!..

– Бабушка, а ты?

– Я?! Разумеется, я не разрешаю вашей собаке на меня прыгать и тем более лизать! Я читаю газеты и знаю...

– Да я не о собаке! Ты когда приехала и кто тебя привез?

– Я приехала полчаса назад, – отчеканила бабушка. – Меня привез Володя. Вот образцовая семья. Никаких собак. Никаких болезней. Дети учатся во французской спецшколе, и еще к ним ходит преподаватель китайского языка. И Володя, между прочим, не пропадает в командировках.

– Мама, – торопливо вмешался Тёма, – у нас сочинение по Чехову. Рассказ называется «Студент». Я нич-чего не понял! Давай ты прочтешь и напишешь! То есть мы вместе напишем, я хотел сказать.

– О господи, – пробормотала Тата.

– Тата, я не могу найти формы! Где формы для куличей?

– Мама, зачем тебе формы, если ты еще не ставила тесто?

– Я хочу их помыть. Заранее. И откуда ты знаешь, что я не ставила тесто?

Тата, на ходу засовывая ноги в шлепанцы, подбородком показала на стол.

– Ничего нет, – сказала она и принялась выгружать из пакетов еду в холодильник. – Ни муки, ни кастрюль, ничего. Если бы ты уже поставила тесто, все вокруг было бы в муке и грязной посуде!

– Подумаешь, какая дедукция!

– Мам, можно я Ляльке на голову шапку надену?

Младший сын Тюпа оказался из-за диванной спинки и опять пропал за ней, залег в засаду. Телевизор работал на спортивном канале. Тюпа признавал только мультики и спорт.

– Зачем Ляле шапку?!

– Бабушка Таня, – так ее дети называли прабабушку, чтобы легче было разбираться, где просто бабушка, а где «пра», – сказала, что уши нужно беречь, а то они застынут и будет мутит! А собака ходит без шапки!

– Какой... мутит?!

– Это такая болезнь ухов, – охотно пояснил Тюпа и опять оказался из-за дивана. Тата наконец сообразила, почему он не вышел ее встречать.

Там, за диваном, он ел шоколад, что было ему категорически запрещено, ввиду сильной аллергии.

Тюпа ел шоколад, прячась за спинку дивана, и рот у него был перемазан, и руки, и даже волосы немного. Тюпа всегда все делал с увлечением – ел, спал, читал, пачкался!..

В этом он был похож на своего отца, который нынче пропадает в командировках.

– Болезнь ушей называется «отит», – отчеканила Тата. – Шоколад тебе нельзя! Ты что, этого не знаешь?! Завтра будешь весь чесаться! Мама, кто привез ему шоколад?!

– Я привезла, – объявила бабушка откуда-то из глубины дома. – Ну и что?

– У него аллергия!

– Такой болезни не существует, – твердо сказала бабушка. – Это все выдумки. Существует только неправильное питание и родительская безалаберность!

Тата, покопавшись в специальном «аптечном» ящике стола, сунула Тюпе таблетку от аллергии и стакан с водой, а недоеденную плитку отобрала.

Тюпа заныл, и Ляля немедленно взгромоздилась к нему на диван – утешать.

– Тата, прогони собаку! Собака и ребенок не могут сидеть на одном диване! У нее глисты, и у него тоже будут глисты!

Тата рассеянно доела надкушенную, теплую, подтаявшую Тюпину плитку.

– У него будут не глисты, а аллергия. Прямо завтра. Бабушка, ему нельзя шоколад. Не привози больше, пожалуйста! Если хочешь его угостить, привези, не знаю, яблок, что ли!..

– Я не люблю яблоки! Я шоколадку люблю!

– Мам, этот рассказ «Студент» всего три страницы! Ты его быстро прочтешь!

– А Сережа? – спросила Тата у матери. – Уехал?

– Они с Лерой поехали в магазин. – Мать пожалала плечами. – Они приехали, заглянули в твой холодильник и... в общем, поехали в магазин.

Значит, сестра обнаружила, что у Таты есть нечего, и теперь ликвидирует прорыв. Очень на нее похоже.

– А Сашка с Машкой? – Так звали племянниц.

– Они наверху.

– Что они там делают?!

– Они копаются в твоей косметике, мам, – сказал Тёма совершенно равнодушно.

Тата посмотрела на него. У него было такое лицо – вот-вот расхохочется!

– А что делать, мам? Если выгнать их из твоей косметики, они влезут в мой компьютер!

В это время входная дверь распахнулась, что-то грохнуло, Ляля бабахнула чудовищным лаем, как будто пушка выстрелила, скатилась с дивана и тяжелой рысью понеслась к выходу. Мать уронила в раковину жестяную форму. Тюпа заверещал и запрыгал на одной ноге – кажется, в телевизоре кто-то кому-то забил гол.

Светопреставление и всеобщее смятение.

Ничего не случилось. Просто сестра с мужем приехали из магазина.

Пока Тата целовалась с Лерой, Ляля от души вылизывала их обеих под громкие протесты матери и бабушки. Сверху скатились девчонки – кажется, губы у них были накрашены – и моментально переключили Тюпин спорт на сериал «Очарованные в лесу», а может, «Дора Фрукт, расхитительница садов», и Тюпа задал им жару.

Следом за Лерой в дверях показались двоюродная сестра Шура, ее муж, тот самый Володя, что привез бабушку, и их сын Даниил.

Ляля снова забрехала, так что стены заходили ходуном.

Двоюродную сестру Шуру, а также Даниила с Володей Тата терпеть не могла.

Тата терпеть не могла, а бабушка обожала.

С точки зрения бабушки, только они из всей семьи жили «правильно».

– Гос-споди, – сказала Шура с порога, – гос-споди, что здесь происходит? И какая вонь! Гос-споди, как воняет этой собакой!..

– Мама! – перекивая шум, с лестницы заорал Тёма. – Я пока на компьютер пойду! А ты рассказ прочитаешь, да?

– Татьяна Львовна, как вы все это выносите? – Дядя Володя, брезгливо переставляя длинные ноги в каких-то невиданных волосатых брюках, подошел к бабушке и почтительно ей поклонился. Сверкнула его лысина.

– И не говорите, Володя! В моем возрасте уже не под силу весь этот Содом с Гоморрой! Каждый год я говорю себе, что уж в следующем точно не поеду, но Пасха, как же не ехать!..

– Приезжала бы к нам в Марьино, бабушка, – сказала Шура.

Она слегка поцеловала Тату, на Леру не обратила вообще никакого внимания, Сереже кивнула и как была, в теплых ботах, решительно двинулась к телевизору и выключила «Очарованных в лесу», а может, «Дору Фрукт, расхитительницу садов». А пульт от телевизора сунула себе в карман, словно в сейф заперла.

Девчонки заверещали, но Шура была непреклонна и к тому же обнаружила их накрашенные губы.

– Что это такое?! – взревела Шура так, как будто бульдозер завелся. Даже бесстрашная Ляля, не боявшаяся никого и ничего на свете, стала сдавать задом, пока не уперлась Тате в ноги.

Шура взяла обеих малолетних преступниц за подбородки и повертела их головы из стороны в сторону. Девчонки тарачили испуганные глаза и покорно вертели.

– Марш умываться! Вы выглядите, как... как женщины легкого поведения!

Девчонки одновременно моргнули.

– Где вы взяли эту гадость?! Кто вам разрешил?!

– Шурочка, успокойся, – фальшивым голосом сказала Тата, – это я им разрешила. Мы просто баловались.

Шура выпустила девчонок, которые проворно, как кошки, стали улепетывать по лестнице на второй этаж.

– Как?! Ты разрешаешь девочкам пользоваться косметикой?! Позволь, но в десять лет это совершенно недопустимо!

– Шура, не переживай! – бодро сказал Сережа, Лерин муж и по совместительству отец преступниц. – Ничего страшного не происходит!

– Как это не происходит?! Ты же отец! Детей нужно держать в узде, спроси у Владимира!

Дядя Володя несколько раз согласно кивнул.

– Даниил и Арсений никогда этого себе не позволяли!

– Если бы Даниил и Арсений красили губы, это была бы действительно катастрофа, – громко сказала Лера, которой было наплевать на Шуру с Володей. – Мам, что ты возишься с этими формами? Отстань от них! Давай быстренько соорудим ужин, всех накормим и разгоним спать.

– А куличи? – с робкой надеждой на избавление спросила мать.

Возиться с тестом ей не хотелось – она вообще терпеть не могла домашние дела, – но сейчас она уже совсем приготовилась исполнять свой долг, и Лерино предложение словно избавляло ее от неминуемого восхождения на костер!

– Куличи мы с Татой поставим без вас!

– Как?! Ночью?!

– А хоть бы и ночью!

Спорить с Лерой никто не осмелился – уж такая она уродилась, что с ней никогда никто не спорил. Даже в детском саду на утреннике она объявляла воспитателям, что изображать лошадку не станет, зато будет изображать белочку, и заставлять ее никто не решался.

Бабушка, и та относилась к ней с осторожным уважением.

Тата всегда думала, что, если бы у нее была какая-то другая сестра, она, Тата, должно быть, давно бы уж совсем пропала!..

В один момент Лера соорудила ужин, рассадила сначала детей – «мама, я не буду мясо, я хочу йогурт и сыр!» – потом выгнала детей и рассадила взрослых.

– Лерочка, ты же знаешь, что картофель на ночь вреден!

– Не ешь, бабушка.

– И салат не досолен!

– Возьмите соль и посолите, Владимир!

– Лерка, у нас на плите что-то горит!

– А! Выключи, я забыла под сковородкой газ погасить.

Наступил некий тайм-аут. Дети возились на втором этаже, оттуда доносились их вопли и тяжелые прыжки Ляли, как будто там учили бегемота прыгать с тумбы на тумбу. Взрослые чинно ели и беседовали о том, какая холодная нынче Пасха, и весны теперь стали не те, и продукты опять подорожали, а муку для куличей следует брать только французскую, потому что у нашей помол нехорош.

Тата жевала и думала об Олеге и о том, как она сегодня гуляла по Ордынке.

И еще она думала о люстре, которая низвергалась с потолка и доставала почти до пола, как сверкающий хрустальный водопад, и о том, что эта люстра наверняка была свидетельницей удивительных событий.

Еще она прикидывала, рассказать Лере о том, что она была почти что «на свидании», или не рассказывать.

Рассказать очень хотелось.

Но тут выдвинулась бабушка. Она выдвинулась во фланг, развернула знамена, пришпорила скакуна и понеслась.

– Тата, где твой муж? Я же тебя спрашивала, будет ли он на Пасху дома, и ты сказала, что непременно будет!

Глаза Шуры зажглись любопытством, а лысина дяди Володи порозовела от удовольствия. Надвигался скандал, или, по крайней мере, теплое семейное разбирательство, а что может быть интересней?..

– Бабушка, я ничего такого не говорила! Он улетел на Север и вряд ли успеет вернуться к воскресенью.

– Как?! На Новый год он тоже не успел вернуться!

– Ты все забыла! На Новый год как раз успел.

– Но прилетел тридцать первого числа, а улетел второго или третьего! Я ничего не забываю, потому что принимаю капли для головы.

– Он занят, бабушка, – быстро сказала Лера. – Ты же знаешь, какие у него дела.

– Я знаю, что у него есть семья и дети, – величественно возразила бабушка и вставила пахитоску в мундштучок.

Тата подскочила и подала ей пепельницу. Мать смотрела несчастными глазами – ей не хотелось, чтоб в семье были проблемы, которые она никогда не умела решать, и жалко было Тату.

– У него семья, дети, а он пропадает непонятно где! – продолжала бабушка. – Мальчики совершенно отбились от рук.

– Никто не отбился.

– И собака делает все, что хочет! Еще, боже избави, ты начнешь на свидания похаживать!

Тата уже начала «похаживать», но знать об этом никому не полагалось.

– Я думаю, – вступила Шура, – что они разведутся. Так всегда бывает. Семья всегда узнает последней.

– Типун тебе на язык, Александра! Если они разведутся, дети умрут с голоду.

– Никто не умрет!

– Тата, не обращай внимания. Налей мне лучше чаю.

– Мама, не переживай.

– Вы и вправду разводитесь?

– Конечно, нет! – воскликнула Тата, но как-то не слишком уверенно, и ей показалось, что все за столом услышали эту неуверенность в ее голосе. – То есть, я думаю, что мы не разводимся.

– А что думает на этот счет твой муж?

Тата не знала, что именно он думает.

Если б им удалось поговорить, наверное, она бы знала, но телефон у него все время выключен, а когда он прилетает в Москву, ему недосуг разговаривать с Татой.

Так уж получилось.

– Н-да, – протянул дядя Володя и пробарабанил пальцами по столу какой-то марш. – Разводы катастрофически сказываются на детях. Ка-таст-ро-фически!

– Катастрофически, – подтвердила Шура, которая никогда в жизни не разводилась.

– Мальчикам особенно нужны дисциплина и послушание. Только дисциплина и только послушание! Если, конечно, мы хотим вырастить мужчин, а не этих современных... хлюпиков. Мой сын Арсений в этом смысле подает самые радужные надежды.

– В смысле дисциплины и послушания? – уточнила Лера. Она чай не пила, таскала из тарелки овощи и салатные листья. Сейчас она жевала петрушку, которая свешивалась у нее изо рта, как у ослика Иа.

Может, именно из-за петрушки всем показалось, что она дразнит розового дядю Володю.

Дядя Володя из розового перелился в красный цвет и отчеканил, глядя поверх Лериной головы:

– Именно в этом смысле, дорогая! Вас с Сергеем это также должно волновать, потому что вы

воспитываете девочек, будущих матерей!

– Ну, отцов-то вы уже воспитали, как мы все поняли!

– Арсений – это моя гордость. Даниил гораздо, гораздо более расхлябанный молодой человек. Его захлестнула среда и эта невыносимая компьютерная культура! Он играет в игры!

– Это нормально, – сказал Лерин муж. – Если только он не делает этого сутками.

– Я отвожу ему для занятий на компьютере ровно сорок пять минут, – дядя Володя окинул родственников победительным взглядом – вот какой хороший и внимательный родитель. – За это время он может сыграть несколько прекрасных партий в шахматы на специальном шахматном сайте! А он играет в войну!.. И мне пришлось принять радикальные меры. Я лишил его компьютера.

– Как?!

– Он же взрослый, – жалобно сказала Тата. – Ему же... сколько? Пятнадцать? Или уже шестнадцать? Как можно лишить его компьютера? Он же не Тюпка!

– Гос-споди, ты все называешь своих детей этими собачьими именами?

– Шурочка, позволь мне закончить. Никакого компьютера. Никаких стрелялок. Ничего такого, что развращает молодого человека.

На лестнице произошло какое-то шевеление, и Тата, задрвав голову, посмотрела вверх. По балкону второго этажа, куда выходили двери спален, кто-то прошел и остановился на площадке.

Тата подумала, что детям давно пора спать, и тут же забыла об этом.

– Даниил заканчивает десятый класс и поедет доучиваться в Воронеж.

Лера перестала жевать петрушку.

– Зачем?!

– Моя сестра заведует там школой-интернатом. Даниил, как зарекомендовавший себя не с лучшей стороны, будет там учиться дисциплине и самостоятельности.

– Сдали бы вы его в Москве в интернат, – сказал Сергей и поднялся из-за стола. – Чего в Воронеж-то тащить!

– Ты не понимаешь. Там он будет под присмотром, и потом, чем дальше от Москвы, тем меньше соблазнов!

– Компьютер и в Африке компьютер, не то что в Воронеже! Или вы думаете, что компьютеров нет именно в Воронеже, что ли?! – с досадой перебил Сергей.

Казалось, он хочет сказать что-то такое, чего говорить ни в коем случае нельзя, особенно за семейным столом, и сдерживается только из соображений политкорректности.

А может, потому, что Лера из-под стола показывает ему кулак.

– Да, – сказала мать. – Бедолага. Мальчишки в этом возрасте такие... трепетные. Им так нужны мама с папой, а вовсе не интернат.

– Дорогая, – перебила бабушка. – Я уверена, что родителям виднее. Кроме того, Владимир совершенно прав относительно дисциплины. Она необходима.

Тата думала, что, если бы так получилось и ее муж вдруг сию минуту приехал домой, все моментально встало бы на свои места.

Все ее родственники слушались его, как солдаты своего полкового командира. Впрочем, его трудно не слушаться.

– Все понятно, – подытожила Лера. – Мы воспитываем своих детей неправильно. Мы не отправляем их в Воронеж к сестре нашего дорогого Владимира. Тата, я пойду разбирать постели, а ты убираешь со стола. Дорогие родственники, спокойной ночи, у нас еще куличи!

Однако уgomонить всех удалось только к полуночи.

Тата месила плотное, пахнущее сдобой и ванилью тесто, думала о муже, люстре и Ордынке, когда Лера, позевывая, спустилась сверху.

– Пойдем покурим?

– Подожди, я так не могу бросить. Иначе оно опадет!

Лера заглянула в ведро, над которым трудилась Тата. Готовить она никогда не умела и не любила, зато очень любила поесть.

– М-м, как пахнет! Как в детстве! Помнишь, в булочной продавали куличи и они назывались «Кекс весенний»? Из идеологических соображений?

Тата засмеялась.

– Помню.

– А помнишь, бабушка нам говорила, чтоб мы в школе ни в коем случае не рассказывали, что у нас дома пекут куличи? Мы же были пионерами!

– И комсомолками! – подхватила Тата.

Тесто, пухлое, самодовольное, словно улыбалось ей, и Тата улыбалась в ответ.

– Что, вы на самом деле разводитесь?

– Лерка!

– Ну что?

– Никто не разводится. Пока.

– Что значит – пока?

Тата перестала месить тесто, которое сразу перестало улыбаться.

– Я не знаю, – сказала Тата задумчиво. – Что-то случилось, наверное. Мы никак не можем поговорить, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Может, он влюбился?

Тата неохотно пожала плечами.

– Мне кажется, если б он влюбился, я бы знала.

– Тогда, может, ты влюбилась?

Чтобы не смотреть на Леру, Тата посмотрела на тесто, которое теперь хмурилось.

Пасхальное тесто не должно хмуриться. Оно должно только улыбаться! Весь смысл куличей в том, что их нужно готовить... с любовью.

Никакого другого смысла нет.

– Я не знаю, – сказала Тата задумчиво. – Правда, пойдем на крыльцо.

– А твое драгоценное тесто?

– В присутствии куличей, – объявила Тата, – нельзя говорить на скользкие темы!

Лерка фыркнула:

– А что, у нас уже скользкие темы? Или ты, как дядя Володя, считаешь скользкой любую тему, отличную от шахмат?

На веранде было сумрачно и сыро, свет из окна прямоугольниками ложился на широкие доски и на оседающие потемневшие сугробы. Неожиданно потеплело, и влажный ветер казался совсем весенним.

Лера плюхнулась в качалку и вытянула ноги.

– Господи, как хорошо-то! Твой муж – великий человек!

– Почему? – рассеянно спросила Тата.

– Потому что с его деньгами он бы мог тут отгрохать виллу с колоннами и портиками! А он оставил дом столетней давности, только улучшил немного.

Тата вдруг рассердилась:

– Разве он мог вместо этого дома забабахать колонны и портики?! Кем бы он был после этого?

– Татка, что с тобой?

– Я не знаю.

– Ты влюбилась?

Сосны вздыхали, и тяжелые капли падали на крышу со смачным весенним звуком.

– Вроде бы нет. Но я так устала! Лера, я тут неожиданно обнаружила, что я замужем почти двадцать лет. Двадцать!

– Ну и что?

– Ты знаешь моего мужа, – с ожесточением сказала Тата. – Он работает день и ночь. Ему совершенно наплевать на то, что со мной происходит. Он меня не видит и не слышит иногда месяцами!..

– С чего ты взяла, что ему наплевать? С того, что он не подает тебе кофе в постель? Или не гуляет с тобой вокруг Патриарших прудов? Так он никогда не гулял, насколько я знаю! Он даже, когда за тобой ухаживал, не гулял и не подавал! И двадцать лет спустя тебя это взволновало?!

– Да нет, – чувствуя себя очень глупо, перебила Тата. – Просто мне хочется чего-то... радостного, необыкновенного, понимаешь? Ну, например, чтобы он взял и приехал вот... завтра! Или подарил мне что-нибудь необычайное! Например, вологодские валенки. Он недавно был в Вологде. Знаешь, какой это потрясающий подарок – вологодские валенки? Я просила его привезти, а он забыл.

– И подарил тебе на Восьмое марта, – подхватила Лера, – очередной бриллиант!

Тата кивнула.

– Ужасное горе, – подытожила Лера. – И кофе в постель ни разу не подал, и валенки не купил. Скотина.

– Ты что? Смеешься?

– Татка, – убежденно сказала Лера, – как бы это тебе объяснить... Есть мужчины, совершенно непригодные для оказания галантных услуг дамам. Ну, то есть непригодные решительно! Твой муж как раз такой. Он никогда не станет усыпать твою постель лепестками белых роз и гулять с тобой под дождем не

станет тоже! Он работает день и ночь, такую семью содержит! Может, мама с бабушкой позволяют себе не помнить, а я-то точно знаю, на чьи денежки наша бабушка лежит в лучших клиниках, а наша мама посещает музеи Венеции! И кто дал денег на машину Шуре с Володей. И кто Сережу моего на работу устраивал! Твой муж не может одновременно петь, декламировать тебе из Петrarки и заниматься всеми этими делами!

Они помолчали.

Ветер шумел в верхушках темных деревьев, и Тата, зажмурившись изо всех сил, представляла себе, что вот сейчас откроются ворота, и на участок вползет машина, и он выйдет, немного усталый, небритый, так хорошо и знакомо пахнувший, сядет в качалку и скажет: «Не мог же я в самом деле не приехать на Пасху!»

Что-то стукнуло, проскрипело, и Тата открыла глаза.

– Что это?

– Где?

– Какой-то шум.

Лера прислушалась.

– У тебя галлюцинации.

– Нет у меня галлюцинаций! Там кто-то ходит!

Лера выбралась из качалки, подошла к перилам веранды и приставила руку козырьком ко лбу, на манер капитана на мостике океанского лайнера.

– Никого нет! – объявила она, повернулась, подтянулась на руках и уселась на перила. – И все-таки скажи мне, зачем ты с ним поссорилась? Ведь такого быть не может, чтобы он с тобой поссорился!

Тата пожала плечами. Хорошо, что темно, и только прямоугольники желтого домашнего света лежат на сугробах.

Хорошо, что темно, иначе Лерка бы точно увидела, что она покраснела.

– Я сегодня... на свидание ходила.

– С кем?!

– Так, ни с кем.

– Одна то есть ходила?

– Лера! Он из нашего офиса, очень симпатичный. Он пригласил меня в какой-то антикварный магазин, и мы там рассматривали люстру.

Лера помолчала, а потом сказала:

– Прекрасно.

Голос у нее был расстроенный.

Семья сестры казалась ей незыблемой и надежной, самой настоящей, словно сделанной из чего-то очень прочного, ну, хоть из гранита.

И как бы скучно это ни звучало, в этом был смысл и главная сила – они есть, они вместе, они никогда не расстанутся, потому что это невозможно.

И точка.

А тут такие перемены!.. Да еще какие-то люстры и кавалеры из офиса!

Они вернулись в дом, и Тата опять принялась за куличи, а Лера, ничем ей не помогая, все смотрела и смотрела в окно.

Утром и произошло событие, взбудоражившее весь дом.

Из бабушкиной спальни пропал бриллиантовый прабабушкин крест.

Бабушка совершенно точно помнила, что вечером он был с ней – она никогда его не носила ввиду его исключительной тяжести, – но никогда и не расставалась. Крест висел на нефритовых четках, которые бабушка почти не выпускала из рук, и все помнили, что за столом четки и крест лежали рядом с бабушкиной тарелкой.

Перерыли все, даже ковры снимали – крест как в воду канул!

Все было забыто: Пасха, куличи, которые, накрытые кружевными салфеточками, бодро и торжественно сияли на буфете. Дети ползали под столами, двигали диваны, залезали под кресла. Им нравилось ползать и залезать, они думали, что это игра такая, а тучи все сгущались и сгущались, и Тата чувствовала, что гром вот-вот грянет.

Он и грянул.

Бабушка объявила, что крест у нее стащили как раз дети! – и нужен обыск.

Этого никто не ожидал.

Тёма со злыми слезами на глазах заорал, что, если его в этом доме считают вором, он немедленно поступит в суворовское училище, и ноги его здесь не будет, и вообще, где папа?!

Даниил меланхолично пожал плечами и сказал, что его могут обыскивать сколько угодно – он не берет

чужих вещей.

Девчонки, перепугавшись за Тёму, на всякий случай заревели тоже, а Тюпа спросил, что такое обыск.

Он ел морковку и смотрел телевизор, включенный на спортивном канале.

У матери был перепуганный и несчастный вид. Лера грызла ногти, а Шура держалась за виски – пребывала в ужасе.

– Бабушка, – сказала Тата твердо, – мы не станем обыскивать детей. Наверное, мы просто плохо искали. Просто нужно поискать еще.

– Это очень дурной знак, – бабушка раздула ноздри. Голова у нее тряслась, она даже свои пахитоски не курила. – Особенно накануне Пасхи! Куда мог пропасть крест, да еще такой огромный, да еще с бриллиантами?! Если его стащили, ноги моей не будет в этом доме!

Тату вдруг осенила мысль, куда именно крест мог пропасть.

– Бабушка, а ты снотворное на ночь принимала?

– Ну конечно! А что такое?

– Ничего, – задумчиво сказала Тата. – Ничего. Лера, дай детям супу. Я... сейчас.

Она поднялась на второй этаж, обошла галерею, на которую выходили двери всех спален, и заглянула по очереди в каждую.

Потом спустилась вниз – дети сидели за столом, Лера громко и деловито командовала напряженным, звенящим голосом. Тата не пошла через столовую, а кругом, к той двери, которая выходила не на веранду, а в сад.

Этой дверью пользовались в основном летом, и еще ее муж любил выйти покурить именно на эту сторону дома. Но мужа не было, а возле двери стояли ботинки.

Одни-единственные ботинки.

Все было ясно.

– Мне нужно на чердак за пасхальной скатертью, – сказала Тата отрывисто, вернувшись в столовую. – Что бы там ни было, а Пасха на носу! Даня, пойдем, ты pomoжешь мне дверь открыть.

Меланхоличный Даниил покорно потащился за ней – дисциплина и послушание самое главное, – и совершенно несчастный Тёма проводил их глазами.

На чердаке было холодно и пахло сухими цветами и пылью. Огромный, темного дерева буфет, в котором Тата держала вещи «дальнего пользования» – елочные игрушки, пасхальные и новогодние скатерти, надувного тигра, с которым Тюпа летом любил плавать в бассейне, – стоял в самом дальнем углу.

Тата пошла к буфету, а Даниил остался на пороге.

Его меланхоличность как рукой сняло, он озирался даже, пожалуй, с интересом.

– Как тут у вас... красиво, – сказал он, когда Тата вытащила скатерть.

– Здесь много старых интересных вещей, – согласилась Тата. – Зачем ты взял крест, Даня? Ты же понимал, что бабушка его хватится! Причем очень быстро! Зачем?

Даниил попятился, стал отступать к двери и, пожалуй, сбежал бы, если бы Тата проворно не схватила его за руку.

– Тише, – сказала она и приложила палец к губам, – тише, тише!..

– Я не брал! – Рука у него была совершенно мокрой. – Я ничего не брал, правда!

– Даня, – Тата посмотрела в его перепуганные глаза. – Я знаю.

– Ты не можешь знать! Ты ничего не видела!

– Я не видела, но знаю. Вчера ты выходил на площадку, чтобы взять книжку, да? У нас на втором этаже книжные полки. Ты выходил и услышал, как твой отец говорит про Воронеж.

– Ты меня не видела!

– Не видела, – согласилась Тата. – Но я заходила к тебе в комнату. У тебя на подушке лежит детектив. А детективы у нас стоят только на галерее, куда выходят двери из спален.

– Ну и что? Подумаешь, детектив!

– Даня. Послушай меня. Ты взял книжку, услышал, что говорят взрослые, и решил сбежать, да? Для этого ты решил раздобыть денег. Ты дождался, пока все лягут, зашел к бабушке в комнату и взял у нее с ночного столика крест. Только ты не стал его прятать в доме. Ты знал, что в столовой мы с Лерой, ты нас слышал. Ты подождал, пока мы уйдем курить, спустился и вышел с другой стороны дома, где дверь в сад. Я слышала, как она открывалась.

– Я не брал!

– Возле той двери стоят твои ботинки. Они совершенно мокрые. Ты лазал в них по снегу и позабыл перетащить их к другой двери. Так?

Он тяжело дышал, и глаза у него были полуприкрыты, как у больной птицы.

– Я не поеду в интернат в Воронеж. – Он тяжело сглотнул. – Ни за что, никогда! Пусть он делает со мной все, что хочет! Пусть до смерти забьет, только я не поеду!

– Куда ты дел крест?

– Спрятал.

– Где?

Он посопел еще немного, а потом сказал с отчаянием:

– На яблоне! Там такая развилка и вроде дупло! Ты теперь меня выдашь, да?

Тата подумала немного.

– Нам надо спускаться, – сказала она. – Мы и так торчим тут слишком долго. И еще надо сообразить, как его вернуть, этот крест, чтоб никто не догадался!

– Ты меня не выдашь?!

– Приедет мой муж, и он точно придумает, как тебе помочь. Я обещаю, Даня. Ни в какой интернат в Воронеже ты не поедешь!

Он смотрел на Тату, не отрывая глаз.

– А... что можно придумать?

– Я не знаю. Но он всегда что-нибудь придумывает! Ты сейчас тихонько выйдешь из дому, заберешь крест из дупла и оставишь в кармане своей куртки. Я его оттуда возьму.

– Бабушка сказала, что она будет всех обыскивать!

– Не будет, – уверенно заявила Тата. – Мы успеем раньше.

Как заговорщики, они спустились вниз, где продолжались поиски и разбирательства, и Даня тихонько выскользнул в садовую дверь. Тата проводила его глазами.

Когда он вернулся и незаметно кивнул ей, она подмигнула Лере, которая вопросительно подняла брови, забрала Лялю и ушла с ней в мужнин кабинет.

А потом получилось вот как.

Потом из кабинета выскочила счастливая обласканная Ляля. На могучей шее, перевязанной розовой пасхальной ленточкой, у нее болтался бабушкин крест, вспыхивая четырьмя огромными бриллиантами.

Она подбежала к бабушке, взгромоздила на ее стул передние лапы – бабушка отшатнулась – и нежно лизнула ее в лицо.

– Батюшки-светы, крест! Крест нашелся!

И в эту же секунду со второго этажа скатился Тёма.

Он несся по лестнице и орал во все горло:

– Папа приехал!

– Как я рада, что ты приехал, Макс.

– Как я мог не приехать к тебе на Пасху?!

– Ты не отвечал на мои звонки.

В темноте он повернулся и серьезно посмотрел на нее.

– На самом деле ты не хотела меня слышать. Ты звонила просто так, потому что полагается звонить мужу, когда он в командировке. Я так не могу.

– Я так тоже не могу. – Тата ногтем чертила на его груди узоры, и там, где она чертила, шерстка вставала дыбом.

Ей это очень нравилось.

– Я думала, что ты меня разлюбил.

– Я дал тебе время отдохнуть от себя.

– Ты меня чуть было не упустил.

Он поморщился. Она не видела его лица, но точно знала, что он поморщился.

– Я не могу тебя упустить. Все это глупости, Тата. Я точно знаю, что есть единственная женщина, созданная для меня. И я для тебя единственный мужчина.

Она засмеялась и укусила его за живот.

– Да-а, единственный мужчина! А я, между прочим, на свидание ходила! Романтическое.

Он вдруг напрягся.

– Ты хочешь, чтобы я тебя ревновал?

– Ага.

– Ну тогда рассказывай.

– Если я тебе расскажу, – и Тата опять его укусила, просто так, от счастья, – ты перестанешь меня ревновать.

И тут же все рассказала – про Ордынку, про весну, про люстру. И про мимозы на Восьмое марта, и про приглашение на кофе.

– Да, – выслушав, сказал ее муж. – Плохо мое дело.

– Плохо, – согласилась Тата. Полежала молча и добавила жалобно: – Я так тебя люблю, Макс. Это просто ужас.

– И я тебя люблю так, что просто ужас.

– Ты не уезжай больше так далеко и так надолго.

– Не буду, – пообещал он, и они неожиданно много раз быстро поцеловались. – Не буду.

– Тебе нужно еще придумать, что делать с Данькой. Он такой несчастный, бедолага! Представляешь, крест украл, решил сбежать!

– Да чего там думать, – сказал Макс. Ему не хотелось разговаривать о несчастном Даньке, ему хотелось заниматься с ней любовью в пасхальную волшебную ночь, когда все наконец-то стало хорошо. – Я его пристрою в частную школу здесь, в Москве. Мы будем его забирать на выходные и приезжать на неделе.

– А так можно?

– Можно как угодно, – сказал ее муж. – Было бы желание.

В понедельник Тата допоздна просидела на работе, демонстрируя Павлу Петровичу служебное рвение. Макс сказал, что тоже приедет поздно, и поэтому она не спешила.

Сочинение по рассказу Чехова «Студент» так и осталось ненаписанным, и Тёме вкатили двойку. Тюпа после субботнего шоколада весь покрылся красными пятнами, ныл, скулил и чесался. Бабушка по телефону устроила ей головомойку на предмет собак, крадущих золото и бриллианты.

Таких собак, по мнению бабушки, нужно отправлять на живодерню.

И муж приедет только к ночи!

Чем не жизнь?..

Тем не менее, когда она подъехала к дому, оказалось, что его машина уже стоит, и, обрадованная, Тата побежала к дому.

Странно, но Ляля не выскочила на веранду, чтобы выразить обычное ликование по поводу ее приезда.

Когда Тата тихонько вошла в дом, оказалось, что все они, Максим, Тёма, Тюпа и Ляля, почему-то стоят посередине гостиной и смотрят куда-то вверх.

Тата подошла и тоже стала смотреть.

Они смотрели на люстру, которая низвергалась с высоты второго этажа, лилась, как хрустальный водопад, и огоньки дрожали внутри ее, и брызгали на стены волшебным светом.

А может, и не брызгали, просто у Таты глаза отчего-то налились слезами.

Она взяла мужа за руку, и он оглянулся.

– Макс, – тихонько спросила Тата, – где ты ее взял?!

– Купил.

– Она же уже была продана!

Он пожал плечами.

– Не бывает ничего невозможного, – сказал он. – Особенно на пасхальной неделе!..

notes

Примечания

1

«Зоротин» – название лекарства придумано автором.

Из стихотворения М.И. Цветаевой.